

1993

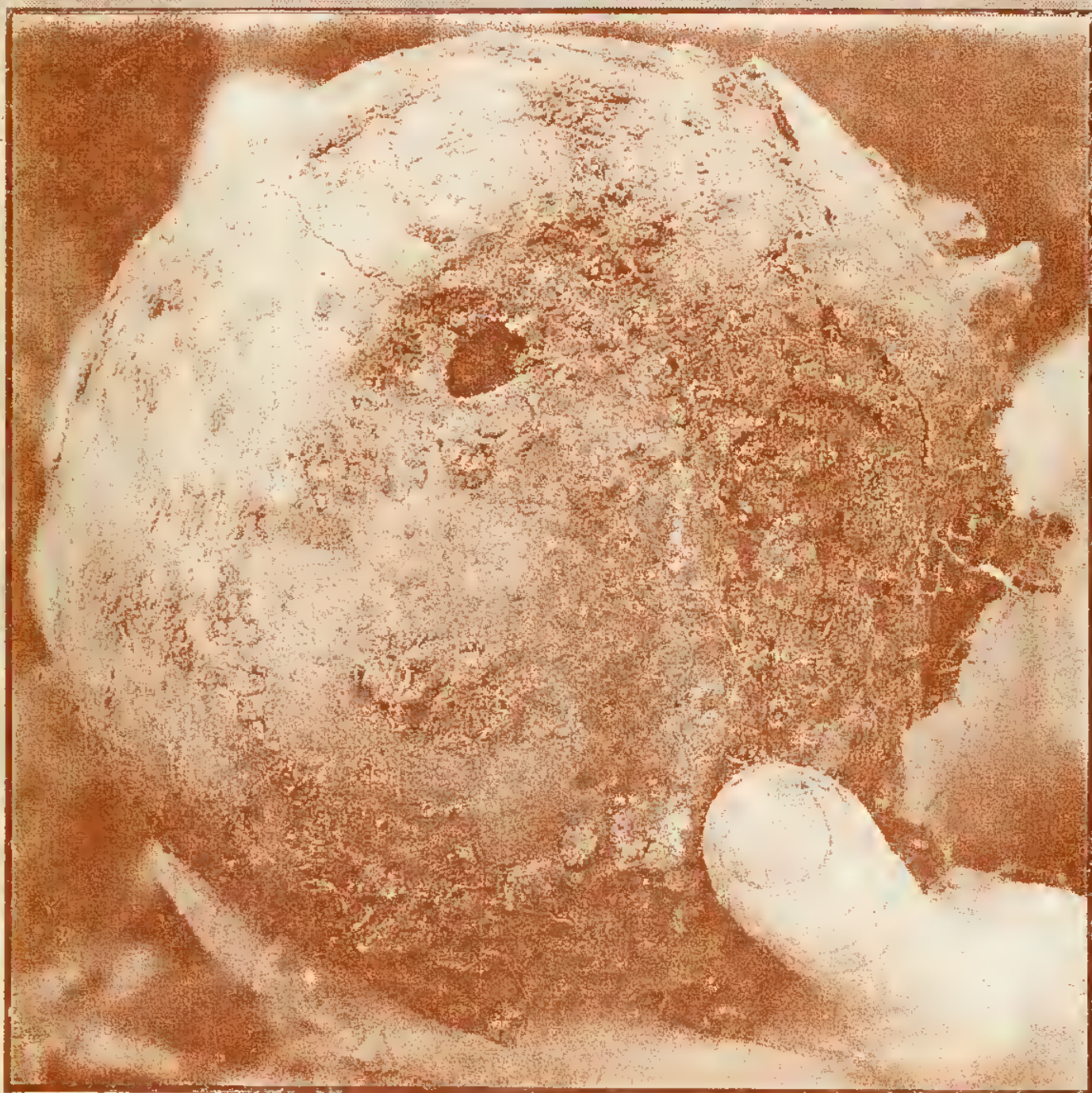
1

Karta

КАРТА

НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INDEPENDENT HISTORICAL JOURNAL

Karta КАРТА

Независимый исторический журнал

Адрес:

390000, Россия, г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.

Для писем:

390000, Россия, Рязань-центр,
а/я 20.

Телефон:

(0912) 77-51-17.

Учредитель:

Редакция независимой газеты
"Рязанский вестник".

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.

Свидетельство о регистрации
N 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция

Юлия Середа

Игорь Блинушов

Сергей Романов

Олег Шубин

Петр Мицнер

Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

Над номером работали:

А.Блинушов, И.Блинушов,
В.Дылевский, А.Ковалева,
В.Лозинский, В.Поспелов,
В.Романов, С.Романов,
Ю.Середа, О.Шубин.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС".
390000, Рязань, ул.Кольцова, 16.

Заказ N 1.

Подписано в печать 20.1.93.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Цена договорная.

СОДЕРЖАНИЕ:

Игорь БЛИНУШОВ. Дешевое топливо...	3
Никита ПЕТРОВ. "Политика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной..."	4
Решение об архивах КГБ	6
Ждем закона об архивах...	7
Виктор ЛОЗИНСКИЙ. Мозаика дома нашего	8
Петр МИЦНЕР. Российский "Мемориал" и польская история	13
Евгениуш РОЖКОВСКИ. Голодовка	14
Петр СИУДА. Новочеркасская трагедия	16
Василий ХАНЕВИЧ. Крепкий хозяин	20
Рената ЯКОВЕЦ. Поляки в Сибири	21
Ирина ДУБРОВИНА. В котлиссской ссылке	24
Антоний ЗАМБРОВСКИЙ. Путь дезертира	25
С воли. Интервью с Александром Янышевым	29
Андрей БЛИНУШОВ. Острова скорби	30
Маифред КОХ, Генрих ШИППМАНН. Мой путь в рязанский плен	31
И. ЛИВШИЦ. Российский офицер: за белых или за красивых?	36
Безумие во имя идеи	38

Редакция городской независимой газеты "Рязанский вестник", независимый исторический журнал "Карта" и рязанское региональное отделение историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества "Мемориал" выражают благодарность Институту Демократии в Восточной Европе (IDEE) и его директору госпоже Монике Агапсович за предоставленную компьютерную технику, благодаря которой этот номер журнала вышел в свет.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО Р О К С

совместно с рязанским региональным отделением правозащитного общества "МЕМОРИАЛ" и депутатской комиссией рязанского горсовета по восстановлению прав жертв репрессий приступили к реализации крупного международного проекта "Солдаты второй войны".

Первым этапом проекта будет восстановление кладбища лагеря НКВД N 178-454, на котором похоронены российские репатрианты, польские антифашисты, солдаты вермахта, офицеры итальянской и румынской армий.

Этот проект будет шагом к примирению, взаимопониманию народов, втянутых тоталитарными режимами в мировую бойню.

Реализация проекта "Солдаты второй войны" будет проходить с участием государственных и общественных организаций России, Республики Польша и Федеративной Республики Германия.

АО "РОКС" приглашает фирмы и организации, готовые участвовать в работе над программой, к сотрудничеству.

390000. Российская Федерация, г. Рязань, ул. Березовая, 3.

БРИГ-Ф

РОСАГРОБНРЖА
ВСЕРОССИЙСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ БИРЖА "ФЕРМЕР"
КРЕСТЬЯНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИРЖА
РОССИЙСКАЯ БИРЖА ЗЕРНА
ТОВАРНАЯ БИРЖА "ЦЕНТРОСОЮЗ"
ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИРЖА
БИРЖА "ЛЕС"
РОССИЙСКАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ БИРЖА ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ И
ПРИБОРОСТРОЕНИЯ
РОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БИРЖА
МЕЖДУНАРОДНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИРЖА ВТОРИЧНЫХ
РЕСУРСОВ

Если Вас это интересует, рязанская брокерско-сервисная фирма
"БРИГ-Ф" Лтд. - к Вашим услугам.

Президент фирмы Владимир Григорьевич Романов.

Телефон: (23700) 513.

Игорь БЛИНУШОВ

"В дни войны по инициативе великого Сталина началось строительство одного из крупнейших сооружений нашего времени - газопровода Саратов - Москва. Это строительство - еще одно яркое свидетельство великой созидательной мощи Советского Союза, роста его сил..."

("Сталинское знамя", 13 июня 1945 г.).

ДЕШЕВОЕ ТОПЛИВО...

Сооружение по тем временам действительно было впечатляющим: от поселка Елшанка под Саратовом, по территории четырех областей, через добрую сотню рек и ручьев нес газопровод "родной столице дешёвое и выгодное топливо".

ЛАГЕРЬ ПФЛ 0321

...Первый лагерь, ПФЛ 0321, находился в самой Елшанке. По ходу строительства лагеря (а, вероятно, лагеря) перемещались, оставляя за собой не только готовую трассу, но и безвестные захоронения. По свидетельству одного из очевидцев, хозяин строительства - "Главгаз СССР" - ограничился волынским наймом лишь специалистов, благо рабочая скотинка - бесплатная и бесправная - всегда была под рукой. Контингент для 1945 года уже привычный: военнопленные, интернированные, репатрианты. Поляки, немцы, греки... Обстановка тоже была знакомой: собственные конвойные части, попытки побегов, расстрелы... Каждое утро набиралось 2-3 машины трупов. Хоронили их тайно, в полосе отвода газопровода, разравнивая землю бульдозером (для этого техника всегда находилась). Прятали захоронения тщательно - не дай Бог, какая-нибудь комиссия Международного Красного Креста...

Пока достоверно известно об одном захоронении: между Елшанкой и Сторожевкой (в Саратовской области).

БАГРАМОВСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ - НОВАЯ ВЕРСИЯ

Трасса прошла и по одиннадцати тогдашним районам Рязанской области: Муравьянскому, Сараскскому, Ухоловскому, Рязанскому, Кораблинскому, Семёновскому, Старожилковскому, Бухринскому, Рязанскому, Мервинскому, Рыбновскому... О Рыбновском районе хотелось бы поговорить поподробнее. Одной из первых серьезных акций рязанского "Мемориала" было обнаружение и исследование незафиксированного захоронения в районе села Баграмово Рыбновского района. Вот фрагмент из протокола осмотра местности от 14 июля 1990 года: "...слева (лицом к руслу реки) - овраг, поросший лиственными лесом, справа (метрах в 100) - вал изилки газопровода высотой около трех метров..." Да, да, того самого - Саратов-Москва.

После нескольких депутатских запросов областное УКГБ и прокуратура начали последовательно выдвигать собственные версии: об умерших в пути следования влеченных немцах, застреленных при попытке к бегству рецидивистах... Наконец, облпрокуратурой было "установлено, что местом обнаружения останков являлся Войнуковский могильник, который относится к XVI-XVII вв. ..."

Между тем главный эксперт полиции Республики Польша, кстати, руководитель экспертной группы по эксгумации захоронений в Катыни и Харькове, профессор

Бронислав Мудзиский, к которому "мемориальцы" обратились за помощью, дал однозначное заключение: возраст баграмовских останков не превышает 40-50 лет. Следует заметить - и КГБ, и прокуратура с самого начала знали о том, что останки переданы на независимую экспертизу. Стоило ли в девяносто первом году документально утверждать очевидную истину, к тому же подставляя археологов? Ведь подтвердило же областное УКГБ (пусть весьма неохотно) факт захоронения жертв сталинских репрессий во дворе Скорбященской церкви в Рязани. Но если предположить, что баграмовское захоронение имеет отношение к строительству газопровода, упорство органов становится объяснимым: международный скандал не хочется никому. Вот и катынскую тайну скрывали до последнего...

Хочется верить, что и тайне Саратовского газопровода осталось жить недолго. Не могло же остаться свидетелей, очевидцев, участников такой крупной стройки. Тем более, что партия, чутко руководя и направляя, "вдохновляла" и местное население на трудовый подвиг. "По инициативе коллективов сельхозартелей имени Степана Разина, Семёновского района, "Пламя" и имени Лигина, Кораблинского района, в области развернулось соревнование за лучшую помощь строителям газопровода", "Труженицы Кораблинского района дали слово своим силам: с 20 апреля до 1 июня выкопать 13 километров триншей", - такие заметки регулярно появлялись в "Сталинском знамени" за 45-й год. Было и социальное соревнование районов, чествовали, как водится, передовиков, строго спрашивали с отстающих...

Экспедиция рязанского "Мемориала" на место баграмовского захоронения. 1990г.

ФОТО ЕВГЕНИЯ КАШИРИНА

ПЕРВЫЕ ИМЕНА...

По данным польского "Восточного архива" в марте 1945 года в Елшанку, в лагерь ПФЛ 0321 была отправлена большая группа поляков из Вильно. Судьба большинства из них неизвестна. На сегодняшний день установлены три имени: Эдмунд Медекса, Войцех Чисельский и Ян Бурчачевский. Ни один из них домой не вернулся...

...И ПЕРВЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Когда материал был уже готов к печати, мы получили пакет из Польши. Наши коллеги из "Восточного архива", среди прочих интересующих нас документов, прислали и воспоминания двух бывших узников саратовской трассы.

"Зимой 1944-45 гг. для бесплатной рабочей силы Управлением проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР был создан лагерь ПФЛ 0321. Центральный лагерь в Елшанке проходил под индексом 1.

Начальником лагеря был ст. лейтенант Егоров. Находился лагерь в 40 километрах от центра Саратова. В нем содержалось 1800 человек, из них 300 женщин. Там были поляки, греки, литовцы, русские и белорусы. Самым младшим было по 11-12 лет. Большинство было заключено в лагерь без суда, на неопределенный срок. Это была так называемая госпроверка.

В лагерь попадали:

- за проживании на оккупированной территории;
- за пребывание в немецких концлагерях;
- за нахождение на принудительных работах в Германии.

11 марта 1945 г. в лагерь привезли более тысячи человек из Вильно. Зарплатной одежды не было, ходили, в чем хватало. Поэтому вскоре все обросло до ломоты. Работа была очень тяжелой: вручную рыли траншеи для газопровода. Глубина - 220 см, ширина - 120.

Особенно много умирало советских пленных, привезенных прямо из немецких лагерей - они были крайне истощены. Известны случаи расстрелов. Например, на глазах у всей зоны был убит поляк из Гелятии по фамилии Венцлавски.

В конце 1945 года большое число поляков со строительства газопровода были переброшены в Грузию, в Купанга - в лагерь 0331. В их задачу входило строительство автомобильного завода из оборудования фирмы "Опель", демонтированного советскими спецкомандами в Германии.

Кроме того, в январе-феврале 45-го около семисот поляков были этапированы в район Сталиногорска на шахту лагеря N 27 и в несколько лагунктов Рязанской области для подготовки пиарсы газопровода.

Ромуальд Гичевски,
Иозеф Кватковский."

Рязань

Никита ПЕТРОВ:

"Политика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной..."

Как известно, августовские события 1991 года устранили с политической арены Коммунистическую партию Советского Союза. Возмущение деятельностью КГБ и его участием в государственном перевороте было столь велико, что тут же появились указы Ельцина от 24 августа 1991 года, о передаче документов КГБ на государственное хранение. При этом предписывалось и опечатать эти архивы. Сразу же в Москве была организована комиссия мэрии по приему-передаче и опечатыванию архивов КГБ. Она приступила к работе немедленно и уже 5-го сентября архивы московского управления КГБ были опечатаны.

Нет нужды говорить, что в тот период мало кто представлял, что хранится в архивах КГБ. То же можно сказать и об архивах КПСС. Были только отрывочные сведения у тех историков, которые имели доступ к работе с архивами.

Архивы КПСС также были опечатаны. С ними проблем возникало меньше, так как партия прекратила свое существование. Последние работники покинули здание на Старой площади и конце августа, российский комитет по делам архивов издал под контроль все материалы, которые там находились и началась планомерная работа по ревизии и дуплицированию фондов текущей документации, которая образовалась на момент 23-24 августа.

Из сообщений в печати известно, что некоторые документы продолжали уничтожаться и тогда, но все же, поезд, как говорится, ушел...

С архивами КГБ вопрос значительно сложнее. Организация не прекратила своей деятельности. Во главе ее стал Валентин Бахтин. Практически полностью была заменена коллегия. Поменились руководители всех служб. Вместе с тем, КГБ продолжал действовать, и комиссия, которая опечатывала архивы московского КГБ, была в довольно-таки сложном положении. Дело в том, что сразу же встал закономерный вопрос: какие типы документов должны быть переданы на государственное, т.е. изъятые из архивов КГБ и по какой год, а какие необходимо оставить в подразделении КГБ для продолжения его деятельности? Это не позволяло приступить к нормальной работе по ревизии фондов, в том числе документов, которые находятся в действующих подразделениях КГБ.

В октябре появились Указ Президента ВС РФ о создании комиссии по организации приема-передачи архивов КГБ и КПСС на государственное хранение и их использованию.

Что предстояло сделать этой комиссии? а) Определить типы архивных документов, в том числе и хранящихся в действующих подразделениях, подлежащих передаче на государственное; б) подготовить и представить на утверждение Президента ВС РФ временный регламент использования в научных и практических целях архивных документов КПСС и КГБ; в) установить, что данные регламенты действуют до принятия закона РФ "о государственной тайне".

Своей задачей Комиссия считала обеспечение сохранности документов и возможности их использования в будущем, т.е. разработку регламента доступа, согласно которому большая часть документов была бы введена в свободный научный оборот.

В декабре 1991 года прекратил существование СССР, из огромного количества созданных ведомств было поставлено перед необходимостью сдать все материалы в госархивы. С 80-х годов существовало распоряжение Совета Министров СССР, предоставляющее некоторым ведомствам право на постоянное хранение документов, образующихся в процессе их деятельности. Это касалось МВД, МНДА и КГБ. Заметим, что общественная

организация - КПСС здесь не упоминалась, она, сама собой, подразумевалась.

Что представляют собой архивы КГБ? (Речь пойдет о структуре архивов на момент августа 1991 г. Позже произошли структурные изменения и переименования). Существует два уровня: центральный архив и архивы областных управлений. (Все городские и районные отделы КГБ сдают свои материалы в соответствующее областное управление). А внегосударственные органы - особые отделы, которые существуют при руководстве военных округов, пхвтающих несколько областей, сдают свои документы в ту область, где находилось управление данного округа. Органы КГБ на транспорте тоже сдают свои материалы в соответствующий областной архив КГБ.

На примере Москвы рассмотрим, какие основные типы документов сосредоточены в архивах областных управлений КГБ. Для Москвы я назову некоторые цифры.

В московском КГБ есть несколько хранилищ документов.

В одном из них сосредоточены уголовные дела, т.е. архивно-следственные дела за период с 1918 года по август 1991 г. В них - вся история репрессий против конкретных граждан. В Москве таких дел около ста тысяч единиц хранения. Из них 67 тысяч - это так называемый прекращенный фонд, т.е. дела, по которым состоялись реабилитационные решения, или обвинение было снято по тем или иным причинам, например, обвиняемый признавался несменяемым.

Вторая большая группа документов - это так называемые фильтрационные и трофейные материалы. Все советские граждане, которые были на оккупированной территории, в лагерях для военнопленных или же вывозились или сходили добровольно на работу в Германию, при возвращении в СССР проходили проверку в проверочно-фильтрационных лагерях. На них заводились анкеты, а потом, во многих случаях, к этим анкетам добавлялись какие-то материалы, и так образовывалось, собственно, проверочно-фильтрационное дело. Таких дел в московском управлении 55 тысяч единиц хранения.

Еще в этот фонд входят 10 тысяч единиц хранения трофейных материалов, т.е. карточки и другие учетные материалы, взятые Советской армией из немецких лагерей. Эти карточки были рассортированы и разосланы в те области, откуда человек привозился в армию, или туда, где он родился. Эти 10 тысяч единиц хранения в Московской области не нашли применения, т.е. эти граждане не вернулись домой и проверочно-фильтрационные дела на них не были заведены.

Третья группа - фонды секретного делопроизводства. Называются они секретными только по объективному этому ведомству. Это вполне обычные материалы: переписка, распорядительная документация, отчеты управления и т.д. В секретное делопроизводство входят материалы городских и районных отделов КГБ. В Москве этот фонд насчитывает 19375 единиц хранения. Это, как вы можете догадаться, чрезвычайно мало. И что интересно, в КГБ всегда существовала практика, согласно которой большая часть материалов не хранилась вечно. Например, отчеты или какая-либо документация общего порядка районного отдела НКВД-КГБ хранилась 20 лет, а потом уничтожалась. Мы ради любопытства заглянули в фонд ликвидированных районных отделов. Например, в Московской области с 1941 по 1954 год существовал Серебрянопродудский район. От него осталось всего 6 единиц хранения, и в основном это были акты на уничтожение главных единиц хранения. Конечно, и из этих актов можно кое-что почерпнуть. Вот, к примеру,

акты на прием-передачу дел. Когда новый начальник вступил в должность, он принимал по описи все дела. Значит, мы можем узнать, когда сколько дел существовало в этом районе, можем даже узнать об основных направлениях оперативной деятельности данного района. Но их содержательную сторону мы никогда не узнаем, потому что все эти дела уничтожены.

Четвертое. Фонд личных дел бывших сотрудников органов государственной безопасности. В Москве он насчитывает 14 тысяч личных дел, плюс 4 тысячи пенсионных дел. И те и другие имеют неограниченный срок хранения.

Последняя группа материалов - оперативные дела. Здесь все виды дел оперативного учета, контроля, проверки, наблюдения, оперативной разработки, объектовой разработки, и здесь же личные дела агентов КГБ. Этот фонд в московском управлении насчитывает 9400 единиц хранения. Это тоже чрезвычайно мало.

После анализа видов документов, структуры фондов и количества дел, которые им соответствуют, комиссия приняла к выводу, что политика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной. Подтверждение тому мы нашли в распорядительной документации КГБ СССР. Как и положено, в ведомстве присутствует типовый перечень-инструкция о документах и сроках их хранения. Предпоследний перечень, регламентирующий все дело производства в КГБ, был утвержден Андроповым в декабре 1979 года. Следующий был утвержден Крючковым в ноябре 1991 года. Сравнивая эти два перечня, мы увидели, что, во-первых, произошло существенное снижение сроков хранения дел в архивах КГБ, и, во-вторых, была сужена номенклатура дел, сдаваемых в архив, т.е. большая часть дел в архив не попадала, а уничтожалась прямо в действующих подразделениях.

Нам до сих пор не известно, сколько и какие дела хранятся в действующих подразделениях, таких как контрразведка, контрразведка в экономике, идеологическое управление и т.п. На протяжении двух последних лет руководством КГБ были отданы достаточно жесткие приказы об уничтожении большого количества оперативных дел, а так же о полном уничтожении дел агентов в архивах КГБ. В полном объеме эти приказы Крючкова выполнены

ны не были. Это объясняется тем, что, во-первых, никто всерьез не полагал, что с выполнением этого приказа нужно торопиться, во-вторых, новый перечень, разработанный в ноябре 90-го, был разослан по местным органам КГБ только в марте 91-го, и только где-то летом сотрудники московского управления, как они нам рассказывали, хотели приступить к его выполнению, но было время отпусков... Часть дел унесли сложить в стопки, перевязали, разложили по углам, думали, что вот-вот добудут руки их уничтожить, но грянул путч, и пришла комиссия. Теперь это хранилище московского управления опечатано, и войти туда сотрудники КГБ могут только в присутствии членов комиссии. Это сделано для того, чтобы не допустить дальнейшего уничтожения дел.

На август 1991 года объем документов КГБ СССР в целом составляет 9-е половинной миллионов единиц хранения. На Россию приходится 4,8 миллионов единиц хранения. Следственных дел из этого количества (по Союзу) 2,9 миллионов, из них - 1,3 миллиона прекращенных, т.е. реабилитированных.

Цифра 2,9 миллионов не соответствует тем цифрам, которые в свое время сообщались Хрущеву под тремя присягами: министра внутренних дел, прокурора и председателя Верховного суда. Там было сказано, что за период с 1921 по 1954 год по 58-й статье

в КГБ всегда существовали правила, согласно которым большая часть материалов не хранилась вечно...

На август 1991 года объем документов КГБ СССР в целом составляет 9,5 миллионов единиц хранения.

было осуждено 3,8 миллиона человек. Дело в том, что возбуждаемые КГБ по признаку особой опасности уголовные дела при Сталине все относились к разряду статей 58-й статьи. А в хрущевско-брежневское время эти же преступления определялись разными статьями — с 64-й по 75-ю.

Какая часть этих дел числится за прокуратурой, а какая находится в ведении МВД, достоверных сведений у нас нет. Могу лишь сказать, что в архивах МВД, по-видимому, находится не менее 800 тысяч единиц хранения архивно-следственных дел, которые были возбуждены в лагерях по обвинению в контрреволюционной деятельности. Я надеюсь, что в свое время они войдут в суммарную цифру, подаваемую Хрущеву.

Так же по Соколу насчитывается 3,5 миллиона единиц хранения дел фильтрации и проверки, около миллиона дел секретного делопроизводства и 443 тысячи оперативных дел, но сюда не включены личные дела агенты. Этой цифры нам пока не сообщали.

Личные дела сотрудников органов госбезопасности — 900 тысяч единиц хранения. Это за весь период Советской власти до августа 1991 года.

Теперь о том, что представляют собой основные типы документов, хранящихся в архивах КГБ.

Материалы секретного делопроизводства. Это информационные и докладные записки в органы власти и управления СССР и РСФСР, планы, отчеты и другие обобщающие документы по разведывательной и контрразведывательной работе и административной деятельности. Некоторые из них имеют постоянный, а некоторые — временный статус хранения.

Архивно-следственные дела на граждан, подвергшихся репрессиям, а так же на так называемых "пособников" времен Великой Отечественной войны, шпионов, валютчиков, контрбандитов, сотрудников НКВД-КГБ, осужденных за фальсификацию следственных дел, карателей времен войны, т.е. весь комплекс следственных дел, которые были подведомственны КГБ.

Большой фонд копий протоколов заседаний несудебных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ, так называемых Особых Совещаний (ОСО).

Личные дела агентов и оперативные дела. Материалы о деятельности разведывательно-диверсионных групп органов госбезопасности, действовавших в тылу немецких войск в годы войны. Материалы бывшей особой инспекции управления кадров НКВД-КГБ по служебному расследованию фактов нарушения законности и проступков сотрудников органов госбезопасности.

Кинофотодокументы. Как нам выяснили, это 11 учебных и документальных фильмов к юбилейным датам КГБ. На наши настоятельные вопросы о материалах оперативной съемки ответа пока нет.

Таким образом, всего в Центральном оперативном архиве КГБ СССР сосредоточено 167 тысяч единиц хранения. По другим данным эта цифра составляет 270 тысяч единиц хранения.

В филиалах Центрального оперативного архива хранятся: личные дела бывших сотрудников центрального аппарата ВЧК-КГБ; материалы секретного делопроизводства органов военной контрразведки действующей армии периода Гражданской и Великой Отечественной войны, а так же соединений и объединений Советской армии, дислоцировавшихся за границей в послевоенный период; учетные дела на немцев, задержанных советскими органами на территории Восточной Германии в 1941-1949 годы, здесь же возможны учетные материалы на граждан других стран; протоколы заседаний высших органов при ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ и Центральной комиссии по рассмотрению уголовных дел; уголовные дела на нацистских военных преступников. Этот фонд очень большой; часть материалов секретного делопроизводства аппаратов представительств КГБ за границей (в каждой из стран народной демократии до самого последнего времени существовало представительство КГБ).

Вот кратко все виды документов. Кроме этого, еще существует отдельный архив, который не входит в состав Центрального опе-

ративного архива. Это архив центральной службы разведки, бывшего Первого главного управления КГБ СССР. Он насчитывает порядка 340 тысяч архивных дел на агентуру за рубежом, пеллагов, разведывательные резидентуры, дел по координации деятельности органов ГВ других стран и т.д.

Комиссия Президиума ВС РФ работает сейчас исключительно с архивами на территории России, поэтому я ничего не могу сказать о том, как репаются дела с орисмом-передачей документов КГБ в других странах СНГ.

По фондам секретного делопроизводства мы руководствовались тем, что согласно основным правилам работы ведомственных архивов, изданным еще в 1986 году, по истечении 15-летнего срока материалы ведомства должны быть переданы на госхранение. Изменения срока предусмотрены как в одну, так и в другую сторону.

Увеличение срока касается материалов, регламентирующих оперативную агентурную деятельность, но не свыше 30 лет. Как правило, за это время вся приказная часть КГБ обновляется. Уменьшение 15-летнего срока предусмотрено для материалов секретного делопроизводства тех подразделений КГБ, которые по наравлению своей деятельности были или будут признаны противоречащими Конституции РФ. Это бывшее Пятое управление, а затем управление "З", так называемое, Управление по защите конституционного строя.

Архивно-следственные дела полностью подлежат передаче на госхранение, в КГБ остается только очень небольшое количество дел. Передаются полностью со сроком давности более 15 лет, а так же со сроком менее 15 лет, если по этому делу состоялось реабилитационное решение, или лицо, производившее по делу было амнистировано, или помиловано. Таким образом, в КГБ остаются только дела за последние 15 лет на тех, кто сейчас продолжает сидеть. В нашей стране максимальный срок лишения свободы — 15 лет, таким образом, человек, вышедший на свободу через некоторое время может обратиться к своему архивно-следственному делу, даже если он не реабилитирован. Именно это положение вызвало большие него возражений со стороны правоохранительных органов. Они считают, что здесь возможно уничтожение вендоков, или какое-нибудь другое зловердие отягощение к делу, но которому человек был осужден. Но правило это, тем не менее, принято.

Личные дела сотрудников органов госбезопасности передаются на госхранение со сроком давности более 30 лет. Проверочно-фильтрационные дела передаются полностью без каких-либо ограничений и сроков давности. Единственное, о чем не состоялось решение, это о фонде личных дел агентуры и дел оперативной проверки и проверочного учета. Решено работу в этом направлении продолжать. Дело в том, что согласно приказам Крючкова, все дела агентуры и все следы наличия агентуры в архивах КГБ должны были быть уничтожены, и в действующих подразделениях КГБ они уничтожались нормальным порядком, скажем, как только терялся связь с агентом, или он исключался из сети. И в архивах осталось совсем немного этих дел. Но некоторые архивные начальники КГБ, как рачительные хозяева, оставляли наиболее интересные с их точки зрения дела. В частности, оставлено большое количество дел по фронтовой агентуре времен Великой Отечественной войны и наиболее интересные дела 20-х-30-х годов. Много уничтожено дел оперативной проверки. Уничтожено оперативное дело на академика Сахарова (более 300 томов), дело Солженицына, дело Войновича. Владимир Войнович недавно был в Москве и хотел озабочиться с делом. Единственное, что ему сумели оказать, это журнал регистрации дел, где сказано, что в таком-то году дело заведено, а в таком-то — уничтожено. И такую короткую справку писателю Войновичу выдали. Он долго не верил, но тем не менее...

В центральном здании КГБ на Лубянке находится минимум документов...

И в Центральном архиве, и во всех региональных управлениях всегда существовал отдельный фонд, в котором дела сохранялись ввиду их большой исторической значимости, или особого оперативного интереса, когда были проведены какие-то очень красивые с точки зрения КГБ комбинации. Но не исключено, что и эти дела вопреки всем нормам и правилам, будут переданы огню. Такого рода деятельность усилилась в КГБ, когда после 28 съезда КПСС стал вероятным крах этой организации.

Я сейчас не буду подробно говорить о партийных архивах, скажу только, что в Москве сейчас открыто три архива на базе бывших партийных. Один из них в бывшем Московском партархиве. В нем 9 миллионов единиц хранения. Второй — Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории — бывший центральный партархив. Находится он на Советской площади и включает в себя документы до 1952 года. С 1952 года документы партии не были сданы в архив, а хранились в ведомстве общего отдела на Старой площади и составляли теперь Центр современной документации. Эти архивы теперь открыты. Центр современной документации вообще отличается изрядной демократичностью, туда может записаться любой человек с улицы.

Но вся сложность в том, что до сих пор не принят Закон об архивах, проект которого имеется и лежит в комиссиях ВС на согласованиях и узаконяках.

Много сложностей возникает в связи с отсутствием закона о государственной тайне. Сейчас не существует современного перечня сведений, составляющих государственную, ведомственную, коммерческую или личную тайну. Последний перечень в редакции 1990 года морально устарел в связи с переменами в обществе. Как быть? Роскомархив считает, что возможна разработка временного регламента, который бы эту брешь закрыл, и соответствующие варианты регламента были предложены комиссией. Все варианты, предложенные Роскомархивом, настолько общо сформулированы и неконкретны, что позволяют архивным начальникам творить произвол, решая по своему усмотрению, выдавать или не выдавать документы.

Есть в проекте регламента пункт о том, что пользователи несут ответственность за правильность использования документов и содержащейся в них информации. Этот пункт был принят в связи с двумя крупными скандалами. Первый скандал был из-за публикации в Италии писем Толстятти, которые повлияли на исход выборов, а второй — из-за публикации документов междунационального отдела с поддержке лейбористской партии в Великобритании, что тоже несомненно повлияло на исход выборов, как считает советская пресса.

Принятые решения, как не типы и виды документов передается на госхранение в первую очередь, т.е. до 1 августа 1992 года. Это архивно-следственные дела на реабилитированных граждан и весь проверочно-фильтрационный фонд. Затем будет второй этап передачи — дела секретного делопроизводства с исключениями, о которых мы говорили, и личные дела сотрудников органов госбезопасности.

Существует проект, по которому в Москве будет создан Центр хранения документации органов КГБ, куда войдут все материалы Центрального оперативного архива КГБ СССР и архивы управления Министерства безопасности России по Московской области, т.е. это будет слитый фонд, потому что дела центрального аппарата и московского управления КГБ тесно переплетались. Так же необходимо будет свести в Москву все фонды филиалов Центрального архива.

Для сведения: в центральном здании КГБ на Лубянке находится минимум документов. Там хранится только то, что нужно органам для повседневной работы, а основные фонды сосредоточены вне Москвы, в специальных хранилищах, надежно сконструированных и очень хорошо охраняемых. И можно быть уверенным в их сохранности за исключением случаев изменения политической обстановки, но тогда уж ругаться ни за что не придется.

Москва

РЕШЕНИЕ ОБ АРХИВАХ КГБ

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРИЕМА-ВЫДАЧИ АРХИВОВ КПСС И КГБ СССР НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХРАНЕНИЕ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

1. Виды архивных документов КГБ, подлежащие передаче на государственное хранение.

1.1. Передаче подлежат архивные материалы центральных и местных органов государственности со сроком давности 15 лет и более. Материалы со сроком давности менее 15 лет находятся, как правило, на временном хранении в ведомственных архивах государственности, с условием регулярной передачи их на госхранение по истечении указанного срока давности.

а) Исключения из этого правила в сторону уменьшения указанного 15-летнего срока составляют архивные материалы по тем направлениям деятельности органов государственности, которые прекращены в соответствии их несоответствия новому Законодательству и Конституции РФ. Такие материалы передаются на госхранение вне зависимости от сроков давности, как из ведомственных архивов, так и непосредственно из ликвидировавшихся и действующих органов государственности.

б) Исключения из этого правила в сторону увеличения указанного 15-летнего срока составляют архивные материалы, содержащие действующий регламент оперативно-агентурной работы, а также ряд других документов, перечень которых разрабатывается дополнительно. Такие материалы остаются в ведомственных архивах на временном хранении более 15 но не свыше 30 лет с момента сдачи в архив.

Таким образом, подлежат передаче в полном объеме:

Фильтрационно-проверочные дела (в том числе и содержащие материалы оперативно-проверочного характера) из советских граждан, бывших в плену или угнанных в Германию в период 2-й мировой войны, а также различные трофейные материалы.

Архивно-следственные дела со сроком давности 15 лет и более, а также дела с меньшим сроком давности, подпадающие под действие Закона РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий или реабилитированных, амнистированных и освобожденных от отбывания наказания в индивидуальном порядке.

Личные дела бывших сотрудников органов государственности со сроком давности 30 и более лет с момента сдачи в архив.

Фонды секретного делопроизводства (материалы секретариата и подразделений: распорядительные документы, переписка, планы и отчеты, информационные и статистические материалы, протоколы совещаний и заседаний, контрольно-надзорные дела подразделений, материалы справочно-го характера и т.д.), а также примыкающие к ним коллекционные фонды и собрания

различных учетно-проверочных дел, (например, на бывш. белых офицеров и царских чиновников, на немцев, задержанных на территории Германии в 1945-46 гг. и т.д.), со сроком давности 15 лет и более. (Уменьшение и увеличение срока временного хранения в ведомственных архивах для отдельных материалов секретного делопроизводства, производится согласно принципам, изложенным в пп. 1.1а и 1.1б настоящего Решения).

1.2. Справочный аппарат к передаваемым фондам и документация, касающаяся комплектования и движения материалов этих фондов, передается вместе с фондами.

1.3. В отношении фондов дел оперативно-го учета, личных и рабочих дел агентов, и примыкающих к ним иных учетных и оперативных материалов необходимо продолжить работу по оценке их состава и содержания с целью выработки решения Комиссии по этому вопросу.

1.4. С целью выработки решения Комиссии необходимо также провести работу по оценке состава и содержания:

- имеющих историческое значение архивных фондов тех подразделений бывш. КГБ СССР, которые хранили свои материалы отдельно, а не в составе Центрального оперативного архива (ЦОА) бывш. КГБ СССР (бывшее Первое Главное управление и ряд других подразделений);

- хранилищ информации бывш. КГБ СССР на машинных носителях.

- страхового архивного фонда бывш. КГБ СССР.

2. Принципы передачи на госхранение материалов, хранящихся в архивах областных и краевых управлений бывш. КГБ, а также в архивах республиканских управлений бывш. КГБ республик, входящих в состав Российской Федерации.

2.1. Передача и прием материалов производится рабочими группами из представителей местных органов МБРФ и местных архивных органов под контролем и с участием комиссий по выполнению Указов Президента РСФСР № 82 и 83 1991 г., включающих в себя представителей депутатского корпуса, общественности и специалистов-историков.

2.2. Передача и прием материалов определяется Циркулярным письмом, утвержденным руководителями Роскомархива, МБРФ и Комиссии Президиума ВС РФ по организации приема-передачи архивов КПСС и КГБ.

Комиссия считает, что одним из главных принципов при установлении порядка передачи является обеспечение непрерывности процесса реабилитации жертв политических репрессий.

2.3. Материалы местных органов бывш. КГБ передаются в ведение архивных органов соответствующих республик, краев и областей, и переводятся на хранение в помещения местных госархивов или в помещения, специально выделенные органами МБРФ.

2.4. Передаваемые материалы органов государственности должны быть сосредоточены внутри госархивов в отдельных помещениях.

2.5. В случае отсутствия в настоящий момент в распоряжении местных архивных органов подходящих помещений передаваемые материалы остаются на временном хранении в отдельных помещениях органов МБРФ вплоть до создания условий для физического перемещения документов в госархив.

2.6. Передача и прием материалов должны начинаться немедленно.

а) В случае физического перемещения материалов в помещения госархивов оформление передачи-приема осуществляется по действующим правилам приема документов из ведомственных архивов на госхранение (с обязательной ревизией фондов и справочного аппарата к ним).

б) В случае, если документы остаются на временном хранении в помещениях органов МБРФ, после аналогичной процедуры передачи-приема, документы считаются находящимися целиком в ведении соответствующего госархива, который контролирует хранение, осуществляемое органами МБРФ, и полностью отвечает за движение документов и их научное и практическое использование. Межведомственное взаимодействие при функционировании архивных структур такого типа регулируется специальным временным Положением, которое предлагается составить Роскомархиву совместно с МБРФ.

2.7. При научном и практическом использовании документов отвечающие за эти госархивы во всех случаях руководствуются временным Регламентом (см. п. 4.1).

3. О создании в системе Роскомархива Российского центра хранения и изучения документов служб государственной безопасности.

3.1. Комиссия считает целесообразным создание в столице РФ г. Москве Российского центра хранения и изучения документов служб государственной безопасности, входящего в систему Роскомархива. Центр создается на базе ЦОА бывш. КГБ СССР и его филиалов.

3.2. В Центре сосредотачиваются материалы, передаваемые на госхранение из ЦОА и его филиалов в Саратовской обл., в гг. Владимире и Ульяновске. Филиал ЦОА в г. Омске становится филиалом Центра.

3.3. В Центр также должны быть переданы материалы, подлежащие передаче на госхранение из подразделений центрального аппарата бывш. КГБ СССР, хранящих свои материалы самостоятельно (см. п. 1.4).

3.4. Комиссия считает целесообразным передать в Центр материалы, подлежащие передаче на госхранение из архива бывш. УКГБ по Москве и Московской области, как тесно примыкающие по своему характеру к материалам центрального аппарата бывш. КГБ СССР, и обращается в Комиссию Мэра

Москвы по передаче-приему архивов УКГБ с просьбой рассмотреть этот вопрос.

3.5. Комиссия считает необходимым еще до физического перемещения материалов в создаваемый Центр, т.е. в период их временного дислоцирования в прежних местах хранения поручить Роскомархиву организовать:

- все необходимые мероприятия по передаче-приему, описанию, хранению и научно-практическому использованию передаваемых фондов;
- научно-методическую помощь местным госархивам по вопросам, связанным с фондами госбезопасности.

3.6. Комиссия считает целесообразным все охраняемые мероприятия, а также мероприятия по транспортировке материалов возложить на органы МБРФ.

3.7. Деятельность Центра и его взаимодействие с архивной службой МБРФ регулируется специальным временным Положением (см. п. 2.66).

3.8. Передача-прием материалов в Центр осуществляется под контролем и с участием Комиссии Президиума ВС РФ по организации передачи-приема архивов КПСС и КГБ.

4. О временном Регламенте.

4.1. Продолжить работу над временным Регламентом по организации использования в научных и практических целях архивных документов бывш. органов КГБ СССР, создав для этого рабочую группу.

5. Об Инструкции и Перечне.

5.1. Комиссия считает необходимым, чтобы для документов, образующихся в процессе деятельности органов госбезопасности и находящихся на временном хранении в ведомственных архивах, Роскомархивом в согласовании с архивной службой МБРФ в кратчайшие сроки были разработаны:

- Инструкция, регламентирующая порядок передачи материалов из действующих подразделений в ведомственный архив, порядок их хранения, использования и уничтожения;
- Ведомственный типовой Перечень документов с указанием сроков их хранения в подразделениях и архивах органов госбезопасности и сроков передачи их на госхранение.

5.2. Учитывая особую историческую ценность документов органов госбезопасности, комиссия рекомендует при разработке Инструкции и Перечня придерживаться принципа увеличения сроков хранения для подавляющего большинства документов.

5.3. В целях предотвращения случаев уничтожения документов в подразделениях и архивах органов госбезопасности, Комиссия предлагает Министру Безопасности России немедленно издать приказ, отменяющий действие старой Инструкции и Перечня (приказы NN 00185/1979 г. и 00150/1990 г.) и запрещающий уничтожение документов, в том числе и по уже утвержденным отборочным спискам, вплоть до утверждения новых Инструкции и Пе-

речня, разработанных Роскомархивом в согласовании с МБРФ.

В связи с вышеизложенным Комиссия вносит с предложениями:

- в Правительство Российской Федерации об организации Центра и о предоставлении для него в Москве соответствующего здания; о предоставлении местным архивным органам помещений в республиканских, краевых и областных центрах для хранения документов, передаваемых из органов госбезопасности;
- в Правительство Москвы о передаче для Центра одного из зданий бывш. КГБ СССР в г. Москве; о передаче для Центра здания филиала ЦОА в г. Омске (по исполнению Указа Президента РСФСР N 82/1991), о издании приказа, запрещающего уничтожение документов (см. п. 5.3);
- в Министерство Экономики и финансов РФ о бюджетном ассигновании Центра;
- в Роскомархив о разработке, с учетом мнения МБРФ, структуры и штатов Центра, об образовании дирекции Центра; о разработке Инструкции, Перечня и Положений, упомянутых в настоящем Решении (см. п. 5.1, 2.66, 3.6);
- в Президиум Верховного Совета РФ о выделении средств на продолжение и завершение работы Комиссии.

Председатель Комиссии, народный депутат РФ

Д.А. ВОЛКОГОНОВ.

Ждем закона об архивах...

ВИДЫ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Действующий регламент оперативно-агентурной работы. 2. Филтрационно-проверочные дела. 3. Филтрационно-проверочные дела с материалами оперативно-проверочного характера. 4. Трофейные материалы. 5. Архивно-следственные дела. 6. Личные дела бывших сотрудников органов госбезопасности. 7. Фонды секретного делопроизводства: а) материалы секретариата; б) материалы подразделений; в) распорядительные документы; г) переписка; д) планы и отчеты; е) информационные и статистические материалы; ж) протоколы совещаний и заседаний; и) контрольно-надзорные дела подразделений; к) материалы справочного характера. 8. Коллекционные фонды. 9. Учетно-проверочные дела. 10. Справочный аппарат по комплектованию и движению фондов. 11. Дела оперативного учета. 12. Личные дела агентов. 13. Рабочие дела агентов.

АРХИВЫ:

1. Центральный Оперативный Архив бывш. КГБ СССР (ЦОА): а) филиал ЦОА в г. Омске; б) филиал ЦОА в г. Владимире; в) филиал ЦОА в г. Ульяновске; г) филиал ЦОА в Саратовской обл.

2. Архивные фонды бывш. Первого Главного управления и ряда других подразделений. 3. Архивные фонды республиканских (в составе России) управлений бывш. КГБ. 4. Архивные фонды краевых и областных управлений бывш. КГБ СССР. 5. Хранилища информации бывш. КГБ СССР на машинных носителях. 6. Страховой архивный фонд бывш. КГБ СССР.

Постановление ВС РФ N 3088-1 от 19.06.1992 г.

"О временном порядке доступа к архивным документам и их использования".

1. Архивные документы, а также справочники к ним предоставляются для использования всем гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям, в том числе на равных основаниях гражданам и организациям других государств.

2. Ограничения на доступ к архивным документам или части содержащейся в них информации устанавливается только в отношении сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, на срок 30 лет со времени их создания, если иное не установлено законом.

Юрию Фельштинскому, с уважением

Виктор ЛОЗИНСКИЙ

МОЗАИКА ДОМА НАШЕГО

"Тут был свой особый мир, ни ни что было не похожий; тут свои, особые законы, свои нравы и обычаи и живо Мерный дом, жизнь - как нигде."

Ф.М. Достоевский. "Записки из Мертвого дома"

"ПРАВДА" 24 августа 1939 г. Договор о ненападении, заключенный между Советским Союзом и Германией, представляет собой документ важнейшего значения. Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различия в идеологии и политической системе не должны и не могут служить препятствием...

Из записи беседы Имперского Министра Иностранных Дел Риббентрона со Сталиным и Молотовым (государственная тайна) 24 августа 1939 г. ...господа Сталин и Молотов повторно выступили за Пакт о ненападении, за полную ору в германо-русских отношениях и за германскую нацию.

Из письма Муссолини Гитлеру 25 августа 1939 г. ...что касается Польши, ты я полностью принимаю позицию Германии и тот факт, что подобные натянутые отношения не могут продолжаться вечно.

Бланк польской больницы (в переводе) 28 августа 1939 г. Белостокская военная больница для психически и нервнобольных Почта Хорон. Станция жел. Белосток. Адрес для писем: Белосток - Хоронская больница Телефон: Белосток - пригород, 4, конто-счет Р.К.О. 68544 Главарча Ст. Дерес.

"ПРАВДА", 2 сентября 1939 г. Берлин. 1 сентября (ТАСС). Сегодня утром германские войска в соответствии с приказом Верховного Главнокомандования перенесли германо-польскую границу в различных местах. Гитлер заявил: "Теперь мы решили обратиться с Польшей так же, как Польша велела себя с нами в течение последних месяцев..."

Телеграмма Шуленбургу, Москва, 0 ч. 56 мин. 9 сентября 1939 г. Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству германской империи. Молотов.

"ПРАВДА", 14 сентября 1939 г. ...прошел какой-то десяток дней и уже можно утверждать, что Польша потеряла военный разгром, приведший к потере почти всех ее политических и экономических центров. Польское государство оказалось настолько истощенным и недееспособным, что при первых же военных неудачах стало распадаться.

Из ноты Правительства СССР, врученной польскому послу. 17 сентября 1939 г. Варшава, как столица Польши не существует. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Телеграмма N 385 МИД Германии. Срочно! Совершенно секретно! 18 сентября 1939 г. В ходе беседы, которая состоялась у меня этим вечером со Сталиным о посылке советской комиссии в Белосток... Германский посол в Москве Шуленбург.

Из Германо-Советского коммунистического 18 сентября 1939 г. Во избежание всякого рода необоснованных слухов на счет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих

войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза.

"ПРАВДА", 19 сентября 1939 г. Берлин. (ТАСС). Германское население единодушно приветствует решение советского правительства взять под защиту родственное советскому народу белорусское и украинское население Польши. На улице около витрины и специальных щитов, где вывешены карты Польши, весь день толпятся люди. Передвижение частей Красной армии обозначается на карте красными советскими флажками.

Из германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г. Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации. Они будут подавлять на своей территории все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах...

Из речи А. Гитлера в Рейхстаге (перепечатано в "Правде"). 6 октября 1939 г. На костях и крови немцев и русских, без всякого учета исторических и экономических условий было создано польское государство, не имевшее никакого права на существование. На востоке Европы усилиями Германии и России устанавливается спокойствие и мир. Каждый на своем участке будет обеспечивать свои интересы.

Из выступления В.М. Молотова. 1 ноября 1939 г. ...Количество жертв, понесенных Красной армией на территории Западной Украины и Западной Белоруссии составляет: убитых - 737 человек.

"ПРАВДА", 23 декабря 1939 г. Господину Носифу Сталину. Москва. Копию Вашего шестидесятилетнего прощания принял мой самый искренний поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания... Адольф Гитлер.

Выписка из протокола N 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 5 марта 1940 г. Предложить НКВД СССР: 1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14700 человек, бывших польских... 2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек, бывших польских... - рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела... Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и предъявления обвинения... Секретари ЦК (имеются соглашения Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина, Кагановича).

В соответствии с номером протокола, равно через 13 лет именно 5 марта уйдет из жизни, брошенный озлобленным и запуганным соратниками самый страшный палач коммунистической эры Сталин. Вспомнил ли он в последние минуты свой роковой черт, который волею чехословацких пугал в затылки 25 тысячам польских офицеров, врачей, ученых, литераторов под Смоленском, Калинин, Харьковом... - В.Л.

Из выступления В.Молотова в Кремле апрель 1940 г. Передаем самые сердечные поздравления Советского правительства по поводу великопознания успеха немецкого вермахта. Танки Гудериана прорвались к морю у Абервилля на советском топливе, немецкие бомбы, которые срывали с земель Роттердама, были начинены советским пироксилином, а поблизости пули, которые поражали британских солдат, отступавших к нидеркам у Дюнкерка, были плены из советского медно-никелевого сплава...

Показания о расстреле польских офицеров 1 апреля 1940 г. Как мы убивали поляков... Расстрелы начались первого апреля. Помню, Бляхин сказал: "Ну что, пора". Затем он надел униформу: коричневый кожаный передник, кожаную фуражку, кожаные длинные перчатки по локоть. Они вывели поляков по одному в коридор, запускали в красный уголок... Остановились на 250 заключенных в ночь. Исключая выходные, они сидели это за месяц. Я никоим образом не причастен к убийствам. Я никогда не входил в комнату казни. Но я был обязан помогать... В.Токарев, 89 лет. Бывший начальник Калининского УНКВД. Допрос 1990 г.

Сам Сталин мало скрывал свои и своей партии расстрелы и присиуждения, скрываясь начали его наследники и последователи, его верные и не верные любители... - В.Л.

Риббентрон-Сталину. 13 октября 1940 г. Я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить... С наилучшими пожеланиями, преданный Вам, Риббентрон.

Сталин-Риббентрону. 22 октября 1940 г. ...я получил Ваше письмо. Искренне благодарю за Ваше доверие. С совершенным почтением, преданный Вам, Сталин.

"ПРАВДА", 15 ноября 1940 г. Товарищ Молотов имел беседу с рейхсмаршалом господином Герингом и заместителем господина Гитлера по партии национал-социалистов господином Гессом...

Бланк уже белорусской больницы на русском языке. 20 ноября 1940 г. Н. К. З. Б.С.С.Р. Белостокская областная больница для психически и нервнобольных г. Хорон. Н.О. Главарча (Др. Андреев).

Директива N 21. 18 декабря 1940 г. Ставка фюрера. Совершенно секретно. Только для командования. Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании... Адольф Гитлер.

Из Коммунистического о заключении Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией. 10 января 1941 г. Второе соглашение представляет собой дальнейший этап осуществления хозяйственной программы, намеченной обоими Правительствами в 1939 году. СССР поставляет Германии промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, в особенности зерновые...

г. Рязань. 10 января 1941 г. Под контролем НКВД в рязанскую психиатрическую больницу доставлено железной дорогой со станции Истрин (Днепропетровск) около 100 пациентов больницы в Хоронце под Белосток.

Данные плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год (к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) N 127. Не подлежит разглашению). 17 января 1941 г. На нужды НКВД СССР направить 6.810 миллионов рублей или 18% госбюджета. (Больше, чем на нужды любого другого наркомата, включая наркомат обороны - В.Л.). НКВД СССР обеспечивает 50% заготовок леса в стране, 40% союзной добычи хромитовой руды...

Телеграмма для военно-морского флота Германии N 34112/110. 24 апреля 1941 г. ...Британский посол называет 22 июня как дату начала войны. Я пытаюсь противодействовать слухам явно нелепым. Военно-морской аташе в Москве Баумбах.

Меморандум МИД Германии о германо-советских экономических отношениях. 15

мая 1941 г. ...невыполнение Германией обязательств начнет сказываться лишь после августа 1941 года, так как до тех пор Россия обязана делать поставки авансом. Имперский министр авиации не предоставил им обещанных и уже запрошенных самолетов. Положение же с поставками советского сырья представляет удовлетворительную картину. В апреле были произведены поставки: зерно - 208.000 тонн, нефть - 90.000 тонн, хлопок - 8.300 тонн, цв. металл - 6.340 тонн. В данное время объем сырья, обусловленный договором, поставляется русскими пунктуально.

Послу в Москве Шуленбургу. 21 июня 1941 г. Срочно! Государственная тайна! По радио! Послу лично! По получении этой телеграммы все зашифрованные материалы должны быть уничтожены. Радио должно быть выведено из строя... Пропу Вас немедленно информировать Молотова... Ответственность за безопасность сотрудников германского посольства лежит на правительстве Советской России... Риббентроп.

Московское радио, 22 июня 1941 г. Граждане и граждане Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали...

Лондон-Вашингтон. 22-24 июня 1941 г. Премьер-министр Великобритании У.Черчилль и Президент США Ф.Рузвельт заявили о поддержке своими странами СССР.

30 июля 1941 г. Москва-Лондон. Советско-польский Договор о восстановлении дипломатических отношений с правительством и признании и формировании на территории СССР польской армии.

Берлин. 13 апреля 1943 г. Немцы сообщают, что в Катынском лесу под Смоленском обнаружены захоронения поляков, расстрелянных в 1940 году НКВД.

Лондон. 17 апреля 1943 г. Из Коммюнике Совета министров Польши стало ясно, что польское правительство в изгнании намерено обратиться к Международной Красной Крест по поводу Катыни.

Москва. 25 апреля 1943 Новостью с 25 на 26 апреля В.Молотов вручает послу Тадеушу Ромеру ноту о разрыве дипломатических отношений с польским правительством в изгнании.

Академик Бурденко - Молотову, 2 сентября 1943 г. ...в апреле месяце вы, как Народный Комиссар Иностранных дел, опубликовали ноту Советского Правительства о разрыве отношений с Польским правительством. В ноте вы указали на ложное и провокационное возводимое на наши государственные органы обвинение в расстреле нескольких тысяч польских офицеров.

Рязань. Весна-лето 1943. В Сельцах начала формироваться из польских военнопленных 1939 года, под активным руководством Берлинга, Первая польская дивизия им. Т. Костюшко, заложившая с Армией Людовой основу Войска Польского.

Тадеуш Костюшко - руководитель восстания (1744-1792) против магнатов и интервенции России и Пруссии. Восстание было подавлено русской армией под руководством А.В. Суворова, и большая часть Польши вошла в состав Российской империи.

Берлин - полковник польской армии, с 1939 года содержавшийся в дубянской внутренней тюрьме НКВД СССР, 30 октября 1940 года на встрече с Берий и Меркуловым согласился в числе других 15 офицеров, на создание из польских военнопленных 1939 года, армии на территории СССР. После же подписания советско-польского договора 1941 года, все эти офи-

церы сумели опираться в уже созданный генералом Андерсом корпус и начали борьбу с фашизмом. Только Берлинг дезертировал из армии Андерс и предложил свои услуги Сталину. За что приказом N 36 по польской армии на Востоке был "навечно лишен звания польского офицера", но получил от Сталина советское звание генерал-майора. С сентября 1944 года ушел в степь до самой смерти. - В.Л.

Академик Бурденко - Швернику. 29 мая 1944 г. ...снятие показаний с участников немецкой индустриальной, фабричной и торговых мы расплатом, оккупационно разоблачили бы ту пугуную провокацию немецко-фашистских напавей в Катыни.

"ПРАВДА", 24 января 1944 г. Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. Казнь польских офицеров была проведена осенью 1941 года, метод расстрела был типичен для немецких массовых расстрелов... расстрел польских военнопленных был частью уничтожения

Иосиф Косицкий. Комментарий к "Истории сталинских преступлений" А. Орлова

"Последняя группа польских партийных руководителей была расстреляна в 1939 году. Почти все руководители и активные члены Коммунистической партии Польши, находившиеся тогда (30-40-е годы) в Советском Союзе, были арестованы и отправлены в лагерь. Когда в 1944 году понадобилось создать коммунистическое правительство, его пришлось собирать "с бору по сосенке". К тем немногим были добавлены люди типа президента Берута (а в прошлом известного как следователь НКВД Болеслав Рутковский), Роберт Конквест. "Большой террор".

"Я убил Сталина! - его голос перешел в хриплый бредовый вой безумца. - Я, я... застрелил как собаку... - захохотал он с горьким торжеством. Он был слишком слаб, чтобы понимать все, - но еще достаточно силен, чтобы понимать столько, сколько требует медленная удручающая смерть. Перед смертью, словно припадаясь последним припадком, он хотел взять на себя преступление, которого не совершил, деяние, которого не исполнил. Сколько лет подряд он не знал за что страдает. Сегодня он жаждал признаться, жаждал найти свое место в том жестоком непонятном приговоре судьбы, который дали ему подписать семь лет тому назад." *Гуеиш Герлинг-Грудзинский. "Иной мир". (Советские записки).*

Самое, может быть, страшное в работе партийных органов и органов безопасности то, что высшая коммунистическая идеология декларировала так называемую "историю общественного заговора против Советов". Любые действия и бездействия, соответствующие, происходились через сито этой теории. Единственной возможностью удержать или прибить себе жизнь для пометки, чиновничества и карательных органов, как стирательный утилитаризм в своей книге "КГБ" Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский, была система выживания и работы по принципу "угодить, угодить, угодить". Угодить, какого доклада или дела требуют руководители, подтасовать или подобрать такое дело... и угодить до следующего угадывания. Разная это положение, нужно отметить, что при таких общесоциалистических установках уровень лжи и зла становился бесконечно нарастающим. Нужно было идти на все, изобретая все худшее и худшее, все более и более бесчестное по отношению к своим согражданам и гражданам других стран. Ведь только добро конечно в своих установках - "не убий!" - и все тут. Нельзя "не убий!" в каких-либо вариациях и уровнях. Можно только не убить... или убить. А вот тут-то уж бесконечное и безбрежное море вариаций подлости, лицемерия, угодливости и исполнимости. Зло безгранично, поэтому и не постигнуть нам никогда той черты падения и садистической изобретательности партийно-государственных органов, реальных выкорюченных коммунистической системы. Раскрывающаяся в деталях правда о Катыни, Медном, Шестом казарнале Харькова, Рязани-Дзигеле - свидетельство скандальному. Сколько же бесконечно число таких правд... - В.Л.

Берлин. 9 мая 1945 г. ПОБЕДА! Москва, 24 июня 1945 г. Парад Победы принимает маршал Г.К. Жуков, командует парадом маршал К.К. Рокоссовский. (Совенский маршал Рокоссовский в 1949 году стал министром национальной обороны Польши. Мало того, он еще получил пост заместителя польского председателя. - В.Л.)

Рязанская область. 4 июля 1947 г. В спецгоспитале НКВД СССР N 4791 г. Скопина был убит во время искусственного кормления твердым зондом генерал Армии Крайовой, борец с фашизмом Казимеж Тумидайский.

Памятная виньетка, выпущенная в Лондоне в канун "юбилея" катынской трагедии.

славянских народов... Н. Бурденко, А. Толстой, митрополит Николай и др.

Польша. 24 июля 1944 г. Города Хелм и Люблин освобождены частями Советской армии.

Москва-Хелм-Люблин. 26 июля 1944 Советский договор с Польским Комитетом национального освобождения (ПКИО).

"В августе-сентябре 1944 года польские реакционеры спровоцировали в Варшаве восстание против немцев, начатое без согласования с командованием спонсорских армий, и сами же его предали. 14 сентября 1944 года пригород Варшавы был взят частями Красной армии и 1-й польской армией, а 17 января 1945 года и весь город был освобожден от немецких захватчиков". *Краткая Советская энциклопедия. 1948 г.*

Лето-осень 1944 г. "И я тоже всем сердцем, так сказать, душой был за это, с тем, чтобы Польша была социалистической, чтобы Польша была бы, ну, не буквально, так сказать, советская Польша по форме, но по существу чтобы она была, значит, чтоб там вверх взял рабочий класс в союзе с крестьянством. Значит, чтобы там победила ленинская политика, значит. И когда были эти выборы и Миколайчик получил абсолютное меньшинство, тогда поляки очень остро выдумали такую поговорку. Когда объявили результаты выборов, поляки так говорили: "По-то есть за пикатунка (т.е. урна избирательная), по-то есть за пикатунка, опустили Миколайчика в эту пикатунку, а вытаскивают Гомулку?" Н. Хрущев. "Воспоминания. Избранные отрывки".

"К концу второй мировой войны следователя НКВД Болеслава Рутковского Сталин поставил руководить Польской Народной Республикой. В этой должности он назывался другим именем: Болеслав Берут."

Расправа последовала за организацию самой крупной и продолжительной голодовки польских офицеров в советских лагерях. Захоронен на кладбище спецгоспиталя среди колхозного поля.

Армия Крайова (АК), криптонимом SZK (Вооруженные Силы Страны) - кооперативная военная организация на польской территории, борющаяся с 1939 года с немецкими оккупантами. Костяк организации - Служба Спасения Польши (SZP), организована 27 сентября 1939 года. Главой командования был Сикорский. АК была создана по территориальному принципу. Люблинским округом АК командовал до победы над немцами Казимеж Тушицкий ("Марчин", "Эдвард", "Грабовский"). 19 января 1945 года Армия Крайова, как выходящая свои задачи, была распушена. Главным командиром Люблинского Округа (расстрелян в Москве). - В.Л.

Заглянем в историю: "...Дзержинский всегда шел за держателями власти, и если отстал от того-то с горячностью, то оседал только то, что было приято большинством. При этом его горячность принималась членами Политбюро как нечто деловое и поэтому несприятельное. При его горячих выступлениях члены политбюро смотрели в стороны, в бумаги, и царило впечатление недовольства. А один раз председательствовавший Каменев сухо сказал: "Феликс, ты здесь не на митинге, а на заседании Политбюро". И, о чудо! Вместо того, чтобы оправдать свою горячность, ("я принимаю, мол, близко к сердцу дела партии и революции"), Феликс в течение одной секунды от горячего взволнованного тона вдруг перешел к самому простому, прозаическому и спокойному." Борис Бахнов. "Воспоминания бывшего секретаря Сталина"

Зарубин (Зубилин) Василий Михайлович, один из "героев" Катынского дела - в 30-е годы резидент ОГПУ в Берлине, затем с 31 октября 1939 года активно руководил с широкими полномочиями филиацией и сбором информации (вербовкой) в Козельском, Останинском и Старобельском лагерях НКВД для польских офицеров перед самым Катынским и др. расстрелами. До 1942 года был оперуполномоченным 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в звании майора госбезопасности. С 1942 по 1944 - резидент НКВД/НКГБ в Вашингтоне. С вступлением в ГВ армейских званий к 1945 году имеет чин генерал-майора. Женат с нача-

ла 30-х годов на сотруднице американского сектора ИНО ОГПУ Лидии Горской, бывшей дворянке и любовнице Якова Вяземкина (чекиста, принимавшего участие в убийстве графа Мирбача). После расстрела Вяземкина по ее показаниям в 1929 году, через какое-то время вышла замуж за Зарубина. Умер Зарубин в Москве около 1975 года. Он являлся одним из самых важных и засекреченных сотрудников в Катынском деле, и в этой понятии реконструкция его биография собрана из крохотки, которые случайно выпали в литературе. - В.Л.

Товарищу Хрущеву Н.С. Совершенно секретно. 3 марта 1959 г. ...лиц бывшей буржуазной Польши. Всею решением специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек. Из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Вся информация по ликвидации указанных лиц производилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. Все ликвидированные там поляки считались уничтоженными немецкими оккупантами. Председатель КГБ при СМ СССР А. Шеленин.

ЦК КПСС. Секретно. 12 апреля 1971 г. В последнее время в Англии имеют место попытки раздуть антисоветскую шумиху вокруг так называемого "Катынского дела". Пропу рассмотреть. А. Громыко.

ЦК КПСС. Секретно. 23 февраля 1973 г. ...возня вокруг воспоминания "памятника жертвам Катыни" продолжается. Одобрен проект такого памятника с враждебно-клеветнической в отношении СССР надписью, возлагающей на Советский Союз ответственность за гибель 14.500 польских военнопленных. О нашем демарше информировать польских друзей. В. Кузнецов.

Выписка из протокола N 3 заседания Политбюро ЦК КПСС. 5 апреля 1976 г. Совершенно секретно. Смоленскому обкому КПСС, т.т. Прежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Кириленко, Пономареву, Катулиеву, Смирнову. О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому Катынскому делу. 1. Дать согласие друзьям на консультации с целью обсуждения возможных совместных мер противодействия. 2. Поручить отделу ЦК КПСС и

МИД изыскать... 4. КГБ СССР по неофициальным каналам дать понять лицам из пригласительных кругов соответствующих западных стран... Секретарь ЦК.

ЦК КПСС. Секретно. 30 марта 1976 г. В связи с приближающейся 35-й годовщиной преступления немецких фашистов в Катынском лесу, эта провокационная антисоветская кампания может усилиться. Ю. Андропов. В. Кузнецов. К. Катулиев.

Рим. 13 мая 1981 г. Покушение на Папу Римского Иоанна-Павла II.

Варшава. 19 октября 1984 г. Ксенда Вжи Попелушка после службы в костеле захвачен около 22-00 тремя высшими чинами МВД ПНР и после аверских пыток утоплен в Висле (район Влоцлавка).

Москва. 1988 г. Участники встречи-семинара двух стран о "белых пятнах" в истории советско-польских отношений заявили по телевидению, что расстрел польских офицеров был осуществлен немецкими войсками осенью 1941 года.

"Познание не заслонит нам, однако, сомнения, которое мы испытали, открывая тайну советских лагерей смерти. Потому что жить нормально со знанием этого, значит согласиться на окаменение, увечье какой-либо части собственной души. Это значит согласиться, согласиться со многим... Глядя на Россию у меня было впечатление, что это уже какая-то метафизическая стадия коммунизма, граничащая временами с искусством. Эта безобразность так далеко отходит от реализма, что кажется придуманной специально." Ева Вуйцак. "Шесть недель в России", 1983-89

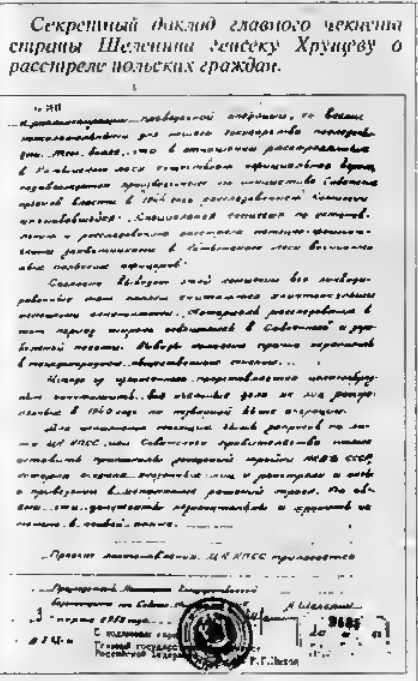
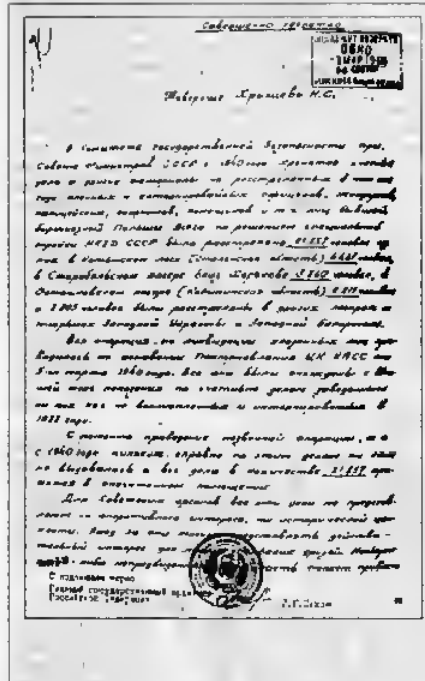
Президенту СССР т. Горбачеву М.С. 7 мая 1991 г. Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД СССР в течение апреля-мая 1940 года в УПКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей... Н.Трубин.

На основании исследований и поисков Рязанского "Мемориала", польской и русской сторонами было проведено переиздание на родину в Польшу приехавших бригады Казимеж Тушицкий. Много лет искавшей своего отца, бывшей узнице нацистского лагеря Ванде Струже (Тушицкой), все московские и рязанские советские, партийные и чекистские органы утверждали, что места захоронения ее отца нет, не было и быть не может. В этой, впервые в России проведенной работе, огромную помощь мемориальцам оказал Генеральный консул Республики Польша в Москве Михаил Журавский, внесший неоценимый личный вклад и в разрешение Катынской проблемы. - В.Л.

Из Указа Президента Российской Федерации. 23 июня 1992 г. Москва, Кремль. 1. Рассекретить законодательные акты, решения правительственных, партийных органов и ведомственные акты, служившие основанием для применения массовых репрессий и посягательства на права человека, по вопросам: ...помещения лиц на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения. В.Ельцин

19-21 августа 1991 г. ПУТЧ в СССР.

Президенту СССР т. Горбачеву М.С. 3 сентября 1991 г. ...На нас, инжениров-наших прокурорских работников Главной военной прокуратуры возложено расследование уголовного дела о судье 15 тысяч польских военнопленных. Совместно с указанными правоохранительными органами Республики Польша проведены ответственные мероприятия - эксгумация останков потопленных польских граждан с 15 по 31 августа с.г. в районе населенного пункта Медное Тверской (Калининской) области, где обнаружены массовые захоронения польских военнослужащих, которые находились в так называемых дачных поселках

Польская психиатрическая клиника в Хороще под Белостоком.
ФОТО МАРТЫ ЗАЙКОВСКОЙ

УКГБ... 19 августа с. г. соответствующие должностные лица УКГБ по Тверской области указали определенное негативное воздействие и давление на совместную советско-польскую следственную и экспертную группу... Проведенная работа, обеспечение безопасности пребывания всей польской прокурорско-экспертной группы в г. Твери и т. п. Медвежь, когда от таковой отказались руководство Тверского УКГБ, получила высокую оценку присутствующих на месте экспертных работ... Своим особым удовлетворением проделанной работой передал глава Ватикана римский Папа Иоанн-Павел II.

П. Анисимов, А. Третьяков, С. Радвинь, А. Яблоков, В. Гриневич, С. Шаламаев.

В результате архивной и поисковой работы, при активном содействии соответствующих структур, были собраны материалы, подтверждающие существование в Рязанской области резиденции гитлеровцев из 12 лагерей концлагеря НКВД СССР № 454, т. н. «Белосток». После польского переворота в октябре 1917 года. Среди лагерных клиник со стесками были переданы в пользование ФРГ в Республ. Польша. Только с помощью людей, не желающих потерять свою историю, никак бы странной они ни были, можно было за столь короткий срок прояснить завесу молчания и намеренно-го скрывания фактов. Прямые контакты с «Восточным архивом» и журналом «Карта» (Республика Польша) позволяют мемориальным представителям гражданских разнотипных свидетельств и документов о погибших и выживших в рязанских лагерях. - В.Я.

Акты, составленные в рязанской психиатрической больнице им. Н.Баженова 27 августа 1992 г. ... в Книге регистрации протоколов искривлений № 80 имеется запись: Стружковский Стефан Янович, 1910 г.р.р., дата смерти: 31.07.92 в 11-40. История болезни № 3469. Поступил в 1941 году, в больницу № 51 г.д. ... Литерат Никусе Давидович, 1923 г. р.р., поступил из Белостока 10.01.41 г.д. Умер в 80-е гг. Всего в январе 1941 года поступило порядка 100 польских граждан из психиатрической клиники под Белостоком. Депутаты городского: В. Лозанский, А. Спиринков, Вриш: Ю. Володин, А. Янина

Посольство Республики Польша, Генеральному консулу Михаилу Журавскому, 28 августа 1992 г. Члены общества «Мемориал», народные депутаты провели проверку полученной информации. В результате было установлено: 10 января 1941 года в рязанскую психиатрическую больницу было депортировано около 100 граждан Польши - пациентов психиатрической больницы под Белостоком. При утверждении заместителя главного врача Янина А.П. больницы поляков умерло... Полагается, что необходима детальная официальная проверка архива и самой рязанской психиатрической больницы...

Председатель рязанского «Мемориала», народный депутат А. Езипов.

Первому заместителю прокурора Рязанской области А. Пилипенко, 28 августа 1992 г. ... в январе месяце 1941 г. были депортированы большая группа польских граждан - пациентов психиатрической больницы. Часть польских граждан была, якобы, заключенная в рязанский городской тюрьме до сентября 1941 года вместе с поляками из Вильны.

«Печерная Рязань», 29 августа 1992 г. ... Январь 1941 г.д. Польша. Местечко Хороща под Белостоком. В городе хозяйничает НКВД - каждый вечер, чекисты уводят жителей целыми семьями в неизвестном направлении - вояки идет «братская» имидж порабощенным парадом Западной Украины и Белоруссии». В одну из ночей опустела и психиатрическая больница - эшелонами ушли на Восток. Чем поманил Сталина большие поляки? И были ли они больны? Андрей Рязанов

Польша, 12-20 сентября 1992 г. Представители рязанского «Мемориала» проводят поиски свидетелей и документов. Мемориальная больница в Хороще Антоном Глобелом дает видеосъемку. Евгения Шиманская уточняет маршрут эшелонов, Талейн Гурьевский делится своими историческими изысканиями по больнице в Хороще.

«Приокская газета», 26 сентября 1992 г. Из интервью с Главным психиатром рязанской области А. Кельцовым: «Пам севершено невинный шумиха, поднятая по поводу смерти в нашей больнице 82-летнего гражданина Польши Стефана Стружковского. Мы считаем, что их приезд связан с передвижением угрозы нападения Германии... Этот человек пришел в нашей больнице 51 год, не знал хорошо ни польского, ни русского. Его нигде невозможно было трудоустроить, и оставляли его на произвол судьбы мы не могли. И это не наша вина, что Стефан «прижился» в больнице, это беда человека, покинутого родственниками. Кстати, хотелось бы опровергнуть еще одну «утку»: Стефан Стружковский - не последний польский гражданин, который лечился в нашей больнице... Вопрос уже к польскому правительству: почему оно забыло своих

граждан? Печально к нам приезжали корреспонденты польской газеты «Трибуна». Они также утверждали...»

Небольшой комментарий: «Сов.секретно. Уважаемый Михаил Сергеевич. В декабре 1989 года Первый секретарь ЦК ПОРП обратился к руководству КПСС... Из полученных от нас кредитов осталось 700 тыс. долларов, 300 тысяч израсходовано на организацию издания новой партийной газеты «Трибуна». 24.10.90. Г. Янаев.

«Печерная Рязань», 10 октября 1992 г. Из интервью с заместителем главного врача рязанской больницы А. Яковлевым: «...больница под Белостоком расформировали, чтобы спасти больных от физического уничтожения. Известно, что немцы с особой яростью уничтожали евреев, цыган и душевнобольных. Почему именно в Рязани? Может быть потому, что наша больница имеет определенный исторический опыт, определенные традиции... Доктор Аринин рассказывает, что этих больных в Белосток осматривали наши доктора во главе с профессором Кербиновым. Комиссия там им не распределала больных по регионам. Доктор Аринин (с) слов Яковлева) говорит, что пришла информация, будто под видом душевнобольных Абсер засылал своих агентов. И в задачу комиссии, которую возглавлял Кербинов, входило отделить душевнобольных от агентов. Может, это и было одной из причин расформирования белостокской больницы. Еще у нас есть пациент Франц Гловацкий. Он был вывезен из Белостока миллионником. Это тяжело больной человек...»

«Рязанская губернская ЧК под руководством председателя коммуниста Н.И. Лырова провела ряд операций по ликвидации эсеровских групп. В октябре 1919 года чекисты раскрыли заговорившуюся организацию левых эсеров в Рязани. Члены ее, в основном белые офицеры, под видом больных разместились в психиатрической клинике в Галенчине (ныне больница им. Баженова). Действуя по тщательно разработанному плану, чекисты решительно и в кратчайший срок пресекли нелегальную конспираторскую организацию». С. Фролов. «Защита революции», 1988

Дореволюционным врачам было намного легче. Скрывая в галенчинской больнице через два года после революции под видом пациентов членов эсеровской группы, они рисковали только жизнью. Революция же их оставалась безучастной. Инстинкты порядочности никогда не побуждали профессионального врача, тем более психиатра. Он полагал, что, не желая на стороне и нелегально. Когда-то не только слышали о клятве Гипократа... Поляки в 1939 году тоже пришли в хорощинскую больницу своим офицерам-ленинцам, не желая их выдавать нацистам из советского НКВД. Правда, все это обернулось польским шпионаж Абсера и до сих пор нам пытаются внушить эту жалостливую идею. Возвращаясь к 1919 году, заметим, что группу русских офицеров дружественной больницы мирно левых эсеров обнаружили с помощью агента-прокататора, которого они «прозвали» ввиду своей доверчивости и старорежимного воспитания. Всех их арестовали и перебили. Понятно, что такие ЧК не могло оставить без последствий никакие контрреволюционные преступления. Больница была взята под строжайший контроль и докуча, текстовая совместившаяся кадриями - «инженерия» целовеческих душ». Добавим, что польский еврей Никусе Литерат, попавший из Белостока в рязанскую больницу 10 января 1941 года, начал проситься на родину в Варшаву с 1945 года. Но просьбы его не рассматривались НКВД. Если он был так уж сильно болен, то зачем было обращать внимание на его причуды. А если не болен? - В.Я.

"Объявление инакомыслящих сумасшедшими - не советское изобретение: в 1836 году инакомыслящий Чаадаев был "высочайшим повелением" объявлен сумасшедшим", но не был водворен ни в тюрьму, ни в психбольницу. Большевики не сразу переняли царский подход к инакомыслию. Но, раз переняв, существенно опередили царей, создавая широчайшую и все растущую сеть психотюрем (с начала 60-х гг.). До этого душевнобольных заключенных направляли в спецотделения общих психиатрических больниц. В конце 70-х гг. в СССР имеется уже около сотни психотюрем и число их постоянно растет. Кроме собственно психотюрем во многих психбольницах министерства здравоохранения имеются камеры в распоряжении органов безопасности или внутренних дел." Жак Росси. "Справочник по ГУЛАГу". 1987-92.

Москва-Варшава. 14 октября 1992 г. Президент России Борис Ельцин передает подлинные тексты документов на "Особой папки ЦК КПСС" по катынскому делу президенту Польши Леху Валенсе.

Варшава, 23 октября 1992 г. В Республике Польша выходит том документов из "Особой папки ЦК КПСС" на двух языках в факсимильном воспроизведении под назва-

граждан Польши в Советский Союз, в рязанскую психиатрическую больницу, для розыска среди них агентов иностранной разведки и т.п., а также с целью выявления психически здоровых лиц своего подкрепления не нашли... Наличие сведений и отношения этой группы лиц не установлено в архивах управления МБ РФ (быв. УКГБ) по Рязанской области. А. Пилипенко

Казалось бы, маленькое дело по хорватской больнице для психически и переносимых, вливается в общую картину в ход расследования и поисков по Катыни, является в своем историческом развитии как бы его отпечатком. Точно так же, все истинности отвечают, что ничего крамольного нет, что все хорошо, и было бы еще лучше, если бы "Мемориал" и депутаты не совали нос не в свои дела. Но расследуя цвета польского народа в Катыни тоже, поминутно, не было в наших архивах никаких документов, кроме тех, что утверждали, буднично заявляли рассредоточили исключительно фашисты (конечно, немецкие). Оказалось же - документы есть, много документов, бы и рассредоточили не немецкие фашисты... Оказалось, что и Казимежа Тузмидийского - по данным обложки КПСС, рязанского УКГБ, прокуратуры, УВД и облисполкома - тоже никогда не было ни Ряз-

Познань. Мероприятие "Россия" 6-8 ноября 1992 г. В "Театре Восьмого Дня" состоялось широкое обсуждение так называемого "советского опыта", рассматриваемого как глубокое метафизическое непонимание жизни. Делегация рязанского "Мемориала" приняла активное участие в выработке программы и проведении встречи.

Познань. Заявление для прессы 7 ноября 1992 г. Российский Христианско-демократический Союз - новая политическая партия, основанная на принципах европейской христианской демократии, выступила с инициативой организации и проведения международного судебного процесса над коммунистической идеологией, философией и государственностью. Это предложение, выдвинутое месяц назад на фракции ХДС Европарламента сопредседателями РХДС народными депутатами, бывшими парламентариями в Глебам Якушиным, Валерием Борщевым (Москва) и Виталием Саницким (Санкт-Петербург) получает поддержку в Западной Европе на достаточно высоком уровне, как идея суда именно над системой, отрицающей человеческое убеждение в постоянстве мира и цивилизации. Член политсовета РХДС, председатель рязанский организации В. Лозтский.

"Приокская газета", 26 ноября 1992 г. "За более чем 100 лет своего существования областная клиническая психиатрическая больница имени Н.Н. Баженова имеет все основания гордиться безупречной репутацией рязанских врачей-психиатров... Таковы факты. Зачем "Вечерняя Рязань" принесла их в жертву своей "сенсационности", остается только гадать." Главарин В. Савин

В прессе эта тема широко освещена "мемориальными". Совершенно однозначно утверждалось, что нельзя бросить камни во врачей и медсестер, которые часто отдавали больным последние, в войну организовывали в палатах примитивное отопление и выращивали из еды, делали все, что было в их милых руках и делалось добро тайно. Но где мы противостояли силе нашего Ржсима? Они пытались спасти тех, кого Власть наметила уничтожить, поставив своей задачей поиски мифических шпионов и диверсантов. Впрочем, мы не можем забыть рязанские психиатрические экзекуции 60-70-х годов по правозащитникам Свеченко Шрамо и Ивану Динилоку, как и рабину ЧК в больнице 1919 года. - В.Л.

Рязань. 10 декабря 1992 г. Г-н Кинниоф Яблонка из департамента Европы польского МИДа официально сообщил, что восстанавливается Рязанским "Мемориалом" и фирмой "РОКС" польско-немецкое кладбище военнопленных и интернированных лагеря НКВД СССР 178-454 включено в число четырех комплексов на территории бывшего СССР, символизирующих трагедию польского народа: Катынь, Медное, 6-ой квартал Харькова, Рязань-Дятлево. Церемония открытия мемориала состоится в 1994 году по решению польских государственных институтов России и Республики Польша.

Москва. Третий съезд Движения "Демократическая Россия" 19-20 декабря 1992 г. Подавляющим большинством голосов делегатов принято Заявление об организации Международного трибунала над коммунизмом и КПСС.

30 декабря 1992 г. Московская телепрограмма. М.С. Горбачев решил объявить, что он теперь полностью отвергает социалистический выбор и считает коммунизм утопией, принося, как положительный пример, развитие Чили при генерале Пиночете.

"МЫ ПРОШЛИ ПОБЕДНЫМ, ТРИУМФАЛЬНЫМ ШЕСТИЕМ БОЛЬШЕВИЗМА ИЗ КОНЦА В КОНЕЦ..." В. Ленин.

"...Но из грехов своей родины печной не сотворишь бы кумира себе."

Гудит Окунджава.

Рязанская психиатрическая больница имени Баженова.

ФОТО СЕРГЕЯ РОМАНОВА

ним "Документы палачества". "Собеседник" N 42, 20 октября 1992 г. "...польские пленные могли быть привезены под Рязань для розыска среди них шпионов Абвера". Под городом в 30-50-е годы находился один из самых крупных центров НКВД для иностранных граждан. По другой версии среди пациентов притали польских летчиков, не захотевших посвятить за СССР. Российская сторона отстаивает версию "спасения психбольных". Вместе с сотрудниками рязанского отделения "Мемориала" мы продолжим наше журналистское расследование. Кто знает, что еще сохранилось в архивах рязанской психиатрической больницы и что еще не рассказали ее врачи." Антон Пономарев.

Прокуратура Рязанской области, 5 ноября 1992 г. Государственный архив Рязанской области сообщил, что в документах рязанского облисполкома за 1939-1941 гг. сведений о прибытии в Рязанскую область пленных, психиатрической, клиники из Польши не имеется... Архивные документы рязанской областной психиатрической больницы, относящиеся к тому периоду, не сохранились... В то же время, в ходе проверки получены сведения от непосредственных участников событий... Доклады о депортации не являющихся душевнобольными

защитные, и могилы его просто быть не могло. Но горстки людей, не располагавших ни архивами, ни деньгами, ни другими возможностями самой крупной секретной службы мира - КГБ за год сумели найти на полях крови рязанской земле ту точку, где с почетом был закопан немецкими военнопленными их бывший враг, убитый НКВД польский генерал. Как же тяжело у нас прорываться частичкам правды сквозь препоны государственной монополии на истину, кокая же иррациональность и чиновничества следит и бдит, уродует и "формирует" общественное мнение! А что случилось, когда страницы правды о Катыни и убийствах польских бойцов-антифашистов на Рязань были открыты? Мир перевернулся? Нет, просто поляки стали лучше к нам относиться, стали воспринимать нас как нормальных людей, а не как лживых, извращенных борцов-бойцов "за светлое коммунистическое будущее". Жаль, что нельзя поднять иск в суд за неоправданный ущерб, нанесенный России и всему миру той кучей дельцов и тайнохранителей, которые возманили (и не переставали мнить) себя "творцами", наделавшими версией священной тогу Истории в кургузый чиновничий "китири". Каков из уродства страшнее - морально или аморально? - В.Л.

Петр МИЦНЕР

Российский "Мемориал" и польская история

Представители научно-информационного центра "Мемориал", выступающие в качестве судебных экспертов в суде над КПСС, получили доступ в сверхсекретные партийные и государственные архивы, в том числе в Президентский архив. При работе в этом архиве им удалось обнаружить, в частности, следы документа, относящегося к убийству военнопленных польских офицеров из лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. Установлено, что решение о расстреле принято Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года. Текст, составленный в одном экземпляре, получил Берия, который в позднейшей переписке со Сталиным ссылался на "постановление N 144 от 5 марта". Из архивных учетных списков следует, что этот документ существовал еще в семидесятые годы. (В настоящее время документ обнаружен и опубликован - РЕД.).

Даже самое беглое знакомство с архивами КПСС позволяет заключить, что судьбы не только целых народов и больших групп населения, но даже отдельных людей решались партийной верхушкой. Аппарат безопасности играл роль наемного убийцы.

Недавно перед "Мемориалом" открылись архивы ГУЛАГа. Если когда-нибудь издадут обнаруженные там документы, то эпиграфом к этой публикации могут послужить слова Маяковского: "Единица - вздор, единица - ноль". Там нет личных дел, нет списков арестованных. Есть только списки лагерей и бесконечные цифры - статистика выполнения заключенными производственных планов.

Однако и сухая казенная информация из этого собрания архивных документов имеет для нас, в Польше, огромное значение. Так, Сергей Кривенко из московского "Мемориала" обнаружил там недавно постановление о создании лагеря в Осташкове, где раньше находилась исправительно-трудовая колония для несовершеннолетних. 22 сентября 1939 года, то есть через пять дней после вторжения Красной армии в Польшу, было принято решение об очистке лагеря и подготовке его к приему поляков.

Открытие доступа в архивы Коминтерна позволяет выяснить много закулисных дел из истории коммунистической партии Польши, Польской рабочей партии и Польской объединенной рабочей партии. В одном из ближайших номеров журнала "Карта" будет опубликован материал, подготовленный профессором Наталией Лебедевой, - документы, касающиеся сотрудничества некоторых польских коммунистов с Красной армией в 1920-х годах, а также большой чистки и роспуска КПП, в том числе памятная записка Зофьи Дзержинской, жены Феликса Дзержинского. В архиве Коминтерна есть также чрезвычайно интересные материалы, относящиеся к формированию армии Андерса на территории Советского Союза, в том числе рапорты поляков - агентов НКВД. Так, один из них сообщает, что порученная ему просоветская агитация среди солдат не приносит никаких результатов и что единственный эффективный способ - ликвидация.

Автор статьи - сотрудник польского независимого исторического журнала "Карта" и Восточного архива, занимающегося сбором документов и преступителях тоталитарных режимов, представитель общества "Мемориал" в Польше.

ФОТО АНДРЕЯ ПАВЛУШИНА

"Неделя Совести" в Варшаве. В первом ряду справа - писатель Лев Конелев.

ФОТО АНДРЕЯ ПАВЛУШИНА

Несмотря на многочисленные заявления об открытии доступа в тайные архивы, многие из них сохраняют секретность. И дело здесь просто в том, что за секретность архивным работникам полагается 15-процентная прибавка. Финансовые вопросы возникают и при копировании документов из некоторых архивов. Появились даже связанные с этим официальные преискурранты.

К счастью, есть в России люди, не собирающиеся торговать правдой о человеческих трагедиях, люди, которые просто занимаются изучением и документацией новейшей истории. Именно это делает "Мемориал".

В апреле прошлого года по приглашению журнала "Карта" и "Восточного архива" они были в Варшаве, участвовали в Неделе совести. "Карта" подписала тогда соглашение с "Мемориалом". Мы решили подготовить план совместных действий на ближайшие годы. Так родилась идея совместных исследовательских работ по теме "Общее место, общая судьба - Восточная Европа".

Во вступлении к этому проекту мы написали: "После распада коммунистической системы в наших странах становится все очевиднее, насколько живуче прошлое. Ведь в коллективном сознании новейшая история существует как собрание не связанных друг с другом фактов, мифов, слухов, предвзятостей. И как таковая она используется локальными национализмами и политическими демагогами. Молодым демократам не достает аргументов, поскольку эта новейшая история еще не описана на уровне фактов. Именно такое описание становится неотложной задачей, между прочим, и потому, что одно за другим уходят поколения живых свидетелей истории... Восточная Европа была местом, где жили рядом народы, жили порой в дружбе, а порой - в лютой вражде. Надо описать этот мир таким, каким он был до уничтожения, во время него и после. Надо извлечь выводы для сегодняшнего дня. Исторические источники нуждаются в изучении и обработке одновременно российскими, украинскими, еврейскими и польскими исследователями, желающими участвовать в этой исследовательской программе."

Используя все доступные материалы, мы будем готовить монографию, посвященную отдельным "стыковым" местам, займемся судьбами поляков в СССР до 1939 года, советской оккупацией 1939-41 годов, советско-германским сотрудничеством в этот период и процессом установления коммунистической власти в Польше с 1944 года. Это лишь некоторые темы. Во время работы над ними будет составлен "Путеводитель по архивным источникам, относящимся к истории отношений между СССР и странами Восточной Европы", каталог снимков и кинофильмов и согласован план работы над Указателем репрессированных и Картой ГУЛАГа.

Вместе с "Мемориалом" мы хотим помогать всем, кто ищет следы близких, пропавших на Востоке.

Варшава

Евгениуш РОЖКОВСКИ

ГОЛОДОВКА

Опубликованный текст является отрывком из воспоминаний Евгениуша Рожковски. Воспитанник белостокской учительской семинарии, в октябре 1944 года он начал работать учителем начальной школы в Чарна-Веси около Белостока. 6 ноября 1944 года Евгениуш был арестован прямо в школе и перевезен в Белосток, в помещение СМЕРШа. Пройдя через белостокскую тюрьму, уже 8 ноября он без суда был вывезен в неизвестном направлении. Как выяснилось через 10 дней пути, конечным пунктом путешествия являлся Осташков. К концу марта 1945 года Е.Рожковски в составе группы поляков был перевезен в Дягилево под Рязанью. В этом лагере летом 1947 года среди заключенных вспыхнул голодный бунт.

Уже зимой питание в лагере ухудшилось. Суп стал значительно жиже, труднее было получить дополнительный паек за выполненную работу. Среди интернированных нарастало недовольство. Двое пожилых офицеров решились на побег. Далеко не ушли - после поимки их наказали двухнедельным карцером.

Чтобы хоть как-то разнообразить лагерное меню, группу заключенных, естественно с конвоиром, послали для сбора щавеля. Я тоже участвовал в этой вылазке и собирал щавель на прибрежных лугах воспетой поэтами реки Оки.

Весной, словно по контрасту с природой, в лагере росло напряжение, усиливалось желание как-то сломать безнадёжное прозябание.

Проходивший в Польше референдум, выборы в Сейм, нормализация обстановки были явными аргументами в пользу возможного возвращения на родину и включения в настоящую жизнь.

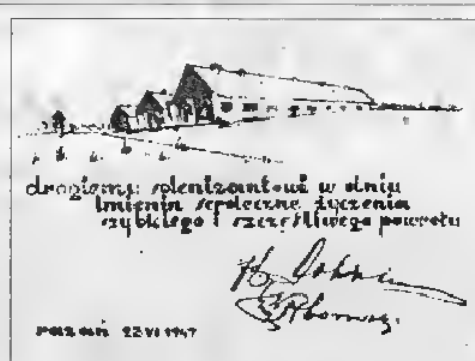
В разговорах, дискуссиях, спорах, даже ссорах о продолжающемся заключении и способах его прекращения постепенно определились направления нашей деятельности. Старосты лагерных барачков были наделены полномочиями представлять интересы отдельных групп заключенных перед комендатурой лагеря. Они должны были вручить начальству собранные от интернированных петиции, в которых мы просили: 1) Ответить, когда мы будем отпущены на родину. 2) Прислать в лагерь представителя польского посольства в Москве. 3) Улучшить питание.

В случае отказа мы угрожали голодовкой.

Была суббота, 28 июня 1947 г. В предвечерние часы отчаянные делегаты, представлявшие барачки рядовых, отправились к комендатуре лагеря. Мы ждали их возвращения с напряжением и беспокойством.

После захода солнца вернулся представитель от нашего блока и приглушенным голосом сообщил внимательно слушающим товарищам ответ коменданта: 1) освобождение наступит, когда придет приказ от Сталина, а пока он обязан охранять и заботиться о нас; 2) просьбу о прибытии в лагерь представителя польского посольства он передаст своему непосредственному начальству; 3) питание будет улучшено, как только появится возможность.

Собравшиеся выслушали информацию в полной тишине. Наученные опытом, мы были слишком осторожны в высказывании замечаний - так можно было получить срок за подстрекательство. Однако через минуту помещение наполнилось гулом голосов: комментариями, вполголоса, вопросами, предположениями. Что теперь будет? - с этим вопросом мы и заснули.

Дягилевский концлагерь НКВД № 178-454. Рисунок одного из заключенных. Из архива Е.Полячека.

В воскресенье, 29 июня еще перед подъемом в коридорах барака раздался громкий крик: "Голодовка!" Это, однако, не вызвало никакой реакции. После подъема, как предписывали лагерные правила, все направилось на плац для переключки. Проверка проходила спокойно и быстро. После того, как все разошлись, дежурные блоки поспешили к кухне, где в определенной последовательности стояли баки с супом - завтрак. В это же время "организация рядовых лагеря" на завтрак не спешила. Они прогуливались по двору, присаживались на скамейки у барачков. Появились перья дежурные с баками горячего супа. Ото всюду в их адрес раздавалось: "Верните это все на кухню!" Однако дежурные, помня, что инициатива наказуема, выполняли свои обязанности до конца. Вскоре они стояли в блоках с половниками в руках, готовые разливать лагерный "супчик". Однако желающих не было, никто не подходил к котелками или мисками. Завтрак получали только отдельные заключенные, члены так называемых "демократических кружков". В столовой принимали пищу очередные группы офицеров.

Шли минуты, суп остывал. Дежурные не знали, как им поступить. В конце концов, под давлением общественного мнения, баки с почти не тронутой пищей были возвращены на кухню.

Создавшаяся тревожная ситуация побуждала лагерное начальство в скором времени повторить построение. На плацу спокойно и быстро построились обычные пятерки. В этот раз проверки количества не было. Дежурный офицер (а может это был и сам комендант), стоящий перед строем, строгим голосом приказал немедленно получить завтрак, чтобы освободить котлы для приготовления обеда. Собравшиеся отреагировали на приказ молчанием. После построения ни один из дежурных на кухню не пошел.

В последнее время в лагере установилась традиция - по воскресеньям, если позволяла погода, под открытым небом у полевого алтаря проводить богослужение. Служили находящиеся в лагере ксендзы, либо из офицерской группы, либо из барака рядовых. Так и в тот день, в праздник святых Петра и Павла все желающие могли принять участие в богослужении. Молебен проходил торжественно и спокойно. По его окончании, как и в предыдущие дни все спели пасалом, привезенный в Польшу из Англии:

О, Господь, сущий на небесах,
Протяни справедливую длань!
Молим тебя отовсюду
О польском крове и польском оружии,
О Боже, сокруши тот мач,
Что иссек нашу страну!
В свободную Польшу вернуться нам дай.

Чтобы стал крепостью новой силы
Наш дом, наш край...

Наутро ксенда, проводивший богослужение, был арестован и вывезен из лагеря.

Подшло время обеда. На призыв к приему пищи среагировали единицы. Остальные остались верными принятому решению. Большинство офицеров присоединилось к протесту. Первый день голодовки принес чувство правоты нашего солидарного дела.

День 30 июня начался обычным построением. Был повторен призыв к приему пищи. И снова не вызвал никакой реакции со стороны голодавших. Не вызвали на выход и работающие бригады: в лагере было правило - без утреннего питания за ворота не выпускали.

Вест о голодовке, просочившаяся за проволоку, вызвала сочувствие и у гражданского населения, что выражалось в доброжелательных жестах и словах: "Поляки, держитесь!" Прошел слух, что к голодовке присоединились немецкие военнопленные из лагеря вблизи Рязани.

Около комендатуры можно было заметить необычное оживление, появилось много автомобилей - мы догадывались, что лагерное начальство изучает создавшуюся ситуацию. Комендант лагеря, обратился к находящимся вместе с нами польским генералам с призывом убедить интернированных прекратить голодовку. Генералы от такой миссии отказались.

Хотя ощущения голода становились мучительными, никто не собирался сдаваться. Жажда утоляла вскипяченной в котелках водой.

Не приступила к работе ни одна лагерная мастерская. Люди бродили по жилой зоне, кое-кто лежал на нарах.

1 июля голодовка продолжалась. Работники кухни и пекарни отказались от работы и присоединились к большинству. На кухню были направлены новые работники, из лиц, не участвующих в голодовке. Хлеб для них доставляли из лагеря немецких военнопленных. К голодовке присоединились и больные, находившиеся в лагерном госпитале, вместе с обслуживавшим его персоналом из поляков.

Вскоре разнеслась вест, что офицеры готовят к выезду. Всех интересовало - куда? Официальная версия гласила: на родину. Подготовка проходила очень быстро: комплектова-

лись документы, пополнялась одежда, готовилась пища для отходящего эшелона.

Одновременно лагерное начальство стало усиленно склонять рядовых к прекращению голодовки. Строгие до сих пор надзиратели подсаживались к голодающим и тихими, полными сочувствия голосами разъясняли всю неразумность наших поступков: что, дескать, пожалейте свое здоровье, вы ведь должны вернуться к своим семьям, что все это не имеет смысла. Типичным было такое: приходит в блок офицер, лежащие на верхних нарах, не стесняясь в словах, обзывают его обманщиком, угнетателем и лицемером. Он все терпеливо выдерживает - видна хорошая выучка. Но и такие инициативы наших "опекунов" не помогали - голодовка продолжалась.

Утром 2 июля появились сведения о сильном отравлении консервами части тех, кто не присоединился к голодовке и получал пищу в офицерской столовой. Несколько больных в тяжелом состоянии были отправлены в госпиталь в Рязани. А один из вновь завербованных поваров полатился своей жизнью... Случай этот производил устрашающее действие на противников голодовки.

В тот же день на ближайших железнодорожных путях готовили к отправке группу офицеров. С крыш бараканов мы могли наблюдать такую картину: товарные вагоны, усиленный конвой с собаками и деревянными молотками. Все это не предвещало ничего хорошего - похоже, это был новый этап... При каких обстоятельствах увезли из лагеря пятерых находившихся там генералов я не помню.

Выезд офицеров не ослабил упорства и готовности продолжать коллективный протест среди оставшихся. Осложнялась ситуация тем, что нужно было выходить на переключку. Пожилым, более слабым уже не хватало сил, чтобы спуститься с нар и встать в строй. Солдаты из охраны внимательно проверяли бараки. Тех, кто не выходил на плац и выказывал явные признаки ослабления, забирали в больницу, где практиковалось грубое принудительное кормление с помощью резинового шланга. После таких процедур пациенты при первой возможности сбегали в барак и старались скрывать упадок сил.

В значительной степени были ослаблены и все остальные. Передвигались медленно и осторожно. Преодоление узкой канавки или высокой ступеньки уже требовало усилий. Быстрая смена положения тела, например, из лежачего в сидячее, вызывала головокружение. Обезвоженный организм реагировал онемением конечностей и шумом в ушах.

3 июля началась подготовка к отъезду следующей группы интернированных, на этот раз рядовых. В первоначальный список добавлялись все новые фамилии. Последний отбор проводился 4 июля, в основном, по внешнему виду. Через поперечный коридор в барак друг за другом проходили интернированные со своими вещами. На выходе из коридора находилась комиссия из служащих комендатуры, которая подвергала людей беглому осмотру и, на основании известных только ей критериев, направляла в одну из двух групп. Первая группа присоединялась к убывающим, вторая пока оставалась на месте. Я был направлен к остающимся. Оставляли тех, кто был по мнению комиссии спокоен, малоактивен. При более подробном рассмотрении можно было убедиться, что среди остающихся преобладали люди среднего возраста, рабочие и крестьяне.

Грузин Владимир Губадзе, капитан польской АК, узник лагеря 178-454. Из архива Е. Полячки.

Сразу после селекции, в обеденное время мы попрощались с уезжающими товарищами. Расставались люди, подружившиеся за несколько лет совместной лагерной жизни. Уезжали все, кроме одной, интернированные женщины. Колонна скитальцев вышла за ворота, повторился сценарий с предыдущим этапом: товарные вагоны, плотный конвой с прикинутыми к карабинам штыками...

На месте нас оставалось около 300 человек. Комендантом этого мини-лагеря стал пожилой офицер в звании капитана. Оказался он человеком мягким и доступным.

Во вновь созданных группах разгорелась дискуссия: как нам дальше поступить, что делать? Таким небольшим числом продолжать упорствовать уже не имело большого смысла. Хотя и разочарованные, мы признали разумным прекратить голодовку. Заново организованная кухня приготовила диетический суп. Начинался очередной этап неволи.

Последующие дни ушли на организацию новой жизни. Отступили от войсковых схем. Общим представителем при лагерной комендатуре стал молодой офицер - "демократ", который во время формирования этапа находился в госпитале. В каждом блоке выбирали своих старост. Заняли удобные нары, оставшиеся после офицеров. На матрасах появились простыни. Пищу принимали из чашек, в столовой. В кухне был установлен общественный контроль. Хлеб привозили из немецкого лагеря. Занимали нас только на работах по поддержанию порядка внутри лагеря. Были робкие попытки просветительских бесед, например, из области географии.

Через некоторое время мы узнали, куда попали этап интернированных из Дягилева. Офицеры оказались где-то под Казанью, рядовые же попали в населенный пункт Баров - не помню уже какой области - по-видимому, где-то на севере европейской части СССР. Эти сведения мы расшифровали из надписей, начерпанных на кухонной посуде, вернувшейся с этапов в наш лагерь. Пессимистические прогнозы подтвердились: наши "опекуны" одержали еще одну победу над своими "подопечными"...

(По материалам журнала "SYBIRAK" (Польша) 1990 г.).

Белосток

Боец Армии Крайовой - заключенный дягилевского лагеря. Рисунок из архива В.Тумидайской.

Новочеркасская забастовка 1962 года. Оперативная съемка КГБ.

Петр СИУДА

НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ

За 26 лет, прошедшие после кровавого подавления забастовки и демонстрации трудящихся в г. Новочеркасске 2-го июня 1962 года, мне не приходилось слышать о том, чтобы эти события где-либо когда-либо были описаны. Лишь однажды я прочитал в книге Солженицина 2-3 листа, посвященные этой трагедии. В изложении Солженицина события крайне извращены и этим истине причинен безусловный ущерб.

Поэтому обостряется необходимость предать максимальной гласности всю правду о новочеркасской трагедии. Это необходимо сделать ради памяти всех невинных жертв трагедии.

С 1-го января 1961 г. на крупнейшем Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз начала проводиться кампания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода. Расценки снижались до 30-35 процентов. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае месяце, был сталелитейный. К этому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли в очередной раз к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же сталелитейного цеха снижение расценок еще оставалось болезненным. Утром 1-го июня 1962 года по центральному радиовещанию было объявлено о резком, до 35 процентов, "временном" повышении цен на мясо, молоко, яйца и другие продукты. Это был неожиданный и сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся в СССР. Повышение цен не могло не вызвать всеобщего недовольства. Но возникновению забастовки именно на Новочеркасском электровозостроительном заводе способствовал ряд других обстоятельств.

В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе в ту пору составляла от 35 до 50 руб. в месяц, т.е. от 20 до 30 процентов месячной зарплаты рабочего.

Новочеркасск считался в ту пору городом студентов. Соответственно было и его обеспечение продуктами питания. В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них были чрезмерно высокими. Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло за собой подорожание продуктов питания на рынке.

Но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собой забастовку, если бы самонадеянный мерзавец чиновник не бросил в "бочку пороха" народного гнева, недовольства искру оскорбления, барского хамства. Речь идет о директоре электровозостроительного завода, которым в это время был Курочкин.

В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В сталелитейном цехе собирались кучками, обсуждали не только повышение цен на продукты питания, но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлении, о забастовке. Вероятно о недовольстве рабочих в сталелитейном цехе стало известно в парткоме завода и директору Курочкину, который пришел в сталелитейный цех с секретарем парткома. Директор и секретарь парткома разговор с рабочими повели не по-деловому, а высокомерно, барски. В момент разговора к группе рабочих, окружавших директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: "Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером". Это стало той искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: "Да они еще, сволочи, издеваются над нами!" разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной заводу и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывом прекращать работу и объявить заба-

ставку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе возникновения забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1-3 июня, не создавалось и не было никаких групп или органов, которые взяли бы на себя ответственность за организацию и проведение выступлений рабочих. Все события происходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не были причастны и какие-либо "радиоголоса".

Рабочих завода не было нужды агитировать за забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывающих к забастовке, как работа моментально останавливалась. Массы забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало примерно около 14 тысяч человек. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживающего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу железнодорожный путь СКЖД, повесив на штакетник красные тряпки. Этим был остановлен пассажирский поезд "Саратов-Ростов" и движение поездов на этом участке. Остановкой железнодорожного движения рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги.

По инициативе слесаря завода В.И. Черных его товарищ, цеховой художник В.Д. Коротеев написал плакаты: "Дайте мясо, масло", "Нам нужны квартиры", которые они вынесли из завода и укрепили на одной из опор электрифицируемой в ту пору железной дороги. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: "Хрущева на мясо". Последний лозунг появился и в других местах.

Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. Первые попытки к пресечению забастовки были предприняты силами дружинников из ИТР, которые пытались пропустить пассажирский поезд и этим открыть движение на железной дороге. Но они оказались бессильны и были вынуждены ретироваться, сняв повязки дружинников.

С забастовщиками в переговоры ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить главный инженер завода С.Н. Елкин, который конкретно не говорил о восстановлении расцепок, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его в кузов грузовой машины и пытались требовать от него конкретного решения вопросов. Вопросы ему задавал и я, что после было вменено мне на судилище в обвинение.

Примерно в полдень в массе забастовщиков пронеслось: "Милиция приехала!". Вся людская масса ринулась на полотно железной дороги в направлении к милиции. Я оказался среди первых. Когда вбежал на полотно железной дороги, оглянулся по сторонам. Надо было видеть внушительность картины. Метров на 350-400 на полотно железной дороги выкатилась грозная волна плотной людской массы, а в метрах 200-250 по другую сторону железной дороги в это время выстраивались в два шеренги более сотни милиционеров. Доставившие их машины разворачивались на пустыре. Увидев накатывающуюся грозную волну людской массы, милицмейские шеренги моментально рассыпались. Милиция кинулась вдогонку за разворачивающимися машинами, на ходу беспорядочно лезла в кузов. Не успели ударить лишь два милиционера, у которых то ли от страха, то ли от бега подкашивались ноги. Волна забастовщиков не настигла милицию. Она успела трусливо ударить, бросив на произвол массы двоих своих товарищей. Но и в своем гневе рабочие не только не учинили расправы над оставшимися милиционерами, а даже не тронули их, вы проводили с наступлением, чтобы милиция не сошла нос к забастовщикам.

Как позже стало известно, милицию переодели в гражданское платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены и кагэбешники, которые были снабжены микрофотоаппаратами, вмонтированными в зажигалки, портсигары и бог весть еще во что. Съёмки осуществлялись и с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии приходилось видеть буквально ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки.

Предпринимались и попытки спровоцировать забастовщиков. 1-го июня погода выдалась безоблачная, жаркая. Источники воды поблизости около площади заводоуправления не было. Помнится одолевавшая мучительная жажда. Но никто не покидал площадь. Всех сплавляло единство, вера в свои силы, в справедливость своих требований. И в этот момент к забитой

народом площади прибыла машина, доверху нагруженная ящиками с ситро. Соблазн для всех был громаден. Раздались призывы разобрать ситро и утолить жажду. Но возобладал здравый смысл. Ни одной бутылки не было взято с машины. Было полностью парализовано движение на железной дороге, но машину с ситро пропустили через всю многотысячную, одолеваемую жаждой толпу. Провокация не удалась, провалилась.

К концу рабочего дня на площадь около заводоуправления прибыли первые отряды воинских подразделений Новочеркасского гарнизона. Они были без оружия. Приблизившись к массе людей, солдатские колонны моментально поглощались массой. Забастовщики и солдаты братались, обнимались, целовались. Да-да, именно целовались. Офицерам с трудом удавалось извлекать солдат из массы людей и уводить их от забастовщиков. Через некоторое время с балкона строящегося крыла заводоуправления пытался выступить первый секретарь Ростовского обкома КПСС Басов, окруженный чиновниками.

Трусливость партийных чиновников была для всех не только очевидной, но и оскорбительной. С забастовщиками явно никто не хотел говорить на равных. Басова и его холуев пытались забросать камнями, но они были в буквальном смысле слова высоко над массой людей, поэтому ни одного попадания в них не было. Басов с чиновниками ретировались.

К площади возле заводоуправления стали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Власть убедилась, что солдаты Новочеркасского гарнизона оказались ненадежными, поэтому надежду возложили на офицеров. Право, наблюдался скоротечный минипроцесс гражданской войны. Но офицеры в буквальном смысле слова почувствовали силу, мощь рабочих рук. Их бронетранспортеры раскачивались рабочими с поразительной легкостью из стороны в сторону. Жалко было смотреть, как полковники и майоры болтались на сиденьях в бронетранспортерах, не в состоянии удержать на своих физиономиях выдержку. Растерянность и страх на их лицах свидетельствовали, что им не под силу пресечь гнев рабочих. Бронетранспортеры уехали.

Возбуждение забастовщиков не только не утихло, но и возросло под воздействием попытки подавить их выступление. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного тоннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов-рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращения с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. Я хорошо помнил расказы участников событий в Венгрии и в Грузии. Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату в городе власти, к насилию не прошли. Решено было на следующее утро идти в город демонстрацией. И уже это свидетельствует, что волнения рабочих не сопровождались экстремизмом, насилием по отношению к представителям власти.

Позже и следствие, и судьи не могли обнаружить фактов экстремизма, кроме двух незначительных случаев. Первый случай касается главного инженера завода С.Н. Елкина, когда его силой затащили в кузов машины. Но он не подвергался избиениям. Второй случай связан с коммунистом Брагинским, который от своих же подчиненных получил несколько затрещин, не повлекших за собой ни травмы, ни нужды обращаться за помощью к медицине.

В пятом часу утра я был разбужен двумя сильными "взрывами". Раздетый, выскочил из временки, где жил с женой. Выяснилось, что "ослепленный" танк сбил две опоры электропередачи высокого напряжения, провода сконтачили и электроразряды были теми "взрывами", которые подняли с постели людей. Я отправился к заводу. Метров за 400-500 от железнодорожной линии и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 10-15 человек жители поселка. Я пошел к группе людей, выдвинувшейся на самое близкое расстояние к железной дороге, примерно 300-350 метров. Все мы наблюдали, что железная дорога вдоль завода, завод оцеплен вооруженными автоматами солдатами. Возле завода и около станции Локомотивстрой стояли танки.

Люди сообщили, что в 12-м часу в поселок были введены воинские подразделения, танки. Рассказывали, что ночью жители

пытались из подручных материалов устраивать баррикады, которые танки легко преодолевали. Тогда рабочие стали прыгать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели, ослеплять их.

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. Группа быстро "растаяла", и в ней осталось 5-7 человек. С подошедшим офицером завязался резкий разговор. Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке мы не заметили, как сзади нас оказалось два солдата, вооруженных автоматами. Таким образом мы оказались арестованными. Нас доставили в заводоуправление. Кругом было полно солдат кавказских национальностей, офицеров, гражданских, кагебешников. Кагебешники встретили меня со злобством. На легковой машине в сопровождении трех человек, кроме шофера, меня быстро доставили в ГОВД, где уже напряженно действовал большой штаб чиновников по подавлению волнений. По дороге в машине сопровождавшие махали перед мною кулаками, угрожали, оскорбляли...

С этого момента мое участие в новочеркасской трагедии закончилось. Я долгие годы и месяцы был в камерах Ростовского следственного изолятора КГБ, Новочеркасской тюрьмы, в концлагере с активными участниками последующих событий новочеркасской трагедии. Я непрерывно стремился восстановить по крупницам ход событий. Проверял и перепроверял, сопоставлял каждый факт, мельчайшие подробности. Поэтому могу ручаться за точность изложения.

Утром на завод пришли рабочие не только первой смены, но и других смен. Завод был заполнен солдатами. Возле всех ворот стояли танки. В цехах были солдаты, посторонние гражданские, явно кагебешники. Несмотря на требования не собираться группами, рабочие собирались в кучки. Их возмущение, гнев нарастали. Группы рабочих стали покидать рабочие места, выходить из цехов. Все были охвачены стихией, гневом. Малые группы рабочих стали сливаться в большие. Этот процесс уже никто не мог остановить. Большие группы рабочих стали стекаться к центральной проходной завода. Внутривзаводская площадь уже не вмещала всех рабочих. Усиливался напор на ворота. Рабочие силой распахнули ворота завода и вышли на предзаводскую площадь. Вспомнили звучавшие на митинге призывы к демонстрации.

Многотысячная масса народа направилась в город. Путь предстоял дальний - от завода до центра города. Некоторые группы рабочих направилась на другие заводы с призывами поддержать электровозостроителей. На призывы с готовностью откликнулись строители, рабочие заводов электродного, "Нефтемаш", других мелких предприятий. Отовсюду шли колонны в город. В колоннах появились красные знамена, портреты Ленина. Демонстранты пели революционные песни. Все были возбуждены, охвачены верой в свои силы, в справедливость своих требований. Колонна демонстрантов все более возрастала.

Подходя к мосту через железную дорогу и речку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооруженных солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкла революционные песни. Затем плотная грозная масса демонстрантов медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: "Дорогу рабочему классу!". Солдаты и танкисты не стали препятствовать колонне, стали помогать перелезть через танки...

Демонстрация вступила на центральную городскую улицу Московскую. Я не называю даже примерного количества демонстрантов, потому что так и не смог услышать даже приблизительной цифры. Все едины в утверждении, что вся большая городская площадь перед горкомом партии, большая часть улицы Московской, часть проспекта Подтелкова были полны

народа. На площади возле памятника Ленину стоял танк. Его облепили демонстранты, детвора. Танк полностью ослепили. Видно это вывело из терпения танкистов. Танк грохнул холодным выстрелом. Стекла в ближайших домах высыпались.

Перед горкомом партии бурлила масса демонстрантов. В горкоме полно было солдат. Через двери демонстранты переругивались с солдатами. Один кавказец не выдержал, прикладом автомата выбил стекло в двери и через образовавшийся проем ударил прикладом женщину. Под напором возмущенных демонстрантов двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей разматала своим движением солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. По рассказам некоторых, его там избили. Это единственный известный случай, когда был избит представитель вооруженных сил, оккупировавших город. Горком был полностью захвачен демонстрантами...

Начался митинг. На митинге выступила Е.П. Левченко. Она сообщила, что ночью и утром производились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. Но навряд ли она могла знать, что многих арестованных уже не было в городе. Все настойчивей звучали требования освобождения арестованных. Часть митинговавших направилась к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат кавказских национальностей. Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты. В это время один из солдат замахнулся автоматом на рабочего в синем комбинезоне. Рабочий схватился за автоматный рожок. Автомат в руках рабочего был не более, чем дубиной. Но и ею он не воспользовался. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. Навряд ли хоть одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. А в здании горотдела была паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытый от пуль. Влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры, кагебешники пользовались случаем и захлопывали двери камер с демонстрантами, закрывая их на засовы.

Один из позже осужденных участников этих событий, раненный срикошетившей пулей в лопатку, в лагере рассказывал, что их заставляли складировать трупы погибших в подвале рядом находящегося госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали. Кто знает, быть может среди них были и такие, которых можно было спасти.

Несколько свидетелей рассказывал, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать эту команду своим солдатам и перед строем застрелился. Но кинжальный огонь все-таки был открыт. Вначале вверх, по деревьям, по детворе. Посыпались убитые, раненные, перепуганные. Партия, государство, армия так искореняли крамолу. Партия так утверждала единство партии и народа. Затем огонь был перенесен на массу. Это не огонь одиночными выстрелами из трехлинейки, это огонь из скорострельных автоматов. Рассказывали. Бежит пожилой мужчина мимо бетонной цветочной вазы на тумбе. Пуля попала в голову, его мозги моментально разляпались по вазе. Мать в магазине носит грудного убитого ребенка. Убита парикмахерша на рабочем месте. Лежит девчушка в луже крови. Ошалелый майор астал в эту лужу. Ему говорят: "Смотри, сволочь, где ты стоишь!" Майор здесь же пускает пулю себе в голову. Многие рассказывали.

Подгоняли грузовые бортовые машины, автобусы. Туда, туда спешили вбрасывать, впахивать трупы жертв. Ни одного погибшего не отдали для захоронения близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они делись. Кровь смывали пожарными машинами. Но еще долго на мостовой оставались бурые следы.

Рабочие, казненные за участие в новочеркасских событиях.

СОТНИКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, род. 1937, рабочий.
 ЗАЙЦЕВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ, род. 1927, рабочий.
 ШУБАЕВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ, род. 1937, рабочий.
 КУЗНЕЦОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, род. 1930, рабочий.
 МОКРОУСОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ, род. 1923, рабочий.
 ЧЕРЕПАНОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, род. 1933, рабочий.
 КОРКАЧ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ, род. 1927, рабочий.

Мне не раз приходилось слышать о расстреле. Рассказывали. Открыт огонь. Масса в ужасе бежит. Огонь прекращается. Масса останавливается, медленно наползая, возвращается. Опять огонь. Все повторяется. До сих пор неизвестно, сколько погибших, калек, раненных.

Нет, волнения этим не были подавлены. Площадь продолжала бурлить... Пришло сообщение, что в городе члены политбюро и правительства. Среди них А.И. Микоян, Ф.Р. Козлов... Микоян потребовал, чтобы с площади выпустили танки, обещая после этого выступить. Демонстранты ответили четко: "Нет! Пусть смотрят на дело рук своих!" ... Микоян выступил по городскому радио. В газетах, даже городской, о событиях ни слова. Объявили комендантский час. Стали поговаривать о возможной высылке всех жителей города. Начались аресты. Ночью были случаи, когда в солдат бросали из-за углов камни.

3-го июня в воскресенье волнения стали утихать. Микоян с Козловым после ходили по цехам электровозостроительного завода. Снабжение города продуктами питания улучшилось. Увеличилось строительство жилья. Расценки не были восстановлены. Но на этом трагедия не завершилась. Наступил период судебных расправ.

Наиболее демонстративно жестоким был судебный процесс над 14-ю участниками забастовки и демонстрации в воинском гарнизоне ККУКС. 7 человек из 14 Верховным Судом РСФСР под председательством Л.Н. Смирнова с участием прокурора А.А. Круглова были приговорены к расстрелу. Они обвинялись в бандитизме по ст. 77 и массовых беспорядках по ст. 79 УК РСФСР.

Уже в тюремных камерах, после всех судебных процессов, мы пытались подсчитать число осужденных. Перечисляли пофамильно. Получалось не менее 105 человек. На сроки суды не скупились, наиболее частыми были от 10 до 15 лет лишения свободы...

В сентябре 1962 г. в зале Ленинского районного народного суда города Ростова-на-Дону под председательством члена судебной коллегии ростовского областного суда Н.А. Ярославского с участием прокурора А.Н. Брижан состоялся суд над семьёю новочеркасцами, в том числе и надо мною. Суд был формально открытым. Но о его проведении в Новочеркасске никто не знал. Поэтому из Новочеркасска кроме близких подсудимых и свидетелей никого не было. Суд приговорил одного к семи годам, троих к десяти годам и троих, в том числе меня, к двенадцати годам лишения свободы каждого. Вскоре после суда я был вновь отправлен в новочеркасскую тюрьму. На этот раз встретился со многими знакомыми...

После ухода Хрущева с политической арены, в январе 1965 года в концлагерь приехали кагэбешники для зондирования настроения новочеркасцев. Для всех вскоре стала очевидной большая их информированность о нашей концлагерной жизни...

Вскоре начали пересматривать в Москве дела новочеркасцев. Одному из последних снизили срок и мне до 6 лет. Новочеркасцев начали освобождать с весны 1965 года. А мне освобождение и "не светило". Мучорно, тяжело было. Моя мать, прошедшая все адские круги сталинизма, осужденная в 1943 году по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР, отбывшая приговор "на всю катушку", оставалась стойкой женщиной. Она была надежным почтальоном у заключенных. Связь с ней была налажена надежно. Я не помню ни одного срыва связи, провала почты. Она подкупила всех, кого только было можно. Именно благодаря подкупам, она добилась положительной характеристики и освобождения мне в июле 1966 года...

Новочеркассск

Петр Петрович Снудой родился в 1937 году.

В 1938 году умер в тюрьме от пыток его отец, член социал-демократического революционного движения с 1912 года. С 1943 по 1950 (мать отбывала срок и загре) воспитывался в детском доме. Закончил горнотрубопромышленную школу, работал в шахте, на стройке в Казахстане, служил в армии, потом заочно учился в техникуме и работал на новочеркасском электровозостроительном заводе. В 1962 году принял участие в забастовке рабочих на заводе. Был осужден к 12 годам лишения свободы "за активное участие в массовых беспорядках". Освобожден досрочно в 1966 году. После освобождения стал заниматься политической деятельностью: писал письма, протесты в "Правду", "Литературную газету". Открыто осудил ввод советских войск в Афганистан. Добился полной реабилитации своего отца. Неоднократно подвергался преследованиям и провокациям со стороны КГБ. Последние годы активно занимался исследованием обстоятельств новочеркасской трагедии. Убит при невыясненных обстоятельствах в 1991 году. За несколько дней до гибели написал свидетельство, которое знало место захоронения расстрелянных при подавлении забастовки новочеркасцев.

Материал предоставлен идной Петра Петровича Э. Снудой.

Петр Петрович Снудой. Снимок сделан за неделю до убийства, 1990 г.

Василий ХАНЕВИЧ

КРЕПКИЙ ХОЗЯИН

В томском селе Белосток еще при вольной "единоличной" жизни Иосиф Августович Грик был в числе крепких хозяев. Приехав в Сибирь одиннадцатилетним парнишкой вместе с отцом из-под Гродно, он наравне со взрослыми хозяйствовал в налаживании семейного хозяйства. Корчевал, пахал, сеял... Пришло время - женился, отделившись от отца, завел свое хозяйство. Собственными руками построил двухэтажный дом-пятистенки. Постепенно, благодаря многолетнему труду от зари до зари, жизнь входила в нормальное русло. Надежной опорой в старости общались с семеро сыновей и дочь.

Однако беспокойно было на душе у Иосифа: власти со всех сторон давили налогами, кое-кто из сельских активистов пытался свести личные счеты, подступала коллективизация... В один из вечеров стоявший у него на квартире председатель сельсовета "по-дружески" посоветовал Иосифу из села уехать, иначе обещал раскулачить и сослать "куда Макар телят не гонял". Ничего не оставалось, как распродать за бесценок нажитое годами добро и уезжать. Не он один тогда покидал обжитые места...

Так в 1932 году оказался Иосиф Грик в Кожевниковском районе Запсибкрая. Поселился в небольшой польской деревушке Никифоровке и вновь принялся обихаживать землю-кормилицу, благо, что здесь она была намного плодороднее нарымской. Понемногу обжился и на новом месте. Однако власть и здесь та же: хлебопоставки, налоги, коллективизация. Налоги платил исправно, но выступать в колхоз категорически отказывался. Так и не создали колхоза в Никифоровке вплоть до 38 года, а после началась уже другая кампания...

20 января 1938 года за всеми мужиками-поляками приехали сотрудники НКВД. Зашли они и в дом Иосифа Грика, но не застали его. Почти полтопта он скрывался, но в конце концов был выслежен и арестован председателем сельсовета. О дальнейшей судьбе Грика удалось узнать из материалов его архивно-следственного дела, хранящегося в томском КГБ. Об обстоятельствах своего ареста Иосиф Августович писал в жалобе на имя председателя Верховного суда РСФСР в мае 1940 года из мест заключения: "5 июля 1938 года меня арестовал председатель Осинковского сельсовета Кожевниковского района и направил в районное КПЗ, где я пробыл 2 дня. Затем меня направили в томскую тюрьму, где я просидел 6 дней. Там меня вызывали для подписи моего материала, но я просил зачитать мой материал и мое обвинение, но мне его не зачитали и принудительным путем заставили подписаться. И я был вынужден подписаться. После моей подписи меня обратно посадили в тюрьму, где я просидел 7 месяцев до 6 февраля 1939 года. Затем меня направили в этап, а перед этапом зачитали, что я приговорен к 8 годам лишения свободы..." По своему суждению я приговорен к лишению свободы как национал, так как мои родители проживали в Польше..."

В чем же обвинялся И. А. Грик и кто "состряпал" его дело? Справку на его арест составил лейтенант госбезопасно-

сти Романов, временно исполнявший обязанности начальника Томского горотдела НКВД, утвердил ее начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности Мальцев, постановление о предъявлении обвинения составил младший лейтенант госбезопасности Горбенко, а всю черновую работу по делу (ведение допросов, сочинение обвинительного заключения) провел оперуполномоченный сержант госбезопасности Иванов. Протоколов допросов в "деле" всего 2: от 6 июля, где записаны анкетные данные, и от 16 июля, где написано, что Грик сознался, что состоял членом шпионско-диверсионной националистической группы, которая является одной из резидентур общей шпионской организации на территории Западной Сибири.

В руководители названной "шпионской группы" (к лету 1939 года почти никого из поляков-мужчин на свободе уже не осталось) следователь НКВД "определил" Адама Згурского, поляка, 1891 года рождения, слесаря гаража Кожевниковского райпотребсоюза, сосланного в 1933 году на 5 лет в Сибирь из Минска. Однако еще раньше "признательных" допросов, проведенных сержантом Ивановым, его начальник Горбенко в постановлении о предъявлении обвинения записал, что он, "...рассмотрев материал (какой? - В.Х.) по делу Грика и приняв во внимание, что гражданин Грик, уроженец Польши, нелегально перешел границу..." (уж не в детском ли возрасте в начале века при переезде в Сибирь? - В.Х.). Далее в этом документе говорится, что "Кожевниковское РО НКВД располагает данными о том, что Грик и Згурский распространяют к-р измышления о скором приближении войны фашистских государств против СССР и неизбежной гибели Советской власти. Клевещут на руководителей партии и правительства, проводят к-р агитацию среди колхозников за выход из колхоза, имеют переписку с родственниками, живущими за границей и восхваляя жизнь в фашистских капиталистических странах..." За все вышеперечисленное получили Грик и Згурский приговором "тройки" УНКВД от 19 декабря (приказ N 1901) по 8 лет лагерей по целому "букету" 58-й статьи УК РСФСР: 58-А-6-9-10-11.

Написав в 1940 году из Севураллага НКВД жалобу по инстанции, Иосиф Грик просил разобраться с его делом и пересмотреть приговор. Вина в нем он себя не признавал. Жалоба дошла до высоких инстанций и была назначена дополнительная проверка по его делу. 13 февраля и 19 марта 1941 года были допрошены бывшие односельчанки Грика: Мальвина Лекаревич и Елена Гавицкая. Обе они, несмотря на страх (у самих мужья были арестованы органами НКВД), охарактеризовали Иосифа Грика как хорошего односельчанина и законопослушного гражданина, всегда в срок выполнявшего все денежные и натуральные платежи государству. Сказали они и о том, что никаких контрреволюционных высказываний от него не слышали. Однако их показания к делу приобщены не были, других "следственных мероприятий" не проводилось, и

никакого решения по делу Грика тогда принято не было.

Как известно, каждый день в лагере для зека мог стать последним днем жизни. Между тем дни шли за днями, один год отсидки сменял другой, и конца им не было видно. Как потом рассказывал Иосиф односельчанам, в лагере он занимался тем, что плел лапти для зеков. Полностью лишился зубов и совсем не думал, что останется жив...

На его счастье, 5 февраля 1943 года он был комиссован и досрочно освобожден. Согласно директиве комиссариата юстиции и прокурора СССР от 23 ноября 1942 года за N 467 лагерному начальству разрешалось досрочно освобождать безнадежных доходяг - умирайте дома, Грику "повезло", а вот его однодедеч Згурский, не выдержав тягот лагерной жизни, умер 15 января 1945 года.

А заявление, написанное Гриком еще в 1940-м с просьбой о пересмотре дела неспешно продолжало свое движение в потоке канцелярской волокиты. 13 сентября 1945 года жалоба Грика попала к следователю управления МГБ по Томской области Бабиковой. Та же, воспитанная в лучших традициях славных чекистов 30-х годов, рассмотрев жалобу и архивно-следственное дело под N 796384 по обвинению Грика и Згурского, нашла, что осуждены они абсолютно правильно, в совершенных преступлениях сознались, "...изобличались показаниями двух человек, а также, принимая во внимание, что Грик из лагеря освобожден в связи с тяжелым заболеванием", постановила ходатайство Грика о пересмотре дела оставить без удовлетворения. Одним словом, по-прежнему Иосиф Грик оставался врагом народа, лишенным всех прав и средств к существованию. Следователю Бабиковой, естественно, на это было наплевать.

Я непременно спросил бы ее об этом, если бы знал, что именно она приложила руку к судьбе моего односельчанина. Дело в том, что почти 8 лет, вплоть до 1985 года, мы с ней вместе работали на кафедрах общественных наук Томского инженерно-строительного института. В то время доцент кафедры Истории КПСС Елизавета Николаевна Бабикова была в институте человеком известным и уважаемым: старый опытный педагог, наставник молодежи, ветеран партии... Только в 1989 году из воспоминаний бывшего следователя КГБ А. И. Справовского и бывшего заключенного ГУЛАГа Алексея Кропачкина стало известно, что Е. Н. Бабикова после войны лично принимала участие в фальсификации уголовных дел "контриков". Как она допрашивала подсудимых, я не знаю, но, может быть, так же, как много лет спустя принимала экзамены у студентов-первокурсников. Своими глазами видел эту картину: сидит уважаемая доцент Бабикова за столом в аудитории с папиросой "Беломора" в зубах и рассеяно слушает молоденькую первокурсницу, которая, задыхаясь от едкого дыма и не смея protestоваться, лепечет что-то о "руководящей и направляющей роли"... Вот уж верно говорят, что привычка - вторая натура. Однако, Бог с ней, Бабиковой, не о ней сейчас речь.

Вернемся к судьбе Иосифа Грика. Нет, дома, как рассчитывали тюремщики, он не умер. Крестьянская выносливость и более-менее сносная пища позволили ему восстановить здоровье. После освобождения из лагеря он вернулся в места своей молодости: сначала жил в Кривошеино, а чуть позже перебрался в Белосток, где прошла большая часть жизни, где были похоронены родители. Ментал вновь сел на ноги, стал выращивать свинью, овец, корову. И даже когда парализовало жену Степаниду, не отказался от вековой мечты крестьянина о крепком хозяйстве.

Жил в селе тихо и незаметно, стараясь ничем не напоминать "органам", что еще жив - как бы не отправили до-

сживать срок. Только в 1959 году решился и написал заявление в областное управление КГБ с просьбой выслать справку о его "непричастности к какому-либо преступлению", отметив, что справка необходима для восстановления стажа работы. Более семи месяцев ждал ответа, не дождался, и 28 ноября 1959 года снова написал заявление, но уже на имя прокурора области. На этот раз заявлению был дан ход. После детального изучения его уголовного дела и дополнительной проверки определением Военного Трибунала Сибирского Военного Округа от 26 января 1960 года постановление "тройки" УНКВД от 19 октября 1938 года по Грику и Згур-

скому было отменено "за отсутствием события преступления".

Однако, равноправным гражданином Иосифу Августовичу долго пожить не пришлось... Однажды он попался под "горячую руку" одному из колхозных активистов и был безнаказанно избит так, что 8 марта 1961 года после кровоизлияния в мозг и парализации скончался.

Ничто в селе сегодня не напоминает о некогда крепком хозяйстве Иосифа Грика. Разве что кособор, где когда-то стоял его двухэтажный дом, старожилы по-прежнему зовут Гриковой горой...

Томск

Рената ЯКОВЕЦ

Поляки в Сибири

Далеко от Варшавы лежит славное море, имя которому - Байкал. На самом берегу его, у подножия высоких гор с белыми гольцами приютился маленький городок Слюдянка, названный так из-за слюды, которую добывали в шахтах. В семи верстах от Слюдянки по берегу - Култук, раньше деревня, а сейчас поселок. Слюдянке 90 лет, а Култуку - 300 с гаком. А километрах в ста к Монголии - большое село Тунка. Эти поселения помнят исторические события на протяжении более чем 100 лет, связывающие в крепкий узел судьбы жителей Сибири и поляков.

Из "Иркутской летописи" Н.С.Романова:

"1863 год, июнь. Начали прибывать на поселение польские повстанцы, большую частью молодежь от 17 до 25 лет. Они занялись в городе и окрестностях торговлею, ремеслами и некоторые даже хлебопашеством. Колбасное, кондитерское и некоторые другие производств обязаны своим основанием и развитием полякам.

Своими национальными симпатичными качествами: учтивостью, сдержанностью, тактом, гуманным обращением с прислугою подавали хороший пример.

...Число ссыльных поляков в Сибирь 18000 человек."

Поселок Култук в 1866 году стал историческим местом, которое трагически повлияло на судьбу ссыльных повстанцев.

Из летописи:

"26 июня в 10 часов утра Иркутский губернский воинский начальник с нарочным из деревни Култук получил рапорт прапорщика Важевса о бунте поляков, работающих на постройке Кругобайкальской дороги...

Правительство, соорудив Кругобайкальский тракт, назначило

для работы более 700 поляков, политических преступников. Работы производились на протяжении 200 верст от Култука до ст. Лихановой под руководством полковника Шаца. Рабочие были распределены партиями от 50 до 100 человек, за порядком наблюдал полковник Черняев, в его распоряжении были 5 офицеров, 138 солдат. Часть поляков решила произвести бунт и, добыв себе свободу, бежать в Монголию, большинство работающих партий согласилось с этим планом. В ночь на 25 июня поляки в числе 50-и, работавшие в 12 верстах от Култука, отняли у конвойных оружие и, захватив казенных лошадей, отправились на станцию Амурскую, где отняли у ямщиков почтовых лошадей, оружие, какое у них было, направились на станцию Мурино, предварительную испортив телеграфное сообщение на Иркутск."

К политическим трудностям надо добавить и трудности природного характера: огромные незаселенные расстояния пустынной местности, трудно, почти непроходимый горно-таежный ландшафт. Иркутские власти бросили против этих семисот взбунтовавшихся невольников, в большинстве своем вооруженных косами и самодельными пиками, многочисленные воинские и казачьи отряды, как вдогонку, так и наперерез - морем. Восстание было подавлено.

Из летописи:

"По 15 июня в Иркутскую тюрьму доставлено 485 поляков, раненых и больных 25, 170 бежали в лес, 30 человек убиты в перестрелках...

Признанные главными виновниками бунта: Целинский, Шарамович, Рейнер, Катковский, Арцимович, Илизиевич и Вранский были приговорены судом к смертной казни через расстреляние; 60 человек осуждены на ка-

торжные работы на 12 лет; 95 человек освобождены от наказания, остальные приговорены на поселение в разные отдаленные места Сибири.

Позднее Арцимовичу, Илизиевичу и Вронскому приговор был изменен: они были сосланы на каторжные работы, первые два - бессрочно, а Вронский - на 12 лет.

Из летописи:

"15 ноября утром совершена казнь поляков Нарцисса Целинского, Густава Шарамовича, Якова Рейнера и Владислава Катковского через расстрел, исполнена за Якутской заставой на площади при огромном стечении народа. Расстреляны они были один за другим. Шарамович, когда он слез с "позорной колесницы", к нему подошел ксендз Шверницкий, когда-то ссыльный по заговору Конарского (1838 год), он был бледен и руки его дрожали. Шарамович, заметив это, сказал: "Отче, вместо того, чтобы нас подкрепить Божим словом и придать нам мужества в последние минуты, ты сам упал духом и требуешь поддержки. Рука твоя, которая должна благословить нас к отходу в жизнь вечную, дрожит! Успокойся и молись не за нас, а за будущее Польши! Нам все равно, где бы мы ни погибли за свое отечество - у себя ли дома, или в изгнании, мысль, которая всегда была нашей путеводной звездой, не умрет и после нас. Вот что нас подкрепляет и утешает!" Сказав это, Шарамович обнялся с остальными товарищами... В минуты, как стали надвигать на него смертную рубашку, он снял с головы шапку, бросил ее вверх и воскликнул: "Jeszcze Polska nie zginela!" Вскоре за тем раздался роковой залп..."

Уже говорилось о влиянии польских ссыльных поселенцев на развитие земледелия, переработ-

ки сырья, торговли. Из их среды вышла целая плеяда известных всему миру ученых. К их числу относятся геолог Александр Чекин-овский; Бенедикт Дыбовский и Виктор Годлевский, положившие основание изучению ихтиофауны и орнитофауны Байкала, исследователи побережья Байкала Ян Черский.

Превосходные национальные черты характера не исчезли вместе с первым поколением польских ссыльных поселенцев. Первое поколение обосновалось в Сибири и на Байкале, впитав в себя приспособленность аборигенов к местным природным условиям и привнес свои собственные качества. Поляки органично вошли в этнический состав региона. Их второе поколение было уже местным, но не утратившим лучших национальных качеств.

Второе поколение поляков было свободным. В 1900-е годы помимо местных поляков на Байкал приезжают и западные поляки, привлеченные в Сибирь большими возможностями для предпринимателей, для специалистов в связи с завершением строительства транссибирского великого железнодорожного пути. Узловая станция, паровозное и вагонное депо Слюдянка строились быстрыми темпами, привлекая технически грамотных, образованных, знающих людей. Поляки оказывались такими людьми. Они становились машинистами, инженерами, слесарями, путейцами... На станции железной дороги переселяются семьи из Туники, того самого отдаленного места, куда выселяли поляков после подавления восстания в Култуке.

В Слюдянке поляки живут как бы общиной, строят католический костел из могучих стволов

вековых лиственниц. В костеле проводит службы польский ксендз. Даже на самом первом слюдянском кладбище польские могилы лежали особо, возвышаясь каменными надгробными. Теперь этого кладбища нет, оно снесено при постройке дома культуры. В костеле службы прекратились еще раньше, чем в православной церкви. В нем долгое время размещался детский сад, потом он был разобран и материал продан частному лицу как дрова. Конечно, слюдянский костел выглядел скромнее, чем иркутский каменный костел с его величественной готикой, но он был вехой истории байкальских поляков.

К более поздним поколениям польских ученых, работавших на Байкале, относятся Борис Сварчевский и Виталий Дорогостайский. Дорогостайский вырос в Тулуне, учился в Иркутске, а затем в Москве. В 1916 году при Российской Академии наук была создана комиссия по изучению Байкала, ее членом стал молодой ученый, работавший тогда в Московском университете, Виталий Дорогостайский. Его отец был ссыльный полковник-кавалерист, участник восстания в Польше в 1863 году, а мать Мария Черных - дочь иркутского чиновника. На средства, отпущенные иркутским купцом Второвым, а также собранные жителями Иркутска, Дорогостайский построил судно "Пайка", на котором вел исследовательские работы на Байкале. Исследовательская станция Дорогостайского располагалась неподалеку от Слюдянки, на ст. Маритуй. В 1937 году Дорогостайский по доносу был арестован и расстрелян как "враг народа".

А. П. Каминский был участником польского восстания и за это сослан в Сибирь. После отбытия каторги поселился как неблагонадежный в деревне Чама Братско-Острожской волости. Богатый заводчик Готов назначил Александра Протоновича Каминского сначала экспедитором своих грузов, а потом капитаном судна "Пермяк".

Молодая крестьянка Евдокия Прокопьевна Огородникова стала женой ссыльного Александра Каминского. Их сын Александр закончил Братскую церковно-приходскую школу. Он перенял от родителей самое хорошее: доброту души и ясный ум. Саша поступил в иркутское военно-фельдшерское училище, но его увлек мир музыки. Он стал не только играть, но и сочинять музыку. Многочисленные потомки Каминского живут в Иркутске и по области. Все они стали врачами, учителями, инженерами.

Но вернемся в Слюдянку. Владислав Михайлович Калусовский жил и учился в Могилеве. Его родители были обедневшие поль-

ские дворяне, и поэтому он сам пробивал себе дорогу в жизни. Он окончил школу машинистов и получил диплом 1-го класса. В Могилеве он женился на французке Ванде Жеромовне Паксе. Калусовский получил назначение в Иркутскую губернию и молодая жена отправилась в далекий сибирский край. С открытием Кругобайкальской железной дороги они поселились в Слюдянке, где отец Ванды купил им дом. В семье родилось шестеро детей, младшим был сын. Нарекли его Георгием.

Болеслав Теофилович Яблонский был сапожником экстра-класса, он шил модельную дамскую обувь. Его "за беспорядки" выслали из Варшавы и заключили в Александровский централ. В заключении он встретил Флоренцию Аркадьевну Ибри, молодую бунтовщицу, дочь англичанина, владельца хлопчатой фабрики в Петербурге, сосланную за распространение недовольства листовками. Они поженились, и им позволили поселиться в Слюдянке, где они приобрели небольшой домик. В 1910 году у них родился сын Станислав, который, когда вырос, стал дамским парикмахером.

Разными путями попадали поляки в Слюдянку, и разными они были людьми по своим убеждениям. У некоторых из них приход большевиков к власти вызвал революционный подъем, другие отнеслись к этому прохладно. Михаил Антонович Сороговичский был одним из организаторов Советской власти в Слюдянке и входил в состав штаба красногвардейского отряда. Сюда же входил и Петр Оржельский. Но машинисты Паржицкий, Шкицкий, Вержембский продолжали водить поезда по старому расписанию.

...Страна была охвачена чудовищным соревнованием: где, в каком краю выявят и поставят к стенке больше всего "врагов народа", троцкистов, шпионов, диверсантов и т.д. Каждая область, в том числе Прибайкалье, боялась отстать в этом состязании.

В первую очередь арестовывали людей некоренной национальности. Поляков истребляют семьями. Их арестовывают с самого начала 1937 года. Арестовывают отца и сыновей Левичких, отца и сыновей Вержембских, отца и сыновей Мильчицких, Станислава Яблонского, его жену и брата жены, Калусовского и его тестя, Козловских, Паржицкого, Плотницкого, Бугасовского, Андруханова, Граба, Максимовича, Лопато и других. Никто не знает, за что их арестовали, и каждый боится, что его арестуют. Люди боятся вечером уходить из дома: а вдруг за мной придут, и меня нет?!

Георгий Калусовский.

Польский костел в Слюдянке.

Владислав Калусовский работал десятником в Слюдянском рудоуправлении. Когда начались аресты, ему кто-то посоветовал уйти из рудоуправления, и он перешел работать на станцию. Но это его не спасло. Калусовского арестовали ночью, при этом произвели тщательный обыск, перелистав, по словам жены, все книги в их домашней библиотеке. Калусовского увели, попутно прихватив золотые серьги, кольца, кресты и альбом в серебряном окладе. Арест этот сильно смахивал на ночной грабёж. Чуть позже арестовали и Валентина Плотницкого. Семью арестованных выслали из Слюдянки, отобрав у них имущество. Были выселены Плотницкие, Козловские, Бугаевские...

Арестованных увозили в Иркутскую следственную тюрьму. Там их размещали по камерам и начиналось "следствие". Сейчас дополнительно известно, что вины за ними не было никакой, что, спасая свои шкуры, следователи вели фальшивые дела. Они всюю применяли незаконные методы дознания: избиения, пытки, оскорбления. Людей были самыми разными способами: палками, ножками от стула, кулаками, мешками с песком, выбивали зубы, отбивали внутренности. Подследственных заставляли по несколько суток стоять лицом к стене, не давая спать и даже шевелиться. Ноги от этой пытки распухали так, что сапоги или валенки приходилось разрезать. Измученные узники подписывали любые "показания", которые им подсовывали после пыток. Запуганные люди, у которых брали подписку о неразглашении, молчали всю жизнь. Иван Павлович Левницкий рассказал обо всем, что

пережил, будучи под арестом, только два года назад.

Людей заставляли клеветать на себя и своих знакомых, "выдавать" целые списки несуществующих контрреволюционных, шпионских и троцкистских организаций. После таких допросов шла новая волна арестов. Мест в тюрьмах не хватало, расстреляли каждую ночь. Заседавшие "тройки" наугад выносили приговоры: два-три человека - к 10 годам, восемь-десять человек - расстрелять...

Расстреливали в подвале и во дворе тюрьмы, при этом заводили трактор, чтобы заглушить выстрелы и крики. Команда из 15 человек еле управлялась с уборкой трупов, их грузили на грузовые машины и увозили за город, неизвестно куда. Только три года назад, после долгих поисков, иркутский "Мемориал" нашел это место расстрелов 1937-38 годов - в селе Ливовариха под Иркутском. В те годы там была огороженная и строго охраняемая запретная зона, где зимой производились взрывные работы - готовили ямы для сброса трупов, потом зарывали. Ныне там произведено перезахоронение и устроено мемориальное кладбище жертв репрессий. Все расстрелянные поляки, за исключением тех, кто действительно получил 10 лет, захоронены на этом кладбище.

В тюрьме томились многие тысячи людей, к ним приезжали матери, жены, сестры, привозили продукты и одежду и стояли в огромной очереди, ожидая возможности это передать. А тюрьма принимала только 250 передач в день. И женщины были вынуждены ночевать прямо на улице, чтобы передать хотя бы на следующий день. Ночью они сильно ме-

шали тюремщикам, которым надо было вывозить трупы без свидетелей. Женщин прогоняли от тюрьмы, они уходили на другую улицу и ждали там. И они видели эти ночные вывозы трупов. Об этом рассказала Вера Ефимовна Брянская, ездившая тогда в Иркутск с передачами.

Жена Калусовского, потеряв мужа и отца, жила с двумя детьми на грани нищеты. Жена Яблонского восемь лет провела за колючей проволокой в Казахстане как ЧСИР. А мужья их были сразу же расстреляны.

В 1956 году началась реабилитация тех, кого ложно обвинили и уничтожили. Советское правительство, даже реабилитируя свои жертвы, обходиться без лжи не могло. Родственникам репрессированных выдавали свидетельства о смерти, но дата и причина смерти ставились фальшивые. Писали любой год - от 1937 до 1947, ставили любой диагноз - инфаркт, цирроз печени, пневмония, рак... - что угодно, только не расстрел.

И в Слюдянке, и в Иркутске живут потомки репрессированных поляков. В Иркутске живет Евгения Георгиевна Заморонова - дочь Георгия Калусовского, а его внучка поразительно похожа на своего деда. Год назад умерла жена Станислава Яблонского Елизавета Ивановна Никитина, а его дочь Ася живет в Читинской области. Живет в Слюдянке Петр Дмитриевич Дахневич. В Великую Отечественную он командовал дивизионом "катюш". На фронте ему оторвало ногу. Он рассказывает, что его дед был из польских повстанцев и носил фамилию Дах...

Поляков в Слюдянке много. Вспоминаются слова молодого бунтаря Шарамовича:

- *Ezszce Polska nie zginela!*

22 февраля 1992 года у слюдянского вокзала был поставлен памятник жертвам политических репрессий - большой беломраморный крест с начертанными на нем словами:

УНИЖЕННЫЕ ДА ВОЗВЫСЯТСЯ.

Торжественная и скорбная церемония открытия памятника собрала вместе родных и близких репрессированных. Слово правды, признание их невиновности, произнесенное открыто, торжественное богослужение объединяло и очищало души людей. Вряд ли кто в эту минуту разделял собравшихся на поляков, русских, евреев... Все они были жителями Прибайкалья.

Ирина ДУБРОВИНА

В КОТЛАССКОЙ ССЫЛКЕ

*Сотни
поляков,
прошедших
сибирские
лагеря и
ссылки,
объединились
в "Союз
сибиряков".*

После публикации в варшавском еженедельнике "Политика" (№ 3 от 18.01.1992) статьи Казимежа Зыберта о котласской организации "Совесть", мы стали получать письма от тех, кто "прошел Котлас" в сороковые годы. Из Варшавы, Вроцлава, Познани, Будгоща, Щецина, Камень-Поморского и других городов. Люди пишут о том, как после заключения пакта Молотова-Риббентропа их арестовали органы НКВД и отправили в товарных вагонах в глубь России, на Север.

Некоторые письма кратки, в них перечисляются имена членов семьи, подвергшихся репрессиям и содержится просьба похлопотать об архивной справке, подтверждающей их пребывание в Архангельской, Кировской, Вологодской областях, в Сибири и Республике Коми с 1940 года. Другие, письма-исповеди, описывают картины жизни и страдания этих людей за тысячи километров от Родины.

Мария З., Варшава.

30 июня, в день нашего бракосочетания в нашу квартиру во Львове ночью ворвались чекисты и повели нас в отделение милиции. Удостоверив личности, записав дополнительные данные, грузовыми автомобилями отвезли всех собранных там на железнодорожную станцию и погрузили в товарные вагоны. Около трех недель этот поезд скитался по СССР и, наконец, прибыл в Котлас. Нас определили в Лимендский леспромхоз, участок Северный Калчуг Котласского района, где комендантом был чекист Долгополов. Работали лесорубами в очень тяжелых условиях. В августе 1941 года мой муж заболел клещевым энцефалитом. У него отнялись ноги и руки. Состояние мужа было очень тяжелым, а лекарств не было никаких. В это время объявили об освобождении всех польских подданных на основании договора генерала Сикорского и Сталина. Когда все приготовились к отъезду, мы оказались в безвыходном положении: муж лежит без движения, а я - беременна. Мне удалось найти подводу, перевезти мужа в Котлас и поместить в госпиталь. Условия в то время там были страшные. Наш путь домой лежал через город Ле-

нинск возле Сталинграда, где 14 марта 1942 года родился наш сын. Муж мой с 25-летнего возраста по настоящее время инвалид первой группы.

Казимеж М., Вроцлав.

Вывезли нашу семью из Тарнополя 10 февраля 1940 года. Спустя 3 недели приехали в Республику Коми. Было нас пятеро: родители, семнадцатилетний мамин брат, семилетний я и пятилетний брат. Мамин брат Владимир ушел в ссылку. Отец в 1941 году ушел на фронт и в 1944 году погиб. Мать тяжело заболела, долго лежала в больнице, мы с братом остались без присмотра, попали в детдом в поселке Опарино недалеко от Котласа. Вернулись в Польшу в марте 1946 года вместе с другими детдомовцами.

Цесилия Р., Вроцлав.

В начале июня 1941 года НКВД сослал нашу семью в Советский Союз. Нас было пятеро: мать, дед и трое детей. Привезли в Омск, поселили в цирке. Дальше этапом везли по реке Иртыш до поселка Уговой. В этом поселке мы, дети, ходили в русскую школу. После договора между генералом Сикорским и Сталиным мы смогли уехать в Свердловск, Челябинск и, наконец, в Туринск. Там жили некоторое время. Не помню, как звали женщину, у которой мы жили, но знаю, что ее муж был заключенным, и она, чтобы не голодать, ходила с коляской на вокзал, подвозила вещи пассажирам. Дом у нее был маленький, мы жили в комнате, а она с дочерьми Валей и Тамарой - в кухне. Дом был на окраине горда. На этой же улице жили еще Осевские - Анна, Зигфрид, Ришард и пани Сулевска. После мы добрались до Узбекистана. Из Ферганы польские семьи транспортом уезжали в Иран. Мы не уехали, так как мама и брат заболели тифом, и их положили в больницу, а меня и сестру забрали в детский дом. Там и я заболела тифом. Госпиталь, недоедание, неизвестность... Из Узбекистана поездом в Красноводец. Из Красноводска кораблем через Каспийское море приплыли в Пахлеви (Иран). Слышала, что на дороге в Красноводец была большая катастрофа, погибло много людей, в том числе много польских детей.

Здислав Т., Познань.

Нас НКВД депортировал в СССР 20 июня 1941 года из местности Заремба Котельне в 100 километрах от Варшавы, около раздельной линии по договору Молотова-Риббентропа. Железнодорожной, под штыками красноармейцев, в товарных вагонах привезли нас в город Котлас в начале августа 1941 года. Отсюда баржами развозили по разным местам. Нас выгрузили в местность Собин. Моя семья - мать и трое детей: Марьян, 11-ти лет, трехлетний Мирослав, и я, Здислав, шести лет. Помню большие снега, большие морозы. Река Вычегда для меня была "великой водой". Помню речные пароходы, деревянные дороги в тайге, длинные деревянные бараки. Помню умерших от холода и голода людей. Помню, как мы плакали над мамой, привезенной из леса без сознания. Ее придавило деревом. Мать работала лесорубом, она была сильной, здоровой женщиной. Тогда она не имела даже куса хлеба, чтобы дать старшему сыну в дорогу, когда он ходил за 40

километров в другой поселок за пайком соли.

Казимеж З., Варшава.

Мне было 15 лет. В июне 1940 года отца и нас с братом Ильей и сестрой Ириной в группе из 300-400 человек привезли как "спецпоселенцев" в Котласский район, поселок Ягодное, Лимендский леспромхоз. Там мы жили, работали, страдали и ждали освобождения. Привезли нас из Львова, где схватили как беженцев из под гитлеровской оккупации (из той, "Варшавской" части Польши). Мать осталась в Варшаве и погибла во время войны. С мая 1941 года мы работали в поселках Ягодное и Северный Калчуг на лесоповале. Командовали в поселках коменданты. В Ягодном - Григорий Махин, в Северном Калчуге - Долгополов. Хорошо помню Махина: невысокий, круглолицый, всегда в форме. Очень тяжело было, когда он говорил, что мы здесь навсегда. Мой отец, как знающий русский язык (окончил русскую школу), писал повсюду жалобы, обращался к властям. Из-за этого нашу семью придержали, долго не давали освободительных бумаг. В 1946 году в Узбекистане, в Фергане я, наконец, дождался разрешения вернуться на родину. Отец погиб в ташкентской тюрьме, сестра скончалась вскоре после возвращения в Польшу.

Мария Бубилова, г. Коряжма, Котласский район.

В поселке Ягодном наша семья поселилась в 1938 году. Отец мой Дмитрий Желобов работал мастером леса в Лимендском леспромхозе с 1934 года. Хорошо помню, как в июле 1940 года в Ягодное привезли польских ссыльных. Большинство было с семьями. Разместили их в двух поселках - Северный Калчуг и Ягодное. В основном это были грамотные люди, многие имели высшее образование и даже ученые степени. Поселили их в деревянных бараках. До польских ссыльных на лесозаготовках работали уголовники, которых к приезду поляков перевели в другой район. Ссыльные от непосильного труда, плохого питания и скученности в жилых бараках часто болели. Были и случаи смерти, особенно часто среди детей. Их хоронили на кладбище рядом с поселком. Хорошо помню инженера Фриде, он был из польских евреев, умнейший человек. В Ягодном жил один, без семьи. К сожалению, от голода и истощения Фриде умер в начале 1942 года. Помню семью Кшиванских, у которых было пятеро детей, все девочки. Кшиванский работал фельдшером, а на самом деле был крупным ученым-медиком, профессором. К нему на прием шли издалека, он никому не отказывал, всем помогал, чем мог, делал даже операции.

От редакции.

Не существует сегодня поселков Ягодное и Северный Калчуг. Нет и Лимендского леспромхоза с лесопунктами-каторгами. Только тысячи безвестных могил: по всей Архангельской области напоминают о годах "неиссякаемого энтузиазма". Да еще портреты усатого Батки, до сих пор взирающие со стекол лесозавов на растоптанную им державу.

Котлас

Комендант поселка Ягодное
Григорий Махин.

Антоний ЗАМБРОВСКИЙ

ПУТЬ ДЕЗЕРТИРА

Осенью 1981 года Александр Янышев дезертировал из подразделения Советской армии в Польше. Три с половиной года (пока длилось военное положение) поляки скрывали его от смертного приговора.

ЕВА РАДЛИЦКА: "Клинка "Кот" дала Александру моя дочь Иоанна Вадовска в то время, когда прятала его у себя дома в Лесной Подкове. В доме у дочери было шесть копеек. Во время военного положения практически все телефонные разговоры прослушивались и необходим был какой-то условный язык. Так Саша Янышев и превратился в "Кота". "Кот" хорошо себя чувствует, у "Кота" совсем нет аппетита, он опять заиграл. Однажды подозрительные люди вдруг начали обходить соседние дома, расспрашивали, не появлялся ли кто-то посторонний. Иоанна передала по ценочке: срочно привезите какую-нибудь коряну и заберите, наконец, этого кота. Он слишком сильно пахнет, запачкал аж вокруг дома.

Дочкин дом стоял на отшибе, его окружал высокий дощатый забор. В смысле конспирации условия были почти идеальными: у "Кота" была отдельная комната, он свободно ходил по дому и на огород. Саша был прекрасным рисовальщиком и много занимался с моим четырехлетним пуком. В то время в Польше был в моде спортивный стиль и Саша мечтал иметь теплую куртку и лыжные ботинки. Он был просто очарован одеждой, в которой ходили моя дочка и ее муж. Это простительно, ведь нашему "Коту" было всего 20 лет. Мы купили ему теплый комбинезон и модную сумку. Дочь говорила, что он сам заработал их, потому что помогал с ремонтом и много занимался с ребенком. Саша был очень трудолюбив, все время старался быть чем-то полезным. Всегда был спокоен и мня в общении."

АНКА МАТУШКЕВИЧ: "Хенрик Вуец и Виктор Кулерски спросили, не могла бы я где-нибудь спрятать русского дезертира? Было это за несколько дней до введения военного положения. Все уже чувствовали, что дела плохи, но еще не догадывались, что в такой степени. Я подумала минутку и решила взять его к себе. Дезертира пообещали забрать от меня, как только найдут какое-нибудь надежное место. Я забрала "Кота" в свой дом в Мылаповке. Ехали поездом и всю дорогу он не отрывался, потому что не знал тогда еще польского. Приехали домой и я представила его родителям. Для них примириться с присутствием "Кота" было очень непросто. Мои родители были из Львова и очень недолюбливали советских. Дело в том, что вся семья моей мамы была вывезена из Казахстана. Все они погибли от голода: сестра с детьми, мать, шурин. Мои родители должны были себя пережить, чтобы спокойно воспринимать "Кота". Саша не был особенно интересным человеком, скорее, он был обычным, никак не аномальным. Ему казалось, что Польша - настоящий Запад. В дальнейшем он надеялся перебраться еще западнее. Кроме того, у него был какой-то конфликт с подразделением Немтои рассказывал о своей родине: окрестностях Воронежа, о каких-то местных байках - уголовниках или мафии. Но молодости он говорил о них чуть ли не с восхищением. Ведь они не боялись ни "секретаря", ни милиции - такие независимые, свободные. Мальчишество, конечно.

Интересна была его реакция на военное положение. Мама хотела исключить воск-

ресную массу и включила в 9 утра радио-приемник. В это время выступил генерал Ярузельский. Она разбудила нас и сказала, что объявлено военное положение, и что деятелей "Солидарности" интернировали. "Кит" поблелел и сказал, что если его сейчас поймают в Польше, то, пожалуй, убьют.

Мой дядюшка уже сидел. Риманевские и Кулерские скрывались. Я работала в районном управлении "Солидарности", поэтому приходилось мириться с мыслями, что едешь на день за мной придут. Когда они действительно пришли, чтобы меня интернировать, "Кота" уже не было: я передала его подруге в первую неделю военного положения. Поэтому во время обыска я была абсолютно спокойна. ГВ-ники в своей обычной манере запугивали меня десятилетиями заключением, говорили, что им не хватает ерундовых улыбок. Они не понимали, почему я все время над ними смеялась.

"Кота" спрятали у Марыси Осецкой на очень достойной патристической семье из Кресона. У Марыси было двое маленьких детей, но она не боялась взять Сашу к себе. Мы все боялись за Марысину семью. Поэтому, сразу после получения мильицейской повестки я пошла в участок - боялась повредить Марысе. Если бы я скрылась, скорее всего вышли бы и на нее. Мы, конечно, довольно тряслись, потому что попадали "Кот" в лапы ГВ-шников, под угрозой оказались бы люди, которые ему помогали. Один ксенда достал ему польское удостоверение личности, но "Кот" настолько плавно ориентировался в конспирации, что долго не мог выучить своего нового полускритичного имени и фамилии. Пришлось моей маме взяться за дело: отплате и доме изучало только имя Лешек, Сашу должны были напроцупь забыть.

Я не заметила, что "Кот" забрал у меня свои последние фотографии. К счастью, мама прибрала кинематографические снимки из ГВ, и нашла эти снимки, на которых "Кот" красовался в военном мундире и какой-то особенной фуражке. Успели уничтожить эти фото до обыска. Чекисты очень внимательно рассматривали при обыске все бумаги, например, долго домали голову над записью шахматной партии - уж не шифровка ли это? Накануне ареста я металась как сумасшедшая - куда бы передать "Кота" от Марыси? Ведь ее сыновьям было пять и семь лет, они могли в любую минуту проболтаться, что в доме живет такой чудной дядя. Прежде всего я искала контактов с церковью. Мне казалось, что самое безопасное место для "Кота" - монастырь. Ксенда Каминский, связанный с КОС-КОР был представителем этой организации при нашем приходе. Пошла к нему и рассказала обо всем. Через несколько дней Каминский ответил, что он старател для поисков нелегальных квартир. Тогда я попробовала использовать свои хорошие отношения со служителями костела, который стоял в Ожарове. Приехала туда, и местный ксенда начал читать мне лекцию, что беда, смаливаясь на Польшу, организациям евреям - Куроням, Михликом и Силимским. Куроня и Михлика я еще как-то могла поддержать, но спекуляция именем умершего пять лет назад Антония Слонимского окончательно меня доконала. Я хлопнула дверью и ушла. Искать конспиративную квартиру для "Кота" были чрезвычайно трудно, мы очень опасались провокаторов.

К счастью, в день моего ареста вернулся из санатория Рыськ Шадковский. Мои родители знали, что он связан с "Солидарностью" и попросили у него помощи. Странно, но вся эта история не повлияла на отношения моих родителей к советским. Слишком тяжелой была память о "Братский мостик". Но родители были людьми глубоко верующими и никогда бы не стали пинать лежащего человека, кем бы он ни был. Да, честно говоря, Саша-Лешек и не был тем акземиларом русскими, от общения с которым можно было полюбить весь народ. Но во всей этой истории наши дингали не симпатизировали - просто надо было сделать человека. Мы были убеждены, что если человек не поймают "Кита" - котлету из него сделают."

РЫНАРД ШАДКОВСКИ: "Анка Матушкевич еще за несколько дней до военного положения по секрету сообщила мне, что прячет русского дезертира. Когда я вернулся из санатория, Анку уже взяли, и ее родители обратились ко мне с просьбой пригласить, перебраться русского и другое, более безопасное место. Я обратился к Ясэку Радлицкому, который в это время сотрудничал с католическим комитетом, помогавшим интернированным. Через несколько дней мне дали знать, что вопрос решен. Просили только подождать, пока приготовят помещение. До этого я обращался ко многим людям, но, увы, безуспешно. Ведь большинство надежных друзей было уже в заключении."

12 января 1982 года ко мне нагрянули с обыском. Через час меня увезли на диспансер Матовских. К счастью, жена знала о всех нюансах этой истории и дала "Коту" поможала уже она."

АННА ШАДКОВСКА: "Муж здорово симпатизировал - интуитивно ли меня в эту историю, но потом все-таки нарушил мне связь с Ясэком Радлицким. Ясек не знал семейства Осецких, у которых тогда находился "Кот". Сама я к "Коту" пойти не могла: мужа арестовали и за мной наперняка вознесли "хвост". Пришлось напроситься свою подругу-учительницу. Она должна была объяснить "Коту" дорогу и пойти наперед него. На перекрестке мы должны были встретиться и пообещать встречу после долгой разлуки. При обниманиях и поцелуях было удобно провериться - нет ли слежки. Ясек, родители которого имели в Мылаповке свой дом, должен был ждать нас около почты. "Кота" я увидела в первый раз, хотя частенько бывала у Осецких. Во время моих визитов "Кот" прятался на чердаке."

И вот мы встретились с подругой "после долгой разлуки", набобимались, набобатались и напрогуливались вокруг почты. Ясек как провалился, а вместо него по улице дефилировала пара молодых мужчин. У нас дупна ушла в пятки - ведь в двадцати метрах за нами шел "Кот". Все закончилось бабозолучно: в темноте мы не разглядели лица парней, горнявших на улице. Это был сын Ясека с приятелем, посланные на разведку. К счастью через некоторое время появился и сам Ясек, которому я и передала "Кота".

ЯН РАДЛИЦКИЙ: "Мы встретились как раз перед комедантским часом. Мороз, темнота. Ко мне подошел невысокий молодой человек. Мы не обменялись ни одним словом. Так и произошла передача "Кота".

В моем доме в Милановке жили квартиранты, но они как раз выехали домой на Рождество. В доме было совсем пусто. В этом были и недостатки: несколько дней стоял сильный мороз и в помещении было очень холодно. Печи топить было нельзя — на дымок в любой момент могли заглянуть соседи. Пришлось устроить "светомаскировку" в одной из комнат. Я дал "Коту" электроплитку для обогрева и приготовления пищи, маленькую лампочку, еду, и единственную мою книжку на русском языке — Салтыкова-Шchedрина. Саме пришлось сидеть под большим столом, накрытым одеялом. Я пообещал, что каждый день буду подвозить, привозить какую-нибудь еду. В те дни уже включили телефоны. Я оставил "Коту" свой варшавский номер. Он должен был позвонить, если что-нибудь случится. Проблема была в том, что он не говорил по-польски, а я — по-русски. Через три или четыре дня жила, которую я не посвящал в эту историю, пришла телефонная трубка. "Кот" пробовал говорить по-польски: "Халло, приехали!". Через минуту позвонили мои квартиранты. Мне каким-то шифром удалось дать им понять, что все в порядке. После этого я активно начал искать для "Кота" другие варианты.

Никак не удавалось связаться с какой-нибудь подпольной организацией, потому что в это время все еще было в зачаточном состоянии. В конце концов пришлось обратиться к дочери, у которой была вила в Подкове.

Довольно опасным делом была перевозка "Кота" на новое место. Машина не годилась, так как весь транспорт проверялся военными. По улицам ходили патрули. Для безопасности мы выбрали железную дорогу. В вагоне "Кот" сидел напротив меня и должен был повторять все, что я делал. Мы вышли на станции Подкови Заходня, так как на главной станции обычно было много патрулей. Шли пешком вдоль платформы на некотором расстоянии друг от друга. Я шел впереди, чтобы в случае задержания дать ему время сбежать. Обойшлось. Через некоторое время милиция заинтересовалась моим явлением. "Кота" вновь пришлось перебрашивать. Положение было сложное, мне удалось выйти на людей на подполье, с которыми мы встречались в костеле св. Мартина. Но, увы, реакция была отрицательная. Наконец, я пошел к ксендзу Канторскому и он указал мне одно укрытие в Подкове, где на какое-то время удалось пристроить "Кота". Позже я нашел хорошее место в Канях у Анны Челейовой, моей родственницы.

АННА ЧЕЛЕЙОВА: "Кот" сначала не знал польского, поэтому почти не мог общаться с людьми. У нас в Канях свой дом с участком. Сани мы поселили во временно оборудованном помещении на недостроенном еще чердаке. Отец мой ремесленник, держит мастерскую, вокруг которой всегда толкалось множество людей. А на чердаке у "Кота" странно скривил пол. Случались довольно неприятные ситуации: кто-нибудь случайно входит в дом, все домашние сидят внизу, и вдруг на чердаке начинают шум и скрип — все это выглядело весьма подозрительно. Конечно, мы боялись, ведь "Кот" был в розыске. Мой отец собственными глазами видел розыскную листовку, которую ему показал один из пенитенциальных сотрудников милиции. Однажды нам позвонил сосед и сообщил, что милиция обыскивает все мастерские по соседству, и что скоро придут к нам. Нужно было срочно эвакуировать "Кота". В доме поднялся переполох, отец бросил в печь его армейское белье. "Кот" носил штатскую одежду, но белье еще было военное. Вместе с моим двенадцатилетним сыном Марком "Кот" побегал в Милановку

к дому Яна Радницкого. Там их должен был кто-то встретить. Однако, у дома никого не оказалось. Зима, мороз, а мой сын побежал из дома налегке. Вышли мы около полудня, теперь уже смеркалось, а мы замерзли, голодные, торчали, как цапли, у этого дома. Совершенно не знали, что делать. Возвращаться домой было рискованно. К несчастью, я не взяла с собой блокнот, а номера телефона Яна не помнила. Долго ломала голову, кому бы можно было подбросить такой "подарок", но ничего не могла придумать. Во время очередного совета с "Китом" я рассказала ему о сложившейся ситуации. Этот русский на своем домашнем польском сказал, что знает телефон Яна. Я побежала на почту, успела буквально за пять минут до закрытия. Хорошо еще, что у меня был с собой паспорт, потому что во время военного положения авансы с почты можно было только предъявить документы. Чудом Ян оказался дома. У нас был усиленный па-

мена и явные адреса, мы не очень задумывались. Конечно, мы ходили по краю пропасти. Но каждый должен выполнить свой долг.

Говорят, что каждый поляк носит в себе антирусские настроения. Значит, они не были так сильны, если мы так дружно спасали "врага".

ЯН РАДНИЦКИЙ: "Я вступил в контакт с Павлом Юзба — молодым человеком, который возглавлял межзаводской комитет "Солитарности". Попросил его о помощи. Сначала Павел немного помедлил, но потом обещал помочь. Договорились спрятать "Кота" в МДМе. Привезли его на электричке с соблюдением всех мер предосторожности. Сын Анны Челейовой шел впереди и подавал нам знаки: нет ли патруля и не задерживают ли гиттеры прохожих. Однажды, заметив патруль, свернули в ближайшние ворота. Сердце у меня замерло, когда к "Ко-

В дни военного положения. "Соколы" генерала Ярузельского.

ФОТО АЛЕКСАНДРА ЯЛОЗИНСКОГО

роль, и он понял, что что-то случилось. Ян успел подбежать на автомашине к дому как раз перед наступлением коммюнистского часа. Еще успели доехать до Милановки. Ян открыл свою черную халупу. Вот тут гора свалилась у нас с плеч.

Позже опять пришлось перебрашивать "Кота" в Подкову, а оттуда в Варшаву, где его должна была забрать подпольная "Солитарность". Переброска доставила мне много "приятных" минут: около отделения милиции в Подкове я увидела приметную желтую машину своего бывшего мужа. Сын шел впереди как дозорный. Я же подумала — это конец. Однако, мой сподобительный ребенок быстро справился с родного папу. Отец допытывался, почему это мы так странно идем: сын впереди, а я метрах в трехстах за ним. К счастью, он еще не заметил на другой стороне улицы Яна Радницкого. Сын ответил, что очень спешит к приятелю, а вот мама за ним никак не успевает.

В Варшаву ехали на электричке. Марек вертелся на ступеньках вагона, чтобы контролировать ситуацию на перроне. В Варшаве мы отметили удачную переброску — угостили себя моржевыми.

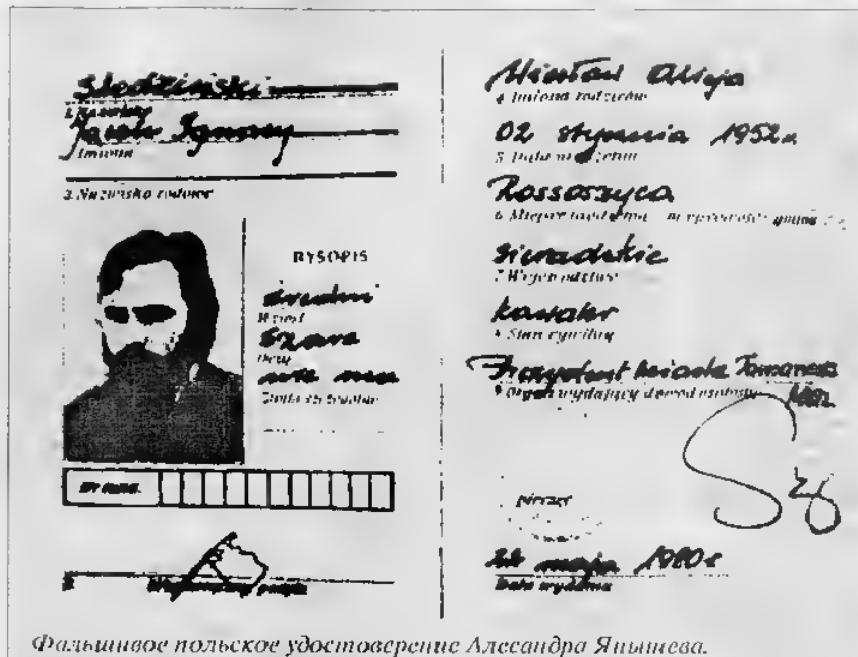
То, что я занималась "Котом", не имело ничего общего с работой в "Солитарности". Все мы понимали, что человеку грозит опасность и ему надо помочь. Этого было достаточно. И разве наш мандраж мог сравниться с тем, что угрожало "Коту" в случае поимки? О том, что "Кита" могут поймать и прижать как следует, выпытать все наши

ту" подошел какой-то парень и стал о чем-то расспрашивать. Я не знал, вмешаться мне в ситуацию или нет дальше. Оказалось, что парень хотел просто прикурить. К счастью, русский понял о чем идет речь."

ПАВЕЛ ЮЗБА: "На площади Конституции я приехал за "Котом" на автомобиле. Со мной был водитель, который даже не подозревал, что везет русского. Сначала перевезли "Кота" в квартиру Барбары Федриш, а оттуда на Раковец, в жилье, которое уступила нам панни Иоанна, длинная женщина, которой пришлось переехать на это время к своей матери. Проблема была в том, что Сави не говорил по-польски, поэтому с ним кто-то постоянно должен был находиться на случай аварии или чего-нибудь в этом роде. Погелился с ним Весик, фамилию уже не помню. Это было наказание Пасхи, поэтому оба раскрашивали яйца для "Солитарности".

В принципе, "Кот" был в неплохом психическом состоянии, но, ясное дело, он был в сильном напряжении. Страх скончался спонтанно, но благодаря этому, он был очень дисциплинирован и стойко переносил изоляцию. В Варшаве он все время сидел дома, ему было запрещено выходить на улицу. Много смотрел фильмы по телевизору. Вместе с ним в таком же заключении постоянно находились каждый из сопровождавших его поляков.

Позже "Коту" нашли жилье под Варшавой, на Отводской линии, у какого-то студента-юриста. "Кот" жил там около месяца.

Фальшивое польское удостоверение Александра Янинова.

В этом доме царил очень сердечная атмосфера, семья студента приняла его как родного. Опыт же до леса рукой подать, и в огороде можно было выйти в любой момент.

Между сестрой этого студента и русским началась какая-то симпатия, или даже закрутился роман. Когда он уезжал от них, был очень расстроен. Дольше, однако, там оставаться было нельзя.

Следующим прибежищем "Кота" была квартира в Вавжисове у папы Еджейчака, который писал материалы для нас и для "Курьеров". Оттуда переводили русского в Жирардон, где в условленном месте его забрал художник Бернарда, деятель нашей подпольной структуры. В Жирардон я отвозил "Кота" на поезде. Это была моя последняя, так сказать, станция в этом необычном приключении. К счастью, перед самым моим арестом, "Кот" успел забрать Эдек Курнюк.

Я всегда положительно относился к России. Наши контакты с дезертиром были чисто "организационными", связанными с переездами в новое жилье, с деталями переброски. У нас были мало времени для разговоров, разве по время езды на автомобиле. Какие-то мы были зажатые, темы разговоров касались в основном бытовых подробностей: как ему понравился на приездной квартире, как надо вести себя на новом месте. Говорили немного по-польски, немного по-русски.

С "Котом" мы были почти ровесниками, однако, кроме этого, нас, пожалуй, ничто не объединяло. Я по уши нырял в конспирацию, посидел от темна до темна и был чертоскучен. Трудно в такой ситуации еще строить дружеские отношения с кем-то.

Занимался я с "Котом" по поручению Комитета Межапольской "Солидарности" - отсюда были люди и деньги, покрывавшие часть расходов на содержание "Кота". Однако, это не имело ничего общего с дисциплиной организации. Если бы какая-то "шпионка" запретила мне заниматься Александром - я не подчинился бы такому приказу.

Нельзя отказывать в помощи человеку, которому угрожает смерть. Кроме того, это был в каком-то смысле наш союзник, потому что он сбежал от коммунистов.

В то время нам помогло множество людей, которые были готовы предоставить свои квартиры "Солидарности". Я говорил,

что есть человек, который скрывается и ему нужно помочь. Люди никогда не отказывали, хотя и пугались, узнав что это русский дезертир. В начале военного положения никто не знал как далеко зайдут репрессии. Что грозит в случае провала: потеря квартиры, тюрьма?

Мы старались держать Александра в одном месте не более двух-трех недели, так как для хозяев квартир это был большой стресс. Но у меня в течение четырех месяцев ни разу не возникло проблемы с жильем для моего подопечного. Любопытно, что в этом деле участвовали несколько десятков человек из разных слоев польского общества, но операция не провалилась.

Когда я вышел после полугодичного заключения, то уже потерял "Кота" на ходу.

АННА ЧЕЛЕНЬОВА: "Второй раз я пришла "Кота" по просьбе Анджея Махальского, с которым мы дружили семь лет. Одна папа, у которой "Кот" и то время находился, сказала Анджею, что утонит в Висле, если "Кот" останется у нее еще на один день. Она просто не выдержала нервного напряжения. Вышел также приказ подпольной "Солидарности" региона Маловне с Буяком во главе, запрещающий заниматься этим делом. Они не хотели подвергать своих людей опасности, и Анджей Махальский решил заниматься этим под своим отчеством."

Несколько дней "Кот" находился в доме у Анджея. Это, однако, было слишком опасно, так как за Анджеем после его освобождения из тюрьмы постоянно следили. Однажды, перед акцией бойкота выборов в Риду народную, и Махальским прихватили Глинки и задержали на сутки всех находившихся в доме. К счастью, перед самым арестом Анджей передал русского кому-то в Подкове Лесной под поручительство ксенда Кинторского. Ну а потом его переправил ко мне.

Со времени нашей первой встречи "Кот" изменился: научился правильно говорить по-польски, опустил бороду и выглядел вполне по-европейски. Анджей добывал для него какое-то удостоверение личности. Возраст более-менее совпадал и этот документ ему пригодился. Поэтому все звали его новым именем - Яцек. В этот раз "Кот" пробыл у меня две или три недели. Позже Анджей пометил его у каких-то огородников.

В первый раз "Кот" показался мне интеллигентным молодым человеком, неав-

шим стать писателем или поэтом где-нибудь на Западе. Теперь он выглядел довольно замученным подпольной жизнью и мечтал о глухой тайге и охоте. Он сильно тосковал по России. Мы очень боялись, чтобы из-за этого "Кот" не наделал каких-нибудь глупостей.

АНДЖЕЙ МАХАЛЬСКИЙ: "Под моей опекой Саша был довольно долго, и узнал я его лучше других. Последние полгода его пребывания в Польше и большую часть времени занимали исключительно им. Отношения к мне "Кот", как к персту судьбы. Ведь я занимался всеми, даже самыми маленькими его делами. Но по-настоящему мы так и не подружались. Я был одним из немногих людей, к которым он до конца обращался на Вы ("проще папа"). Я узнал о нем очень много. Это не было трудно - "Кот" был очень простым парнем. Сильно ожилась лишь тогда, когда разговор заходил об автомобилях. Это была его страсть. Когда я принесла ему журнал "Мотор", у меня было ощущение, как будто я дарю ребенку замечательную игрушку. У него не было богатой внутренней жизни. Он хотел нормально и спокойно жить. "Кот" совсем потерялся в этой ситуации: сбежал из армии и попал в заваруху, в которой почти ничего не понимал. Рассчитывал лишь на то, что люди и Бог его не оставят. Он не был участником событий, а только объектом, передаваемым как бревно. Ему заровно оведало: на самом "горючем" отрезке событий, в начале военного положения, он встретил столько доброжелательных людей. Они пригласили его, рискуя очень многим. Это была их личная реакция на военное положение. В непредвиденный момент, однако, энтузиазм людей стал угасать. За окном были те же серые будни, опасность была так же велика, а режим не менялся.

Один дело - укрывать деятеля "Солидарности" - контакт с нашей ГБ-ухой угрожал значительными материальными последствиями, а здесь мы входили в конфликт со сверхдержавой. Укрывать своего подпольщика было актом солидарности, участием в общем деле. А укрывать русского было делом неинтересным - ни помощи, ни славы. Если бы это, скажем, был Солженицын - человек хотя бы думал, что работает для истории. А здесь какой-то никому неизвестный серый тип, который мог принести один неприятности.

Его укрывал также не "Солидарность", люди, помогающие ему, в основном не входили ни в какие структуры. Некоторые и не знали, кого приютят. Он работал в сельских усадьбах как рабочий, а прятал его в лесничествах, где только один человек на всей семье знал правду. Для остальных он был родственником из Литвы. "Кот" уже очень неплохо говорил по-польски, разве что медленно.

Это было очень трудным делом - десятки перебросок, квартир, связи. Только определил его, например, в каком-то подпольном заведении, неожиданно звонит знакомый - срочно приезжай. Оказалось, что русский влюбился в дочку хозяина - роман. Требуется срочная переброска. Это был 20-летний пленный, симпатичный парень. Естественно, что нравился девушкам и дедам доходило порой до романтических историй.

Однажды пристроил Яцек в каком-то лесничестве. Неожиданно является связник, опять нужна срочная эвакуация. Оказалось, что в эти места собирается на охоту какой-то генерал. Перед этим армия осуществляет одноное прочесывание, допрашивают чуть ли не каждого зайца. Я успешно его ухватил буквально на виду у ГБ-истов, которые подраливают к дому с другой стороны. Прямо кино.

Для переселения я однажды решил послать его со своими друзьями в отпуск,

чтобы он побыл с людьми и немного валялся. Поехали на Мааурия. С ним был один мой знакомый, довольно смышленый человек. Когда увидел милиционера, стал нарочно неправильно переходить дорогу. Знакомый говорит "Коту": как подойдет милиционер - не бойся, потычим, покурим. Он хотел его приучить к опасности. Потом они с этим милиционером шли в воду вместо участка штраф.

Однажды я прыгал "Коту" в деревне, где один из соседей оказался очень подозрительным чешским, все время бродил вокруг дома, выискивал. Пришлось перебежать Янека в другую деревню за десять километров. Но и туда пришелся дотошный крестьянин и случайно увидел "Кота". Приплот его быстро эвакуировали. И вовремя: в деревню явились ГБ-шники и устроили опалынные вопросы.

Бывало очень трудно, зачастую руководители "Солдарности" отказывались помогать. Сам я тогда был под непрерывным наблюдением, ни Янека нигде было деть - дабрал к себе в машину. За делом следят - что делают? Падает снег, работают "дирижеры", и эта тишина... А сади на сиденье селулся человек, которому нигде деваться, если поймает - убит.

Трудности были лавинообразно. Я решил провести операцию по "аксарту" "Коту". Обратился в американское посольство. Они поехали, но им было трудно прямо сказать "нет". Но и "да" не очень хотелось говорить. А ситуация была драматическая, нас обкладывали все теснее. До посольства Янека провожала моя знакомая. Позвонила и сказала, что дело сделано. Я прямо рухнул на диван - огромное облегчение. А через несколько часов она снова звонит и говорит: "Срочно приезжай, здесь Янек." Я буквально ошарашен. Оказалось, что американское посольство было окружено ГБ-шниками. Посольские поговорили с Янеком, а потом... выпали. Его прямо вывели, фактически приговорив к смерти. Потому что наши выйти на посольство недержанным были ничтожны. Вдобавок вывели его на улицу горид, которого он не знал. Последние два года Саша скрывался за пределами Варшавы, и не знал здесь ни имен, ни адресов. И на этот раз ему повезло! Каким-то чудом его не задержали. Он шел по городу, не зная, что ему делать, к кому обратиться. Идет и наткнулся на девушку, которая его укрывала. В миллионном гориде! Неправдоподобно!

Ну и вся гонка начинается снова.

Должен признать, что такой приговор американского посольства глубоко меня потряс. Они же не могли предвидеть такого чудасного стечения обстоятельств. Они избавились от "Кота" как от мусора.

Пришлось мне самому организовать переброску русского за границу. Я продал свой автомобиль, чтобы достать денег. У меня не было шансов на выезд, поехала моя жена, которая за границей должна была найти людей, способных осуществить такую операцию. Ей помог Мирек Хис. Они вышли на профессионалов. Жена заплатила им деньги и вернулась. А они исчезли. Исчезли, как сн золотой. Проходит месяц, два, три, полгода - и ничего. Мы подумали, что ищали наши денежки. Однако, через полгода поступает условный сигнал - пора.

Сигнал был довольно сложный. Жена оставила им номер телефона одной польской пенсионерки, которая вообще меня не знала, но имела нап иммер телефона. По приезде "профи" должны были позвонить этой бабке, сообщить ей пароль, а она должна была пригласить их к себе, а после выпустить меня по телефону. Представьте себе -

через полгода, когда я уже причинился с приездом операции, вылетит какая-то тетя Амелия, которую я сразу не знаю и говорю, что приехал Роберт. Я еле сообразил, и чем идет речь.

Прилетели к ней. Сидят два молодых человека, которые ехиде ставят три условия. Во-первых, я должен доставить им Янека до полудня. Во-вторых, предоставить комнату для шестичасовой споконной работы, а в-третьих, срочно сделать фотографии Янека для загранпаспорта. Комнату для работы нашел у одной из своих знакомых - там они и занялись изготовлением загранпаспорта. Делали все споконно - работа тонкая. Например, даклепку, которой прижат снимок, разгибали несколько часов. Потом выпрямляли ее и вынимали снимок. Положили новый снимок - ну, думаю, опять несколько часов. А один из молодых людей берет молитник, три раза ка-а-ик врещет, и даклепка идеально загнулась. Это были шарики из югославско-французской группы, настоящие профессионалы. На их счету была уже не одна переброска.

Теперь я должен был привезти Янека. Полтора года я всегда точно знал, где он и что с ним. Но как раз сейчас люди, у которых он скрывался, куда-то уехали и передали его своим знакомым. То, в свои очереди, тоже уехали на неделю и Янек должен был находиться у них в деревне. Меня же не предупредили.

Я начал метаться по всему городу. Пять часов сходил с ума, казалось, что все кончено. Ведь сделал все, что мог. Нашел людей, заплотил - и ничего. Я знал, что второй рад переброски уже не придет. Я был в отчаянии...

Янека нигде не было, и, пробегая через парк на Понисе, я упал на скамейку, устал как собака. Думаю, ну что ж, делать нечего, отпущу этих людей, живишь. Видно до конца жизни мне быть его опекуном. Может быть, придется его выкупить выжить. Даже расслабился немного. Когда человек все окончателно прижрал, ему становится споконней. Вдруг меня проходит молодой человек, вроде бы наш, из "Солдарности". Это был уже 1985 год. Неожиданно из стоящей рядом машины выскакивает пара охотников, хватают парня под руки, тащат в машину и ссылаются. Ну, похоже, это была какая-то облава. А для меня это был толчок. Я как орснулся. Черт возьми, думаю я, сдохните вы, но его не пущайте. Все равно найду и выведу. Я поспохил и на-

чал пинекти стичала. Уже к концу дня я сообразил, что знакомые моих знакомых теоретически могут знать, где он находится. Жили они над Модлаком. У меня оставалось три часа. Еле достал машину, какой-то дурацкий ридинг, который давал не больше 40 километров в час. Притащился в этот Модлак уже поздним вечером. Там пришлось огрести еще один шок: во дворе усадьбы познтся какая-то женщина, подходит к ней - не знаете, где Янек? Не знаю. Мне аж душно стало. Я уже повернулся, чтобы уйти, и вдруг она испечет: да знаю, знаю, только тинес. Янек оказался на другой усадьбе, в двадцати километрах. Вытащил его уже на постели, и ридинг к "специалистам". Спрашивают: как у него с нервами, выдержит, или напоит? Говорю - да так себе, давайте нальем для размягчения. Если пограничники будут о чем-то спрашивать, скажете, что пьяный. Саша не был слишком измучен, охотже, что он не очень понал, о чем идет речь. Упаковали его, поехали. Я ехжу, мацражирую. Через десять часов - звонок из Мюнхена - все в порядке.

Сашу-Янека разыскивали очень тщательно. Один мой знакомый, который тоже занимался "Котом", имел соседа-милиционера. Они вместе играли в футбол, выпинали. Милиционер жаловался на трудную долю, говорил о приказе во что бы то ни стало пойти этого дезертира. Для польский безопасности это было делом престижа. Русские военные и посольство настояли жали на ГБ - мол, такую ерунду не можете сделать. Вокруг этого дезертира было очень много шума. Милиционер оринавался, что поймать "Кота" было бы почетнее, чем десяток людей из "Солдарности".

Все мы знали, как уорни они разыскивают Сашу. А он прятался и у орокурора, и у милиционер, и у ксендзов, и вообще в самых неожиданных местах. Книгу можно написать.

Никогда я потом со своим подпольным не встречался, хотя бывал не рад ю Франци, где он сейчас живет. Нам и в голову не приходило использовать этот случай для пропаганды, ведь все мы просто сосали человека от смерти. Как я уже говорил, спасение "Кота" было для меня главным человеческим долгом. Это была моя личная война с коммунизмом, которую я все-таки выиграл...

"Нет красной диктатуре!"

ФОТО ДЕМЕНТИ

С В О Л И

Интервью с Александром Янышевым

- Я родился в Воронеже, в центре России. Только однажды был за границей - вместе с родителями в Минусинск, где мы прожили три года. После десятилетки пошел работать на механический завод слесарем, учился на водителя в школе ДОСААФ.

- Как получилось, что ты попал в подразделение, расположенное в Польше, сколько тебе было лет?

- В армию меня призывали в апреле 1981 года, мне было 18 лет. В Польшу меня послали, возможно, потому, что я уже был в Минусинске - за границей.

- Ты попал в Польшу в самый расцвет деятельности профсоюза "Солидарность". Вам сказали, куда вы едете?

- Нет, офицеры держали все в строгом секрете. Мы думали, что едем в Афганистан. Ведь нам выдали ремни и сапоги из настоящей кожи, что означало - едем за границу. Тогда когда самолет взлетел, нам сказали, что летим в Польшу.

- Какова была первая реакция солдат?

- Сначала волновались с облегчением, а потом пошли разговоры, что это второй Афганистан или даже хуже. Нам поведали, что партия не позволит, чтобы в социалистической стране существовала что-то вроде "Солидарности". Многие военные научились, как такое движение могло стать легальным.

- Вы считали, что будете задействованы в боях против "Солидарности"?

- Мы с тревогой думали об этом. Но наверняка никто не знал.

- Где находилось твоё подразделение?

- Сначала на аэродроме Ключеве - это распределительный пункт. Оттуда поехал в Туринь - за городом были склады с бомбами и ракетами, мы охраняли их. Служба была нелегкой: постоянные ночные тревоги, марш-броски. В первый же день нас предупредили о сохранении военной тайны. Между прочим, в шестом доме нам не разрешили сообщать, что мы находимся в Польше.

- А что говорили офицеры на политзанятиях о ситуации в Польше?

- Читали газету "Правда". Пояснили, что социализм в Польше под угрозой, что "Солидарность" организована американскими спецслужбами. Показывали какие-то фотографии, где Валенса был снят якобы на встрече с боссом ИФУ.

- А была у вас возможность сравнить то, что говорили офицеры с действительностью?

- Нам запрещалось иметь транзисторные приемники и фотоаппараты. Увольнения тоже были запрещены с начала активной деятельности "Солидарности". Но мы иногда убежали в "самоволку", тогда и контактировали с местным населением. Происходило это, в основном, во время торговли. Нам выдавали ежемесячно 18 папирос, а в польских книжках не было никакого табака. Не было также и сладостей, а в армейских буфетах казначей кишет стилиз 30 złotych. На этом можно было заработать до 10 тысяч złotych в день. Солдатские жалованья составляли 140 złotych в месяц. Один солдат придал свой птук за 20 тысяч и купил 8 лет тюрьмы. Но большинство преступлений скрывалось, потому что в армии рука руку моет.

- Вы боялись контактов с поляками?

- Офицеры постоянно настраивали нас враждебно по отношению к полякам. Рассказывали о шатающихся по лесам бандах кулаков, о жутких нападениях польских контрреволюционеров на наших солдат. В нас очень умело культивировали неприязнь к польскому опозиционному подмиут почью по тревоге и поясняют, что это из-за забастовок и беспорядков в приморских городах. Мы, конечно, понимали, что это - чушь, от нас до моря далеко. Однако, все равно злились на демонстрантов - они отнимали у нас сон.

- Когда впервые тебе пришла мысль о побеге на Запад?

- В то время я находился на гауптвахте. Совершенно пьяный офицер приказывал чистить зубной пестик унитазы. Ну, я ему и ответил. Получил за это месяц "тубы", где должен был искупить свою вину трудом и прослушиванием воспитательных бесед. Работа заключалась в многочасовом перетаскивании кучи тяжелых камней с одного места на другое и обратно. "Беседы" обычно приходили два раза в день в темном туалете - были страшны. В конце концов они вынуждены были отправить меня в госпиталь с отбитыми внутренностями. После возвращения на гауптвахту я твердо решил бежать.

- Как ты себе представлял этот побег?

- Сначала я хотел перейти советскую границу, потом через весь Союз добраться до Берингова пролива, а оттуда через Аляску - в Соединенные Штаты. Потом я вспомнил, что вся советская граница окружена тройным набором из колючей проволоки и перейти ее невероятно трудно. Тогда я решил попросить о помощи "Солидарности".

- Какими были первые часы побега?

- Я доложил командиру, что у меня болит сердце, поехал в госпиталь, где мне сделали кардиограмму и дали освобождение на один день. Я пробрался к заборчикам, на которых сидит инженерный батальон, унавожал вежменом, плащ-палатку, портянки и стал ждать сумерек. Еды достать не удалось. Почув я бежал. Через два часа оказался в каком-то госпитале.

- Где все это происходило?

- Под Вроцлавом, в Оляне. В этом госпитале в хлеву на чердаке было сено, там я и спрятался. С ближайшего поля приносил кукурузу, ей и питался. Через три дня нашел старый немецкий велосипед и поехал почью во Вроцлав, в тамошнее отделение "Солидарности". Когда я расспрашивал людей, все было очень доброжелательно, хотя очень удивлялись - ведь я был в советской военной форме, ого- рывал только погоны и знаки различия.

- И как тебя встретили в местной "Солидарности"?

- Очень удивились. Потом правдоли к одному из руководителей, который хорошо говорил по-русски. Выслушав мою историю, он задумался. Честно сказал, что опасается провокации. Меня покорчили, дали штатскую одежду и спрятали в безопасном месте. А сами стали паниковать справки. Вскоре они убедились, что я не ду. Где-то через месяц железной дорогой меня отправили в Варшаву. На куртке у меня был значок "Солидарности". Новые вроцлавские друзья пояснили, что это убеждает меня в пути от польнейского контроля. Так и случилось. В Варшаву меня направили в польское посольство, но там не оказалось переводчика и меня отвезли в гор- родское отделение "Солидарности". Это было за 3 дня до введения военного положения.

- Знал ли ты, как интенсивно тебя разыскивали после побега?

- Да, во всех советских подразделениях, расположенных вокруг Вроцлава, была объявлена тревога. Летали вертолеты, разведжали вооруженные патрули, на окрестности были разосланы розыскные листочки.

- В какой ситуации тебя застало военное положение?

- Я находился у одной девушки на "Солидарности". Утром при- сыпало - вся семья в слезах вокруг радиоприемника. Я думал, что будет новая Чехословакия... Еще перед отъездом в Польшу я читал в советских газетах, что "Солидарность" вооружается. Я решил, что пойду в лес в какой-нибудь отряд.

- С кем собирался воевать?

- Ну как с кем? С коммунистами.

- А 13 декабря ты испугался?

- Вообще я был уже готов к этому. Подозревал, что такое про- изойдет.

- Ты отлично говоришь по-польски, но в начале, в 1981 году, все было не так просто?

- Тогда я вообще не говорил по-польски, разве что несколько слов. Начиная со сказок, смотрел телевизор, слушал радио. Ну, и сам даже не заметил, как заговорил по-польски.

- Были ли у тебя встречи с милицией, службой безопасности?

- Однажды я изобразился с гор и меня оставили милиционер для проверки документов. У меня было польское фамильное удо- стоверение личности и советские водительские права. Когда разва- зал ражар, документы неопознанные вывалились. Права были крас- ные, без обложки, с советским гербом. Милиционер сразу их заме- тил. Спросил: где твой паспорт? Я ответил, что в советском посоль- стве. Нам, мол, нельзя оставлять там паспорта, потому что в Польше их воруют. Это его как-то успокоило, и он спросил, что я здесь де- лаю. Я ответил, что приехал на отдых, но попал в аварию. Милици- онер уже стал уходить, но все еще с подозрением косился на меня. Тогда я взял рюкзак, сам подошел к нему и начал расспрашивать: зачем эти милиционеры ходят с дубинками в социалистической стране и все такое... Через полчаса он просто сбежал от меня.

Потом на вокзале ко мне приехали сотрудник безопасности, долго ходил за мной "хвостом", мне еле удалось "потеряться". А во- обще мне как-то везло.

- А что угрожало тебе в случае поимки?

- Смертный приговор за "измену Родине", за "контакты с анти- советской организацией" и за "побег из вооруженных сил".

- Ты все время думал об этом?

- Да. Забывался только, когда работал. Я трудился в усадьбах, у частника.

- Были ли у тебя контакты с независимой прессой, с газетами "Солидарности"?

- Да, я читал "Тыждник Мазовец", "КОС". Это было довольно интересно.

- Чувствовал ли ты себя как-то связанным с "Солидарностью", с подпольем?

- Мне очень хотелось что-то делать для подполья. Например, на- учиться работать в типографии. Но мне сказали, чтобы я сидел ти- хо, что такая работа была бы двойным риском. Только однажды, на Пасху, я раскрывал яйца и писал на них: "Солидарность".

- И сколько времени ты провел в Польше?

- Около четырех лет.

- Не испытывал ли ты к себе неприязнь, как к русскому?

- Нет, никогда. Неприязнь к коммунистам, да. Но к России, к русским нет неприязни.

- К тебе относились как к своему?

- Всегда. Постоянно говорили: "Мы - славяне..."

- Некоторые из прятанных тебя, может быть, прочтут эти стро- ки...

- Я очень хочу поблагодарить людей, которые прятли меня и помогли выехать на Запад. Спасибо им за теплоту, за заботу. Ведь они рисковали своей свободой, может быть, даже жизнью. И благода- ря им мне все удалось - я нахожусь на Западе.

(По материалам польского независимого истори- ческого журнала "KARTA")

Варшава

Перевод с польского Владимира Дылевского.

Андрей БЛИНУШОВ

ОСТРОВА СКОРБИ

Почти полвека назад закончилась самая страшная война в истории человечества. Она унесла десятки миллионов жизней, разрушила экономику всей Европы, растоптала идеалы гуманизма и милосердия.

О синдромах Второй мировой войны написаны сотни книг, диссертаций, философских трудов. Анализировать это на газетных страницах - дело неблагодарное.

Хотелось бы поговорить о другой странице войны. Странице, являющейся самым веским обвинением тоталитаризму - военных кладбищах. Для большинства республик бывшего Советского Союза это одна из самых болезненных тем.

Еще недавно эта тема была тщательно табуирована, проблемы кладбищ немецких военнопленных как бы не существовало вовсе. И разрушались разбросанные по полям и лесам России безвестные могильные холмики сотен тысяч жертв жестокой войны.

Но безвестными эти кладбища были только для непосвященных. В строго засекреченных, тщательно охраняемых архивах спецслужб пылились аккуратно сброшюрованные папки с подробнейшими планами захоронений и списками умерших в плену солдат и офицеров вермахта.

Архивный фонд по делам военнопленных и интернированных Особого архива до сих пор является одним из самых недоступных для исследователей.

Да что там исследователи! Следственная группа военной прокуратуры России, состоящая из высококвалифицированных юристов, которые занимаются преступлениями сталинского НКВД, и сегодня не может получить доступа к личным делам польских офицеров, расстрелянных чекистами в Катыни.

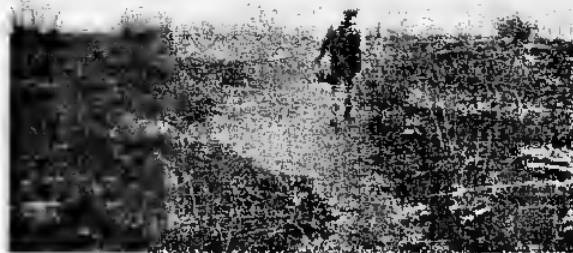
И все-таки российской правозащитной организации "Мемориал" удается добывать крохи той необъятной информации, которая скрыта от общественности в недрах советских архивов.

Так, членам "Мемориала" из Рязани, с помощью депутатов республиканского парламента удалось достать копии планов десяти лагерных кладбищ немецких военнопленных и списки похороненных солдат и офицеров.

Большинство военных кладбищ находится в невероятно запущенном состоянии, следы некоторых почти уничтожены суровой российской непогодой.

"Мемориал" в Рязани одной из главных своих задач видит в восстановлении и хотя бы минимальное благоустройство этих "островов скорби" в бескрайних полях России.

Как бы критически ни относились жители России к личности Михаила Горбачева, необходимо отдать ему должное: именно эпоха горбачевской перестройки заставила задуматься над вечными истинами Добра и христианского Милосердия.

Когда-то здесь было кладбище спецгоспиталей НКВД N 4791. Здесь похоронено более четырехсот граждан Германии, Польши, Румынии, Чехословакии.

ФОТО СЕРГЕЯ РОМАНОВА

Германия нам больше не противник. Слава Богу, мы пришли к новому мироощущению и общечеловеческие ценности объявили приоритетными.

Естественно, с точки зрения морали и нравственности, восстанавливать кладбища Второй мировой войны на своей территории должна именно Россия. Но увы...

Экономическая разруха, явившаяся следствием 70-летнего коммунистического правления, не позволяет правительству обеспечить прожиточный минимум своим живым согражданам. О выделении средств на восстановление кладбищ и говорить не приходится. Это горькая действительность.

"Мемориалу" приходится искать другие пути. В конце прошлого года в Рязани родилась идея совместного восстановления одного из лагерных кладбищ НКВД силами общественных организаций России, Республики Польша и Федеративной Республики Германии. На этом кладбище похоронены 200 немецких солдат и офицеров и 50 польских бойцов Армии Крайовой. Эти люди, воевавшие друг с другом в годы войны, стали товарищами по несчастью в одном из чекистских концлагерей ГУЛАГа.

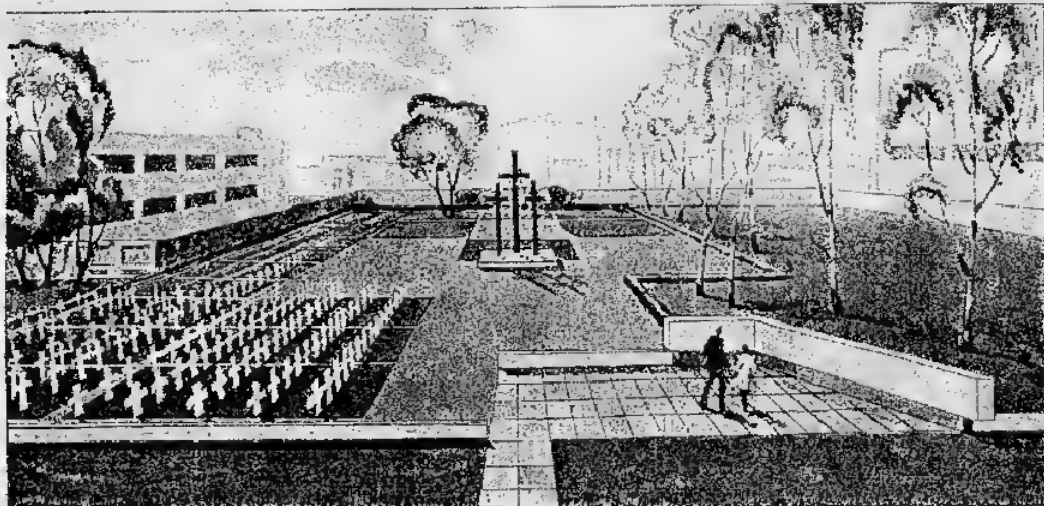
Одна из польских партизанок, отбывавшая срок в том же лагере вспоминает, как в рождественскую ночь 1947 года охранники затолкали в карцер большую группу заключенных. Около полуночи один из немцев запел праздничную католическую молитву. Ту же молитву подхватили и запели по-польски, венгерски, чешски.

Обитатели камеры сквозь решетки смотрели на мерцающую звезду за окном и плакали. Это были слезы надежды и прощения.

"В ту ночь мы простили друг друга. За войну, за кровь и жестокость. Все поверили, что впереди - новая прекрасная жизнь", - пишет в своих воспоминаниях ааршавянка Станислава Кумор.

Очень многие из обитателей того рязанского лагеря не дожили до светлого дня встречи с Родиной. Их навсегда объединило маленькое кладбище на краю колхозного поля.

Рязань

Рязанский "Мемориал" разработал проект восстановления лагерного кладбища N 178-454 с участием государственных и общественных организаций России, Польши и Германии.

"Секрет спасения называется памятью"

(Федеральный канцлер ФРГ Рихард фон Вайцзеккер)

Манфред КОХ (при участии Генриха ШИППМАННА)

МОЙ ПУТЬ В РЯЗАНСКИЙ ПЛЕН

Общие замечания к вопросу о немецких военнопленных

В общей сложности в течение Второй мировой войны в плен попало 11 094 000 немецких солдат, среди них - 4 миллиона калитуйантов, которые, однако, начиная с лета 1945 года были освобождены из больших сборных лагерей в Европе, так как требовались рабочие руки для восстановления Германии, оккупированной четырьмя державами (СССР, США, Великобритания, Франция).

Среди одиннадцати миллионов немецких военнопленных учтены только те, кто официально находился в плену в качестве военнослужащих германского вермахта (включая женщин) или в качестве солдат. Однако, среди 11 миллионов лиц не учтены так называемые военнослужащие "Фольксштурма", которых через несколько дней после взятия в плен отправляли домой без официальной регистрации. Следует принять во внимание, что сначала брались в плен, хотя и преимущественно, но не исключительно только солдаты вермахта или военнослужащие отрядов СС, но и обслуживающий персонал ВВС, члены "Фольксштурма" или полувойсковых союзов (организация "Тодт", "Служба труда Рейха" и т.д.). Среди них были не только мужчины, но и женщины, и не только немцы, но и так называемые "фольксдойче" и "чужеродцы" - хорваты, сербы, казаки, северо- и западноевропейцы, которые каким-либо образом воевали на стороне германского вермахта или причислялись к нему. Кроме того, при оккупации Германии в

1945 году арестовывался всякий, кто носил форму, даже если речь шла о начальнике железнодорожного вокзала.

СССР в течение Второй мировой войны и после капитуляции Германского Рейха в общей сложности было взято в плен свыше 3 миллионов (3 155 000) немецких солдат (мужчин и женщин). Из них, на основании различных договоров, 70 000 человек были переданы для отбывания заключения Польше и 25 000 - Чехословакии, где они привлекались к восстановительным и иным работам.

В отличие от западных держав (США, Англия, Франция) Советский Союз брал в плен немецких солдат в больших количествах с самого начала германского нападения на СССР в 1941 году, но до 1943 года (битвы под Сталинградом) число плененных не превышало 100 000. Лишь в конце 1943 года число немецких военнопленных в СССР возросло до 200 000, а в середине 1944 года подскочило до 560 000. Это количество увеличилось в первые три месяца 1945 года - то есть еще до капитуляции Германского Рейха - примерно до миллиона. Сразу после капитуляции Германского Рейха, то есть летом 1945 года, число немецких военнопленных в Советском Союзе превышало 2 миллиона (2 040 744). Следующая таблица показывает общую динамику количества немецких военнопленных в Советском Союзе в период с начала 1943 по конец 1948 года.

юга Советского Союза, от Украины до Сибири. Расстояние между некоторыми лагерями и германской границей составляло 2000 километров, а другие были удалены от Германии более чем на 6000 километров. Уже поэтому побег из лагеря военнопленных был совершенно бессмысленным, даже если было бы возможно просто покинуть лагерь. По решению Московской конференции министров иностранных дел от 23.4.1947 г., немецкие военнопленные, находившиеся в СССР, должны были быть освобождены до 31.12.1948 г., однако последние вернулись лишь в 1950 году. Те немецкие солдаты, которые по различным причинам были приговорены в СССР к более длительному отбыванию наказания, возвратились назад только в 1951-1956 годах. Всего таких было 28000. Последняя партия немецких военнопленных (около 10000) вернулась лишь после визита в Москву тогдашнего германского федерального канцлера Аденауэра в 1955 году и после установления дипломатических отношений между Федеративной Республикой Германии и СССР в период между октябрем 1955 и январем 1956 гг.

По сегодняшней информации, имеющейся в Германии, из 3155000 военнопленных в Советском Союзе 1094250 человек (!) не пережили плен. То есть, в СССР произошло более 1 миллиона случаев смерти, в то время как в США это число не превышало 10000, хотя американцы взяли в плен 3,8 миллиона немецких солдат. Это сравнение не является упреком или стремлением свести счеты, так как мы, немцы, не имеем на это права, но факт есть факт. Немецкие солдаты напали на Советский Союз и убили в Советском Союзе, по немецким данным, 13,6 миллиона солдат и свыше 7 миллионов мирных жителей.

Кроме того, экономическое положение советских граждан еще и перед войной, а тем более вследствие развязанной немцами войны, была гораздо хуже, чем в США, где снабжение питанием собственных граждан и взятых в плен чужих солдат во время и после Второй мировой войны никогда не представляло собой серьезной проблемы. Напротив - американцы могли снабжать оружием и продовольствием во время войны своих союзников, а после войны даже своих бывших противников, таких, как Германию и Италию.

Как бы то ни было, справедливым остается утверждение, что требовалось большое возмездие, благоприятные условия и человеческие "аргументы", чтобы, будучи немецким военнопленным в Советском Союзе, выжить и вернуться невредимым домой в Германию. Об этом я и хочу сейчас рассказать - о моем пребывании в качестве военнопленного в Рязани.

Число немецких военнопленных в Советском Союзе с 1943 по 1948 гг.

1943 1 квартал	167371	1943 2 квартал	156315
1943 3 квартал	192494	1943 4 квартал	197355
1944 1 квартал	238488	1944 2 квартал	373372
1944 3 квартал	557274	1944 4 квартал	559142
1945 1 квартал	1067640	1945 2 квартал	2040744
1945 3 квартал	1862258	1945 4 квартал	1448724
1946 1 квартал	1319733	1946 2 квартал	1261576
1946 3 квартал	1131979	1946 4 квартал	1072808
1947 1 квартал	1020805	1947 2 квартал	968323
1947 3 квартал	896649	1947 4 квартал	841649
1948 1 квартал	760556	1948 2 квартал	616296
1948 3 квартал	554629	1948 4 квартал	501855

(Цифры для периода до 1943 года опущены, так как они не превышали 100 000. Данные базируются на картотеке поисковой службы Немецкого Красного Креста, на результатах работы Научной комиссии по немецкой истории военнопленных под руководством проф. Машке, (г. Мюнхен), на исследованиях "Народного союза немецкой заботы о военных кладбищах", на статистике Управления военно-

исторических исследований бундесвера, (г. Фрайбург) и на данных серьезных источников информации из Советского Союза).

Более трех миллионов немецких военнопленных, которые попали в руки СССР в ходе Второй мировой войны, были распределены примерно по 3000 лагерей в Советском Союзе. Цепь лагерей простиралась от Полярного Круга до крайнего

Венная служба в мирное время (с 1937 по 1939 гг.) и во время Второй мировой войны (1939-1945 гг.) отняла у моей жизни в общей сложности восемь лет. Похожая ситуация была у моего отца, который в момент моего рождения в 1916 году как раз был солдатом во Франции, участвуя в Первой мировой войне.

С первого же дня Второй мировой войны (1.9.39) я вынужден был принимать в ней участие, так как после окончания моей обязательной службы в августе 1939 года не был уволен из армии, а сразу же был отправлен в Верхнюю Шлезию для участия в походе на Польшу. В 1940 году я был послан на Западный фронт для участия в сражениях сначала в Голландии, затем в Бельгии и, наконец, во Франции. К началу наступления на Советский Союз в июне 1941 года меня послали из Франции на Восточный фронт в 602-й транспортный полк группы армий "Центр" под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, которому были также подчинены две танковые группы (Хота и Гудериана). Нашей задачей было снабжение танковой дивизии Хота. Целью группы армии Центр было сначала продвижение в направлении Москвы вдоль дороги Брест-Литовск, Минск, Орша, Смоленск, Москва. Но, как известно, до Москвы мы так никогда и не дошли. Самое глубокое продвижение с 3-ей танковой группой под командованием Хота привело нас до Вязьмы, где при окружении города в плен были взяты 600.000 солдат Красной Армии. Однако, это было и конце октября, и продвижение немецкого вермахта остановилось. Причин этому было четыре: наступала зима со слякотью и снегом, немецкие войска устали, вместо ожидаемых 200 советских дивизий против нас стояли 360, и в начале декабря генерал Жуков начал решающее для дальнейшего хода войны контрнаступление.

Я сам вскоре после этого был отдан в группу армий "Юг", где мы в течение 1942 года продвигались через Днепротровский и Запорожские к Днепру вплоть до Миллерова. Я был командиром группы связи и выполнял также снабженческие задачи. Когда между ноябрем 1942 и февралем 1943 года происходила битва за Сталинград, я со своим подразделением находился между Доном и Доном, но, по счастью, не непосредственно в районе Сталинграда. Однако, и мы попали в котел и смогли выбраться только в последний момент.

Весной 1943 года мы прошли полное переформирование в Южную Францию. Я попал в танковую гренадерскую дивизию "Фельдхеррихалле" под командованием генерал-майора фон Штайнхеллера, укомплектованную элитными солдатами, приданную сначала 16-й армии группы армий "Север", затем 34-му танковому корпусу 4-й армии группы армий "Центр". Уже при наших действиях в группе армий "Север" на Нарвском фронте мы понесли большие потери и потеряли боевой дух, однако когда мы были переброшены для освежения в 4-ю армию в район Могилева, нас ожидала военная катастрофа. Когда солдаты 2-го Белорусского фронта вошли в этот город с северной и южной стороны в ходе крупного наступления, наша дивизия действовала в районе ледущей на Чауссы узкоколейки. Но, так как советские войска уже продвинулись на запад справа и слева от Могилева, нас через два дня отозвали назад с приказом очистить дорогу на Минск. Выполнить это не удалось. Еще до того, как мы подошли к Березине, на забитом многочисленными автомобилями участке дороги, ведущем на северо-запад, мы понесли большие потери из-за продолжавшихся налетов советских истребителей. Нам пришлось взорвать танки, оружие и тяжелое вооружение, так как не было больше горючего для тягачей. Особенно сильные потери понесло 2-е подразделение танкового полка, которое использовалось для охраны Березины. На маленьких автомобилях и пешком остатки нашей дивизии 5-го июля добрались до района юго-восточнее Минска. Поскольку мы были полностью окружены красноармейцами и постоянно подвергались нападению партизан, то полки нашей хваленной дивизии разбегались в полном отчаянии, на небольшие группы, пытавшиеся с непрерывными боями пробиваться через леса и зерновые поля на запад, что многим, однако, не удалось... Я тоже блуждал, полностью оторванный от своей части, где-то восточнее Минска, пока не был взят в плен вместе с отбывшими от своей части поляком в непосредственной близости от Минска. С этого момента начался 27-месячный период моего русского плена.

Вместе с другими военнопленными я был посажен в товарный поезд и куда-то отправлен. Мы не знали, куда мы едем и опасались, что в Сибирь. Дорога в товарном поезде длилась более двух недель. Жизнь в закрытых вагонах в условиях русского лета 1943 года была полна лишений. Снабжение водой и пищей было крайне скудным, гигиенические условия тоже были безрадостными. С другой стороны, это было все же не так плохо, как в поездах, перевозивших в большом количестве немецких солдат зимой 1943 года после битвы под Сталинградом. Поезд привез нас в Рязань, как мы узнали через несколько дней. Собственно говоря, сначала никто из нас, пленников, не знал, куда мы попали, так как наш лагерь, состоящий из бараков, находился, к тому же, примерно в 10-12 км от самого города. Об этом мы узнавали в лагере позже от других пленников.

В РЯЗАНСКОМ ЛАГЕРЕ

В лагере военнопленных находились примерно 1500-2000 солдат, они размещались в длинных деревянных бараках, стоящих на вытянутой территории. Сколько солдат здесь на самом деле было в плену, я, конечно, не знал с точностью, я могу только приблизительно оценить и предположить, исходя из воспоминаний, что это было около 1500 или 2000 человек. Как и мы из-под Минска, также и многие другие немецкие военнопленные прибыли в лагерь уже истощенными, изголодавшимися и часто смертельно больными. Пятилетняя война, сопровождающаяся поражениями отступления наших войск в 1943 и в первой половине 1944 года, а также тяжесть транспортировки в рязанский лагерь всех нас физически ослабили.

Теперь нужно было привыкать к условиям плена в строго охраняемых русских бараках. К этому мы за время нашей военной службы практически не были подготовлены. Поэтому процесс привыкания представлял собой для большинства из нас громадную проблему, приводившую к странным, удивительным и отталкивающим проявлениям. Конечно, для многих были в этой борьбе за выживание и затрагивавшие саму человеческую сущность события, которые оказали глубокое воздействие на нас, выживших.

В рязанском лагере мы были размещены в битком набитых примитивных деревянных бараках. В каждый барак были втиснуты по 200, 300, вплоть до 600 человек. Отдельному солдату принадлежали только узкое место на метровых нарах, состоящих из двухэтажей. Спальные места зачастую были даже не покрыты соломой, а просто сколочены из сырого дерева. Чаще всего для сна в распоржонной была только полоска шириной 30 см, так что ночью приходилось лежать на боку в плотном контакте с товарищами. Тот, кому нужно было ночью отлучиться, после с трудом отыскивал шель для сна, потому что за время его похода в уборную пространство между связями сжималось.

Еще большей была проблема для тех товарищей, которым приходилось спать на верхнем ярусе нар. Невероятная теснота способствовала, ко всему, и распространению заразных заболеваний, от которых - как и от слабости, и от нехватки питания - умерло немало людей.

В лагере сформировался новый порядок, новая иерархия из русских надзирателей, румынских (!) пособников и немецких солдат, которых нужно было остерегаться. И к этому новому правовому порядку и иерархии власти мы не были подготовлены, так что на первом этапе нашего плена мы вели себя очень осторожно и неуверенно. Сначала надо было проверить, кому можно доверять, а кому нет, нужно было сперва разузнать, кто из русских или румынских надзирателей был просто враждебно настроен, а кто испытывал постоянную ненависть к нам, немцам. Проявлялась осторожность и к другим пленным. Были среди них доносчики, воры, эгоисты, пегодяи, настоящие товарищи и герои. При этом мы никогда точно не могли понять, как происходят некоторые перемены. Так, храбрый солдат превращался в лагере в отвратительного человека, а плаксивый пехотинец - в замечательного товарища, который отдавал свой хлеб, свой суп или свой табак, если другому это было необходимо для выживания.

Вообще, голод был главенствующим мучением лагерной жизни. Не плен сам по себе, не колючая проволока, не работа, не теснота, не жара или холод были тем, от чего мы больше всего страдали. Это был голод. Было слишком мало хлеба, слишком мало жира, очень мало мяса и белка, очень жидкие супы и слишком мало картофеля. А то немногое, что мы получали, отличалось непре-

После войны в Рязани был организован лагерь специального назначения: здесь готовили руководящие кадры среднего звена для новой социалистической Германии.

зойденной монотонностью и однообразием. Хлеб был сильно ограничен и некусен. После уборки капусты многие недели подряд давали только суп из воды с капустой. Если не было супа из капусты, то подавали сваренные в воде зеленые помидоры. Тех немногих картофелин почти никогда не хватало, что постоянно вынуждало нас идти на воронство. К счастью, всегда были надзиратели и надзирательницы (!), которые были невнимательными или сознательно закрывали глаза, и давали нам тем самым возможность стащить за пределами лагеря при выполнении работ немного картофеля, яблок, зерна, овощей или выпечки.

Конечно, причиной плохого продовольственного снабжения нас, заключенных, не была простая жажда мести или стремление к уничтожению со стороны Красной Армии. Существенным образом плохое питание военнопленных объяснялось тем, что сожженный и разрушенный войной Советский Союз не был в состоянии обеспечить в достаточной степени пропитанием даже свое собственное население, не говоря уже о нас, пленниках. В действительности мы ведь еще до нашего попадания в плен могли наблюдать, что русские люди между Брестом и Брянском, между Ржевом и Ростовом, между Смоленском и Сталинымградом сами страдали от голода. И это затрачивало как русских колхозников, так и рабочих, ремесленников и, частью, даже солдат Красной Армии. Поэтому и в лагере у наших русских и румынских надзирателей у самих не было вдоволь еды, нам же просто пришлось голодать. Снабжение, в общем, было просто-напросто недостаточным. К тому же, основные регионы возделывания зерновых культур, особенно на Украине, а также в Белоруссии и Молдавской республике, на два-три года выпали из процесса снабжения продуктами питания остального Советского Союза, так как являлись театрами военных действий и частично были заняты немцами. Кроме того, проявлялась довольно сильная неповоротливость в распределении товаров при централизованном планировании советской экономики, а также недостаточная мощность транспортных средств (железнодорожи) в условиях войны. Насколько мы знали, даже обусловленные военным временем нормы снабжения русского гражданского населения в Рязани были очень низкими. Тем более настойчиво я должен упомянуть о том, что мне не раз встречались русские люди, у которых находились лишние кусок хлеба, стакан молока, ломтик сала, пара картофелин или яблоко, что в конечном итоге позволило мне выжить. Особенно необходимо вспомнить здесь русских женщин, которые встречались нам за пределами лагеря, а также работали лагерными надзирательницами или инспекторами. Они проявляли настоящую человечность, даже если их мужья, сыновья или внуки были известны военными противниками. Может быть, они именно поэтому и были в состоянии видеть в нас не только врага, но и человека, которого, как и их собственных родственников, война унизала до замученного создания.

Несмотря на это, и я страдал в рязанском лагере от дистрофии вследствие длительного недостаточного и однообразного питания, недостатка белка и витаминов. Из-за этой болезни я сначала резко похудел и весил всего 37 килограммов. Мои ноги, руки, туловище и ягодицы истончились до костей, я едва мог ходить. Картина, которую я представлял собой в таком состоянии, известна по многим лагерям Советского Союза времен Вспрой мировой войны. Для многих эта болезнь — дистрофия — оказалась смертельной, потому что, хотя за истощением и следовал стремительный набор веса, но это не было нормальным явлением. У многих пациентов, страдавших дистрофией, опухали головы и ноги, так что они выглядели совершенно обезображенными, не могли надевать обувь и способны были только ползать. Затем пульс ослабевал, голод отказывал, воля к выживанию угасала, и за этим следовала смерть. За то, что меня миновала такая ранняя смерть, я благодарен замечательной русской женщине-врачу, которая послала меня в лазарет и там долго лечила меня, выходя за рамки своих обязанностей. Конечно, мне еще повезло, потому что многие даже после пребывания в лазарете не смогли больше выдержать лишений лагерной жизни. Все-таки, уже во время моего пребывания в лазарете, в октябре 1944 года были смягчены некоторые условия, благодаря чему я год спустя смог возвратиться домой.

Конечно, после моего выздоровления я сначала был направлен в тот же самый лагерь. Там я добровольно записался на особые работы. Что они из себя представляли, тогда я, конечно, еще не знал.

РАБОТА

Во время первых пяти-шести месяцев моего нахождения в плену в лагере под Рязанью я должен был вместе со многими моими товарищами работать в лесу, валить и разделять деревья. Где это происходило, я до сих пор не знаю, так как нас оставали в полном неведении на этот счет. Возможно, это было к юго-востоку от Рязани. Мы были разбиты на бригады и группы и должны были выполнять тяжелую работу. Конечно, мы, как и все военнопленные, должны были выполнять определенные нормы. Судя по моим сегодняшним сведениям, это была такая же норма для работ в лесу,

Справка об освобождении Г. Шпильмана (Шпильман) из лагеря для военнопленных.

как и для русской рабочей силы, которая использовалась в бескрайних смешанных лесах или в сибирской тайге. Однако, для нас, пленников, нормы были постоянно слишком высокими. Потому что мы — ослабленные недостаточным питанием и использование непригодный инструмент — могли достичь запланированных показателей только при наибольшем напряжении.

Поэтому необходимы были хитрости или манипуляции, или подкуп, или дождливая погода (тогда расчет велся по-другому), чтобы выполнить план. А от выполнения нормы зависело, получим ли мы достаточно еды или можем ли мы надеяться на получение дополнительного займа. Деньги в 1944 и 1945 годах мы еще не получали, хотя от других пленников, работавших в шахтах, каменоломнях и на фабриках, я слышал, что там была также денежная оплата. Зато те немецкие солдаты, которые получали деньги за свою работу, должны были выплачивать лагерю расходы на свое содержание, или они удерживались у них при выдаче.

После перенесенной дистрофии я вместе с примерно 150 товарищами работал в колхозе, где мы в мае 1945 года собирали вишни, и позднее — яблоки. Летом 1945 года, то есть после капитуляции Германского Рейха, мы работали на уборке и обмолоте зерна в одном из колхозов недалеко от Рязани. Работа была более легкой, по сравнению с лесоповалом, небольшой наружный лагерь для работающих в колхозе был явно приятнее, чем громадный основной лагерь, и возможности продовольственного снабжения в колхозе были намного лучше. После своей дистрофии я снова набрал вес и восстановил в определенной мере свое здоровье. Иначе я не смог бы дожить до 76 лет и написать эту статью через 47 лет (!). Согласно немецким сведениям, в Советском Союзе немецкими военнопленными были отработаны свыше 10 миллиардов рабочих часов или 1,404 миллиарда рабочих дней (в период с 1941 по 1956 годы). Это является, конечно, определенным экономическим фактором, который нельзя недооценивать в новейшей советской экономической истории. Разумеется, упоминание этих цифр не должно означать, что я собираюсь сравнивать это с человеческими жертвами и материальным ущербом, который немецкие солдаты нанесли советскому народу нападением на СССР, начиная с 1941 года. Также и число 2,205 миллиардов дней военного плена, приведенных немецкими солдатами в СССР (включая Польшу, ЧССР и Югославию) приводится не в порядке "взаимного уничтожения ущерба", а только для того, чтобы обратить внимание на масштаб самого феномена немецких военнопленных.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В начале октября 1945 года мне неожиданно было сообщено об окончании моего нахождения в плену. Транспортировка продолжалась достаточно внезапно, несмотря на то, что вся поездка в Германию продолжалась несколько недель. 31.10.1945 года, во Франкфурте-на-Одере я получил свое удостоверение об освобождении из русского военного плена. Это удостоверение находится у меня по сегодняшний день. 20-го ноября 1945 года я вернулся в свой родной город в Северной Германии и увиделся с родителями. Когда меня призывали на военную службу, мне был 21 год. Теперь же, в ноябре 1945 года, мне было 29 лет. Сегодня мне 76 лет. Я надеюсь, что и моих детей и внуков в Германии, и внуков в Рязани минует тот отрезок жизненного пути, который я, вместе с миллионными молодыми немецкими и русскими мужчинами и женщинами проделал пятьдесят лет тому назад. Пусть наши правительства в Германии и России и впредь будут продолжать начатую политику мира и примирения! Я приветствую Вас, дорогие читатели, вместе с моим дядей, который составил эту статью на основе моих воспоминаний и дополнительного изучения исторических документов и направил ее в эту газету.

Перевод с немецкого Олега Шубина.

Список немецких военнопленных, похороненных на рязанских кладбищах.

Liste deutscher Kriegsgefangener, die in Rjasan gestorben sind

(Die Namen sind aus dem Russischen rückübersetzt)

Name, Vornamen	Vorname des Vaters	Geburts- jahr	Dienst- grad	Todes- datum
Schreck, Erwin	Hugo	1902	Gefreiter	5.8.45
Mehlhorn, Hermann	Florenz	1913	Gefreiter	25.9.45
Reemus, Helmut	Walter	1919	Unteroffizier	10.9.45
Kuhn, Robert	Robert	1912	Wachtmeister	27.11.45
Derke, Gert	Gert	1924	Obergefreiter	7.12.45
Fuchs, Heinrich	Heinrich	1903	Soldat	10.12.45
Dwenger, Heinrich	Wilhelm	1909	Gefreiter	2.1.46
Kalbke, August	Anton	1910	Stabsgefreiter	3.1.46
Müller, Richard	Otto	1921	Obergefreiter	8.1.46
Reisiegelger, Josef	Werner	1919	Unteroffizier	16.1.46
Haustann, Horst	Alfred	1926	Soldat	23.1.46
Kat, Heike	Karl	1921	Unteroffizier	21.1.46
Scheidwaler, Matthias	Friedrich	1922	Feldwebel	28.1.46
Flor, Fritz	Friedrich	1909	Oberwachtmeister	29.1.46
Gulbisch, Arko	Max	1907	Gefreiter	31.1.46
Musch, Fritz	Wilhelm	1903	Obergefreiter	6.2.46
Bartoldt, Herbert	Otto	1920	Obergefreiter	7.2.46
Girschkowski, Walter	Hermann	1920	Obergefreiter	7.2.46
Waltemats, Heinrich	Heinrich	1910	Obergefreiter	2.2.46
Maß, Hans	Eduard	1914	Unteroffizier	9.2.46
Saltwedel, Fritz	Karl	1912	Obergefreiter	6.2.46
Kumpel, Albert	Wilhelm	1904	Obergefreiter	6.2.46
Matu, Martin	Martin	1924	Gefreiter	11.??.46
Wallat, Wilhelm	Martin	1914	Stabsgefreiter	15.2.46
Kleis, Walter	Walter	1924	Gefreiter	16.3.46
Steikie, Konrad	Konrad	1919	Obergefreiter	18.3.46
Bredger, Franz	Theodor	1908	Obergefreiter	21.3.46
Benu, Kurt	Jakob	1915	Unteroffizier	22.3.46
Helche, Otto	Robert	1918	Stabsgefreiter	22.3.46
Fricke, Hans	Friedrich	1922	Obergefreiter	20.3.46
Itker, Wenzel	Anton	1900	Obergefreiter	23.3.46
Kunberger, Peter	Adam	1901	Gefreiter	25.3.46
Preisner, Karl	Karl	1924	Gefreiter	26.3.46
Reil, Rudolf	Christian	1907	Obergefreiter	27.3.46
Potke, Paul	Gustav	1907	Gefreiter	27.3.46
Müller, Ferdinand	Ferdinand	1913	Obergefreiter	30.3.46
Opiu, Walter	Bruno	1915	Gefreiter	31.3.46
Aschmayer, Josef	Josef	1915	Unteroffizier	5.4.46
Krill, Josef	Karl	1907	Obergefreiter	5.4.46
Hausner, Georg	Matthias	1913	Stabsgefreiter	5.4.46
Krupbach, Heinz	Georg	1920	Obergefreiter	7.4.46
Klafert, Erich	Heinrich	1908	Stabsgefreiter	7.4.46
Fogen, Heinrich	Alois	1910	Stabsgefreiter	6.4.46
Noske, Erich	August	1922	Unteroffizier	16.4.46
Gehrcke, Günter	Fritz	1923	Obergefreiter	21.4.46
Steibach, Thomas	Georg	1903	Unteroffizier	21.4.46
Reisinger, Willy	Johann	1906	Gefreiter	22.4.46
Heikzel, Waldemar	Karl	1918	Unteroffizier	14.2.46
Eitel, Fritz	Haker	1913	Stabsgefreiter	15.2.46
Betual, Ernst	Christoph	1920	Zivilist	15.2.46
Gräfe, Herbert	Waldemar	1911	Obergefreiter	16.2.46
Modar, Zirkan	Zirkan	1920	Unteroffizier	24.2.46
Ludwig, Hater	Bert	1917	Stabsgefreiter	24.2.46
Heidelmann, Hans	Alfred	1925	Gefreiter	21.2.46
Meinel, Helmut	Walter	1923	Unteroffizier	28.2.46
Schütt, Bernhard	Theodor	1921	Obergefreiter	25.2.46
Weiter, Hans	Johann	1925	Gefreiter	25.2.46
Schmidt, Ernst	Gustav	1912	Soldat	1.3.46
Müller, Franz	Fritz	1908	Obergefreiter	1.3.46
Betzsche, Hermann	Max	1928	Obergefreiter	4.3.46
Zack, Arthur	Richard	1900	Gefreiter	6.3.46
Kallen, Felix	Richard	1909	Zivilist	6.3.46
Betcher, Hans	Ernst	1925	Feldwebel	6.3.46
Betcher, Willy	Hermann	1905	Gefreiter	8.3.46
Manz, Anton	Anton	1912	Obergefreiter	9.3.46
Walfrut, Willy	Hans	1915	Obergefreiter	10.3.46
Rockel, Andreas	A?	1912	Gefreiter	12.3.46

Name, Vornamen	Vorname des Vaters	Geburts- jahr	Dienst- grad	Todes- datum
Schroth, Johann	Johann	1907	Gefreiter	13.3.46
Kohlrach, Rudolf	Emil	1906	Obergefreiter	14.3.46
Kramer, Ernst	Fritz	1924	Obergefreiter	13.3.46
Gückter, Willy	Alfred	1926	Obergefreiter	15.3.46
Kischeider, Josef	Josef	1922	Obergefreiter	15.3.46
Schmidt, Josef	Josef	1922	Obergefreiter	22.3.46
Detler, Hermann	Hermann	1918	Unteroffizier	23.3.46
Klein, Woldemar	Rudolf	1913	Stabsgefreiter	12.5.46
Schneider, Willy	Max	1920	Unteroffizier	26.5.46
Kukumann, Kurt	August	1911	Hauptmann	12.9.46
Zichon, Paul	Alexander	1902	Gefreiter	19.9.46
Ingedahl, Jakob	Franz	1925	Soldat	30.10.46
Kniehose, Karl	Heinrich	1924	Soldat	17.11.46
Laus, Alfred	Emmanuel	1913	Obergefreiter	30.11.46
Nalwa, Willy	Hans	1907	Obergefreiter	27.1.47
Wicke, Harald	Paul	1925	Obergefreiter	18.2.47
Wappler, Otto	Hermann	1911	Obergefreiter	15.3.47
Schnabbe, Otto	Hermann	1898	?	?
Brand, Paul	Hermann	1899	?	?
Peters, Erich	Johann	1925	?	?
Siebmann, Heinz	Erich	1911	?	?
Patsch, Walter	Friedrich	1908	?	?
Stockhorst, Fritz	Hermann	1922	?	?
Pesthens, Hermann	Peter	1906	?	?
Stanks, Wilt	Johann	1904	?	?
Schäfer, Oskar	Hugo	1904	?	?
Mai, Werner	August	1926	?	?
Wagner, Karl	Gustav	1911	Obergefreiter	24.11.46
Wawzen, Hans	Georg	1919	Obergefreiter	1.3.46
Gask, Friedrich	Wilhelm	1908	Gefreiter	6.3.46
Gaider, Sebantyn	Jesef	1917	Unteroffizier	2.2.46
Gaschler, Ferdinand	Matthias	1921	Obergefreiter	10.1.46
Gebode, Wilhelm	Ernst	1922	Unteroffizier	7.3.47
Henrich, Georg	Paul	1913	Stabsgefreiter	9.11.46
Horne, Erich	Odolf	1920	Unteroffizier	4.3.46
Großstück, Erich	Wilhelm	1913	Unteroffizier	15.4.46
Deuzelmann, Arnold	?	1926	Gefreiter	1.2.46
Derke, Hans	Henrik	1910	Feldwebel	7.2.46
Dietrich, Heinrich	Heinrich	1920	Obergefreiter	26.1.46
Dormayer, Otto	Johann	1903	Stabsgefreiter	5.2.46
Düwi, Walter	Johannes	1914	Obergefreiter	8.2.46
Eske, Adolf	Adolf	1909	Soldat	9.2.46
Eretkarms, Matthias	Johann	1910	Obergefreiter	18.2.46
Sieg, Arthur	Michael	1915	Stabsgefreiter	27.1.46
Sigmund, Walter	Robert	1915	Stabsgefreiter	29.1.46
Siaerd, Werner	Herbert	1924	Feldwebel	26.1.46
Kreft, Heinrich	Reinold	1917	Soldat	4.3.46
Kielprecht, Walter	Otto	1926	Soldat	12.2.46
Kronwitter, Anton	Otto	1903	Gefreiter	23.2.46
Kunis, Walter	Wille	1913	Obergefreiter	19.2.46
Landeck, Albert	Franz	1914	Unteroffizier	6.3.46
Leuwe, Hans	Otto	1919	Unteroffizier	15.1.46
Linke, Max	August	1912	Stabsgefreiter	2.7.46
Mai, Erhard	Max	1918	Stabsgefreiter	15.2.46
Maas, Hans	Heinrich	1917	Gefreiter	13.3.46
Miller, Franz	Hans	1913	Soldat	7.2.46
Morez, Heinz	Fritz	1912	Unteroffizier	19.2.46
Mut, Erwin	Johann	1906	Obergefreiter	2.3.46
Neimann, Karl	?	1925	Gefreiter	10.2.46
Plecher, Otto	Friedrich	1915	Obergefreiter	13.2.46
Pockoi, Friedrich	Eduard	1924	Gefreiter	19.2.46
Reumelen, Willy	Emil	1913	Obergefreiter	17.3.46
Ruf, Stephan	Vinzenz	1906	Soldat	9.2.46
Stahl, Marten	Krist	1910	Obergefreiter	1.2.46
Tielmann, Theodor	Ignaz	1919	Stabsgefreiter	15.2.46
Uneget, Gerhard	?	1920	Gefreiter	29.12.45
Uneget, Asphald	Kurt	1908	Soldat	15.2.46
Feufer, Rudolf	Rudolf	1921	Gefreiter	16.2.46
Franke, Wilhelm	Franz	1907	Gefreiter	10.1.46
Frielinhaus, Ernst	Richard	1909	Soldat	17.2.46
Zinenhalm, Günter	Walter	1926	Stabsgefreiter	21.3.46
Paul, Paul	?	1921	Gefreiter	23.3.46
Schweikarz Leonhard	Edm.	1910	Gefreiter	8.2.46
Eberhard, Heinz	Alber	1913	Obergefreiter	16.4.46
Mernitz, Otto	?	?	?	?
Müller, Emil	?	?	?	?
Wilms, Max	?	?	?	?
Nass, Karl	?	?	?	?

Liebe Freunde,

die historisch-aufklärerische und menschenrecht-schützende Gesellschaft MEMORIAL arbeitet schon 2 Jahre an dem Programm "Soldaten des zweiten Krieges". Wir glauben, daß die Ergebnisse der Arbeit an diesem Projekt als ein Beitrag zur Festigung der freundschaftlichen Beziehungen zwischen den durch unheilverkündende totalitäre Regimes in die tragische Kluft des zweiten Weltkrieges verwickelten Völkern dienen können. Wir betrachten es als unsere Pflicht, bei der Beschreibung der neuesten Geschichte im Bereich der Tatsachen, der Schicksale von konkreten Menschen zu helfen.

Es ist uns gelungen, in den geheimen NKWD-Archiven Dokumente zu den Konzentrationslagern zu entdecken, wo sich Kriegsgefangene - Bürger von Deutschland, Tschechoslowakei,

Italien, Rumänien gehalten worden waren. MEMORIAL hat Namen und konkrete Begräbnungsstellen von mehr als 600 deutschen Soldaten und Offizieren festgestellt, die in den Lagern des Rjasaner Gebietes Rußlands verstorben waren.

Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Photodokumente zu helfen.

Unsere Adresse ist: 390000, Rußland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.

Für die Leser, die eine Möglichkeit hätten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an dem Programm "Soldaten des zweiten Krieges" Hilfe zu leisten, teilen wir unser Bankkonto in Deutschland mit: Nr.10707269, BLZ 40050150, Stadtparkasse Münster, BRD.

И. ЛИВШИЦ

РОССИЙСКИЙ ОФИЦЕР: ЗА БЕЛЫХ ИЛИ ЗА КРАСНЫХ?

К 75-летию начала Гражданской войны в России

Гражданская война в России началась с разгона радикальными социал-демократами (большевиками) Учредительного собрания, где они оказались в подавляющем меньшинстве (120 делегатов из 410 присутствовавших). По докладу В.И. Ленина ВЦИК 6 января 1918 года принял декрет о роспуске Учредительного собрания. В ответ на это Советы ряда городов, где большинство составляли консервативные социал-демократы (меньшевики) и правые социал-революционеры (эсеры) двинули подчинявшиеся им воинские формирования на столицу с требованием: "Вся власть Учредительному собранию!" Виновниками Гражданской войны в России, таким образом, являются социалисты. Это уже потом Военный министр Колчак разогнал мешавший ему социалистический Омский Совет и объявил себя Верховным руководителем России. И первыми жертвами Гражданской войны в России были петербургские рабочие, демонстрировавшие свою поддержку Учредительному собранию и расстрелянные 5 января большевиками-красногвардейцами.

В истории Гражданской войны в России очень много "белых пятен" и просто ложных фактов, несущих определенную идеологическую нагрузку. Сейчас, когда мы отказываемся от многих стереотипов, навязанных нам коммунистической идеологией, один стереотип тем не менее продолжает жить и отравлять наше сознание. Это

стереотип о роли российского офицерского корпуса в Гражданской войне. До сих пор бытует устойчивое мнение: если офицер, значит белый, а если и служил у красных, то все равно предатель, за что и был расстрелян во время Гражданской войны, или в печально известные 30-е годы. Этот стереотип ложный и доказательством тому служат редко публикуемые данные по российскому офицерскому корпусу и регулярной армии.

Нужны ли были офицеры красным большевикам? Ведь в первой программе РСДРП, принятой еще в 1903 году, программе, по которой и был совершен октябрьский переворот, выдвигалось требование уничтожения армии, как средства насилия эксплуататорских классов, и замены ее вооруженным народом. Причем лозунг этот выдвинул еще К. Маркс в "Гражданской войне во Франции", а В.И. Ленин поддерживал его в работе "Государство и революция", написанной летом 1917 года. И вдруг в 1918 году он поднимает вопрос о создании регулярной Красной армии. Дело в том, что наступление германских войск в начале 1918 года, когда было сорвано подписание Брестского мира, со всей очевидностью показало неспособность партизанских красногвардейских отрядов, так называемых "боевых завес", успешно противостоять регулярной армии. И это несмотря на многочисленные потери в живой силе,

которые оказались напрасными. Причем погиб цвет рабочего класса, поскольку согласно декрету В.И. Ленина от 14 января 1918 года отряды комплектовались из добровольных начальных из самых сознательных борцов, которые сами себе выбирали командиров.

Однако некоторые члены ЦК яростно выступили против создания регулярной армии, аргументируя свое выступление недавними ленинскими положениями, и еще на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 года так называемая "военная оппозиция" попыталась дать бой по этому вопросу.

Регулярная армия отличается от вооруженного народа тем, что она подчиняется строгой дисциплине, регламентируемой многочисленными уставами. И за соблюдением этой дисциплины строго следит разветвленная, пронизывающая всю армию военная администрация. Вот эту-то администрацию и составляет офицерский корпус. Без военной администрации вооруженный народ быстро вырождается в вооруженную банду, анархически управляемую вождями, атаманами, батьками. Отряды батьки Махно достигали численности до тридцати тысяч человек. И все-таки, это была обыкновенная банда, которая могла быть легко рассеяна при первом же неудачном бое.

Эту простую истину хорошо понимал Л.Д. Троцкий, которому Совет народных

комиссаров поручил создать регулярную Красную армию, назначив его Народным комиссаром по военным делам и Председателем Реввоенсовета Республики, в функцию которого входило оперативное и организационное управление войсками. Поэтому он выдвинул требование введения в армии единоначалия, строгой дисциплины, военного трибунала с правом наказания виновных вплоть до смертной казни, и требование использовать в качестве военной администрации бывших царских офицеров. В.И. Ленин согласился с этими разумными требованиями, выпустил декрет от 22 апреля о порядке замещения должностей в Красной армии по усмотрению вышестоящего начальника и от 20 ноября об учете бывших царских офицеров. Однако он одновременно предложил ввести в Красной армии институт политических комиссаров для непосредственного разъяснения массам радиков бойцов политики партии и для предотвращения сосредоточения военной власти в руках бывших офицеров. Политические комиссары назначались по социальному признаку из числа сознательных пролетариев. Кто же были по своему происхождению офицеры, если пролетариата своих офицеров не было?

К Февральской революции русская регулярная армия насчитывала порядка 10 миллионов человек и по штатному расписанию в ней состояло порядка 200 тысяч офицеров. Естественно, что сорок тысяч дворянских семей не могли предоставить армии нужное количество офицеров. Хотя буржуазия среди населения России составляла несколько миллионов человек, ее представители предпочитали наживаться на поставках армии, вместо того чтобы служить в армии, где всегда существует риск погибнуть. Таким образом, в основном, офицер царской армии являлся разношерстным, выходящим из интеллигенции, из крестьян или из казаков; терять в революции ему было нечего, ибо ни поместий, ни заводов, ни фабрик он не имел.

По этой причине, когда в 1919 году возник план создания трехмиллионной регулярной Красной армии и была объявлена всеобщая мобилизация, кадровые офицеры пошли на службу пролетариату, так как других средств для пропитания они попросту не имели. Кроме того, в это время началась интервенция войск стран Антанты, освободившихся после окончания Первой мировой войны, которые поддерживали белое движение, материально снабжая его припасами и координируя его усилия. Российские офицеры, воспитанные в духе патриотизма и преданности Родине, не могли мириться с иностранным вмешательством в решение внутренних национальных проблем, и это являлось одной из многочисленных причин перехода их на сторону красных. В записке В.И. Ленину, датированной летом 1919 года, Председатель Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкий сообщал, что им отобилизовано 67 тысяч офицеров и он надеется до конца года отобилизовать еще 50 тысяч. Это были почти все офицеры, находящиеся на территории республики. По-видимому, задача была им выполнена, поскольку в 1920 году он довел численность регулярной Красной армии до пяти с половиной миллионов человек. Он организовал Полевой штаб Реввоенсовета

республики, высший оперативный орган Главного командования Красной армии, в котором служили бывшие царские генералы и адмиралы: М.А. Бонч-Бруевич, В.Н. Егорьев, Ф.В. Костяев, П.П. Лебедев, Д.П. Парский, Н.Н. Ратель, В.М. Алтфатер, и А.П. Зеленый. Под их руководством были разработаны новые уставы, которые высоко оценили белые офицеры, воспевающие по уже устаревшим уставам царской армии.

В книге известного советского военачальника и военного историка Г.Х. Эйхе "Опрокинутый тыл" приводятся интересные данные об участии офицерского корпуса в Гражданской войне на стороне белых. За время Гражданской войны в Добровольческой армии Деникина находилось до 30 тысяч кадровых офицеров, в армии Колчака — до 10 тысяч. Около 5 тысяч кадровых офицеров было сосредоточено в Белой армии на севере России и, по-видимому, такое же количество находилось в воинских формированиях на западных и юго-восточных границах России. Таким образом, общее количество офицеров, участвовавших в Гражданской войне в рядах регулярной Красной армии, более чем в 2 раза превышало число кадровых офицеров, принимавших участие в военных действиях на стороне белых.

Участие кадровых офицеров в Красной армии явилось одной из причин ее высокой боеспособности, мобильности, обученности, одной из причин ее побед. Для сравнения заметим, что Мексиканская революция, происходившая в то же время, выдвинула таких талантливых военных самородков, как Э. Сапата и П. Вилья, отряды которых занимали даже столицу Мехико. Но эти необученные и недисциплинированные отряды не могли долго противостоять и в конечном итоге терпели поражения от регулярной правительственной армии, потому что не были достаточно хорошо организованы, не имели военной администрации и держались не на строгой дисциплине, а на энтузиазме восставших, которого хватало только до первой неудачи. Характерно, что в "дизимин" Э. Сапаты одно время находился кадровый генерал, пытавшийся навести военный порядок, для уничтожения которого контрреволюционеры организовали специальный рейд на повстанческую территорию, в результате чего этот генерал был расстрелян.

Колчак, понимая, что без наличия достаточного количества кадровых офицеров его миллионная армия сильно отобилизованных крестьян не будет боеспособной, в перспективе с Деникиным настойчиво требовал передать ему кадровых офицеров, которых в немногочисленной в то время Добровольческой армии было в избытке, так что капитаны командовали взводами, а волковники ротами. Однако, Деникин линейных кадровых офицеров Колчаку не отдавал в силу существовавшего между ними соперничества. Кип же тогда осуществлял командование в миллионной регулярной армии Колчака и откуда взялись знаменитые каппелевские "офицерские" батальоны, проводившие жестокие карательные экспедиции против восставших крестьян?

Дело в том, что помимо кадрового офицерского корпуса в России еще существовали так называемые "земские гусары". Это были многочисленные представители бур-

жуазии, взятками откупавшиеся от службы в регулярной армии и устраивавшиеся на воинскую службу в многочисленные военные представительства по снабжению армии провиантом и воинскими припасами. Вот из этих-то "земгусаров", не имеющих военной выучки, военного опыта, не способных организовать военное противодействие регулярной армии, но жестко мстящих безоружному населению за потерю своих привилегий, Колчак и рекрутировал своих офицеров. Поэтому, как только в регулярных войсках Красной армии на восточном фронте был введен более или менее действующий административный порядок, и они получили достаточно вооружение, поставляемых отечественной промышленностью, несобученная и плохо управляемая, хотя и прераставшая снабжением Антантой армия Колчака покатила на посток. Насильно мобилизованные в нее крестьяне переходили на сторону Красной армии и вливались в ее регулярные части. Следует отметить, что и пленные офицеры в ряде случаев тоже привлекались на службу в Красную армию из-за недостатка в ней командиров, и большинство из них добросовестно служили. Хотя и были случаи предательства офицеров, но большинство офицеров, связавших свою судьбу с Красной армией, честно служили в ней. Они продолжали честно служить и после Гражданской войны, когда Красная армия была сокращена в десять раз, поскольку военная служба, заплата Родины была их профессией.

Среди сорока тысяч командиров Красной армии, уничтоженных перед Великой отечественной войной, большинство составляли именно эти честные офицеры, поскольку консервативной административно-приказной системе управления нужны были не мыслящие командиры, а слепые исполнители способные бездумно выполнять любые приказы любой ценой. Так был уничтожен выдающийся военный теоретик маршал М.Н. Тухачевский, а бывший вестовой С.М. Буденного В.И. Книга был произведен в генерал-майоры и получил командование кавалерийской дивизией, которую он впоследствии, не задумываясь, бросил против немецких танков.

Несомненно то, что если бы командиры Красной армии из кадрового офицерского корпуса не были бы выбиты предвоенными репрессиями, они сумели бы внести достойный вклад в победу в Великой отечественной войне и в снижение потерь во время этой войны, как обладатели ценного опыта военных действий.

Таким образом, следует признать, что российский офицерский корпус в Гражданской войне, в основном, воевал на стороне красных. А противоположный стереотип является по своему существу ложным. Он связан исторической науке И.В. Сталиным, который повинен в предательском расстреле в 1919 году в Петрограде нескольких тысяч зарегистрированных согласно декрета В.И. Ленина царских офицеров и в уничтожении кадровых офицеров во время предвоенных репрессий.

Санкт-Петербург

БЕЗУМИЕ ВО ИМЯ ИДЕИ

Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооруженными силами на юге России, сообщает:

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу об избиении большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии

1 апреля в станицу Елизаветинскую вступили передовые конные большевистские отряды, которые отнеслись терпеливо к оставшимся раненым, но затем по мере прихода других частей, особенно пехоты, раненные подверглись глумлению и избиению, и у них были отобраны деньги.

1-го же апреля начались единичные случаи уийства. Так, за несколько минут до прихода большевиков в двухклассное училище, туда прибежал больной мальчик, назвавшийся кадетом 3-го класса Новочеркасского кадетского корпуса и попросил жену заведующего училищем спрятать его, но та не успела этого сделать, и мальчик остался на дворе среди детей казаков. По приходе большевиков кто-то из иногородних сказал им, что среди детей казаков находится кадет. Тогда один большевистский солдат подошел к этому мальчику и спросил, кадет ли он. Мальчик ответил утвердительно, после чего солдат тот тут же, на глазах у всех присутствовавших, заколол мальчика штыком.

2 апреля в станицу Елизаветинскую пришел большевистский карательный отряд, который обошел все училища и школы станицы, приспособленные под лазареты, и во всех них перебил оставленных раненых и больных. Допрошенный Комиссией один из участников Добровольческой Армии, подпоручик 1-го офицерского полка генерала Маркова Кром, лежавший в женском училище, будучи тяжело ранен в правую ногу с раздроблением бедра выше колена, показал по поводу избиения раненых в названном училище следующее.

В подень к училищу подошел карательный отряд, который, выгнав всех посторонних людей, вошел туда. Вместе с этим отрядом в училище вбежал какой-то большевик, и, указав на трех раненых, сказал, что они офицеры.

Большевики, поговорив немного с этими ранеными, начали затем расстреливать и рубить всех подряд с левого фланга, причем один из них достал топор и рубил им.

Некоторые из раненых просили не рубить, а расстреливать их, на что неизменно получали один ответ: "Собаке собачья смерть".

Рядом с подпоручиком Кромом лежал полковник Ланковский. Расстреляв его, один из большевиков прицелился в Крома, но в это время в училище вбежал какой-то матрос и сказал, что нескольких приказано оставить на развод, чтобы рассказать потомству, как большевики поступают с теми, кто идет против народа. Вследствие этого подпоручик Кром, один донской казак и еще несколько человек были оставлены в живых.

Об этом же избиении раненых учительница женского училища показала, что большевики запретили находившимся при оставшихся раненых двум врачам и сестре милосердия подавать им

медицинскую помощь, а когда она тем не менее стала ухаживать за ранеными, то большевики сказали ей: "Поухаживай, поухаживай, завтра будешь с ними лежать".

Такое же избиение произошло с ранеными и больными, лежавшими в двухклассном Елизаветинском училище. Заведующий этим училищем, жена его и несколько местных казаков, живших напротив, удостоверили Комиссию, что большевики, придя туда, тоже сначала выгнали всех "вольных" со двора и из помещения училища, а затем, поставив к дверям и воротам стражу, вошли в училище, откуда вслед за входом большевиков послышались стоны и крики раненых.

Через некоторое время большевики начали выходить из училища, все измазанные кровью, и обмывали себя и свое оружие, топоры и лопаты от залившей их крови в стоявших на дворе корытах, а затем снова возвращались в училище продолжать свое кровавое дело.

2 же апреля вечером большевики приказали местным казакам убрать из всех лазаретов тела убитых ими раненых и больных и свезти их "на гной" в камыши, т.е. выбросить их, чтобы они гнили в камыше. Однако казаки отвезли трупы убитых на кладбище и зарыли там в общую могилу.

Лица, входившие в школы, где находились лазареты, после ухода оттуда большевиков показали, что вид лежавших там трупов был нестерпимо ужасен. Тела убитых валялись по всем комнатам в изуродованном виде - так, один офицер лежал, держа в застывших руках свою же отрубленную ногу, у другого были выколоты оба глаза, у некоторых были отрублены головы и разрублены лица, у других же вся грудь и лицо были исколоты штыковыми ранами и т.д.

Тут же среди трупов лежали стонавшие недобитые раненые. Пол был залит огромными лужами крови, а солома, служившая подстилкой раненых, была насквозь пропитана кровью. Крови было так много, что ходить по полу, по словам очевидцев, было очень скользко.

Священник, случайно находившийся на кладбище, и казаки, зарывавшие могилу, показали, что большинство тел было настолько изуродовано и изрублено, что представляли собой прямо отдельные куски человеческого мяса.

Выяснить точное число и все имена убитых большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой Армии не удалось, но, по показанию одного казака, закапывавшего трупы, он насчитал положенных в могилу 69 тел.

Кроме того, тогда же были убиты и две сестры милосердия, из которых одну большевики бросили в Кубань, а другую, совсем молодую девушку, институтку 6 кл., Веру Пархоменко, расстреляли на кладбище.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой Комиссией с соблюдением правил, установленных в Уставе Уголовного Судопроизводства.

Марта, 20 дня, 1919 года,
г. Екатеринодар.

"MEMORIAL"

THE HUMAN RIGHTS DEFENDING,
HISTORICAL-EDUCATIONAL
AND CHARITY SOCIETY.
THE RUSSIAN FEDERATION, RYAZAN.

The regional department of independent historical-educational, human rights defending and mercy society "Memorial" (Ryazan-city, Russia) was set up in October 1989. Its principal tasks are: human rights defense activity; historical justice restoration; collecting of information about political repressions victims rehabilitation; secret burials discovery; historical-educational activity; juridical and moral aid to the victims of Stalin repressions; mercy.

At present Ryazan "Memorial" is the only non-government human rights defending organization in this region of Russia. It has its own independent bulletin "The Ryazan Vestnik", offset-printed, circulation 3 000-10 000 (depending on season and means available) and "The Karta" independent historical magazine, circulation 2 000-3 000 copies. Some "Memorial" members are the members of the deputy group of Ryazan City Council.

Ryazan "Memorial" has found the places of imprisonment and burial of Polish Armja Krayowa fighters on the territory of the region; discovered and sent to Poland the lists of prisoners and fallen soldiers of AK; found a burial place of a Brigade General of AK, a National Hero of the Polish Republic Kazimierz Tumidaisky whose remains have been exhumated and taken to Poland.

"Memorial" has begun to realize the first project of NKVD (Nr 178-454) concentration camp cemeteries restoration, where the Poles, the Germans, the Italians, the Romanians and the Russians had been buried; established the facts of multyannual imprisonment in Ryazan psychiatric clinic of the Spaniards and the Poles; found documents and location of 20 NKVD concentration camps and the German and the Austrian citizens cemeteries; discovered a secret burial of Soviet people, who had been shot in 1938; prepared documents and helped in the rehabilitation of two largest groups of political opposition 1960-80 in Ryazan region.

Ryazan "Memorial" is carrying out its activity using private contributions and foreign citizens and organizations donations. To continue the programs mentioned above, "Memorial" needs some technical means and equipment, such as computers, xerox etc., for the creation of computer data-bases; financial resources for archiv research and addition of "The Vestnik" newspaper and "The Karta" magazine.

Address: 390000, Russia, Ryazan-center, Postbox 20.

Our account: 700010, Russia, Ryazan, Meschera Bank.

Our account in Germany: N 107072969, Bankindex 40050150, Stadtparkasse Munster, BRD.

Our account in Poland: N A-00210988 P.K.O. S.A. oddz Olsztyn ul. Dabrowsczakow 30, Polska.